

Карлос Руис

ЕДФОН

Лабиринт призраков



Кладбище забытых книг

Карлос Сафон

Лабиринт призраков

«АСТ»

2016

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

Сафон К. Р.

Лабиринт призраков / К. Р. Сафон — «АСТ»,
2016 — (Кладбище забытых книг)

ISBN 978-5-17-106585-0

Последняя, завершающая книга культового цикла Карлоса Руиса Сафона «Кладбище забытых книг», в который входят романы «Тень ветра», «Игра ангела» и «Узник Неба». Загадка переплетается с загадкой и уводит всё дальше и дальше в лабиринт новых тайн и вопросов, извилистый, будто улочки старой Барселоны — города, где может случиться всё что угодно. Загадка исчезновения всемогущего и зловещего министра Маурисио Вальса... Загадка далекого прошлого сотрудницы секретной службы Алисии Грис, расследующей его исчезновение... И, главное, загадка книг из серии «Лабиринт призраков», порожденных гениальным воображением их автора, — мрачных и причудливых произведений, в которых прекрасная Барселона обретает черты инфернального королевства, управляемого темными безжалостными силами.

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-106585-0

© Сафон К. Р., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Книга Даниэля	5
Дни гнева	15
Маскарад	37
Кугіе[14]	48
Город миражей	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Карлос Руис Сафон

Лабиринт призраков

Книга Даниэля

1

Той ночью мне приснилось, будто я вернулся на Кладбище забытых книг. Мне вновь было десять лет. Я проснулся в своей детской спальне и внезапно понял, что лицо матери изгладилось из памяти. Следом, само собой, как это часто происходит во сне, пришло осознание, что я сам виноват в постигшем меня беспамятстве. Я не заслуживал помнить мать, потому что не сумел отомстить за нее.

Вскоре в детскую заглянул отец; он всполошился, услышав мои горестные рыдания. Я видел его во сне таким, каким он был прежде, — молодым и знавшим ответы на все экзистенциальные вопросы. Отец крепко обнял меня, пытаюсь успокоить. Позднее, когда первые лучи солнца осветили окутанную дымкой Барселону, мы вышли из дома. Отец, неизвестно почему, проводил меня только до крыльца. Там выпустил мою руку и дал понять, что дальнейший путь я обязан пройти самостоятельно.

Я побрел по улице, едва переставляя ноги. Одежда, ботинки и даже собственная кожа наливались невыносимой тяжестью. Каждый новый шаг давался с бóльшим трудом, чем предыдущий. Очутившись на Рамбла¹, я заметил, что город на мгновение, длившееся бесконечно, сковала неподвижность. Пешеходы замерли на ходу, в оцепенении напоминая статичные фигуры на старых пожелтевших фотографиях. Застыл, взмывая к небу, голубь, и взмах его крыльев отпечатался в эфире размытыми акварельными мазками. Пыльца недвижно парила в воздухе, создавая марево, пронизанное солнцем. Брызги воды из фонтана Каналетас сверкали в разреженном пространстве подобно ожерелью из хрустальных слез.

Исподволь, словно путь пролегал под водой, я двигался дальше, погружаясь в морок застрявшей во времени Барселоны, пока не добрался до портала Кладбища забытых книг. У порога остановился, совершенно обессиленный. Я не понимал природы невидимого бремени, почти парализовавшего меня, которое влачил из последних сил. Ухватившись за дверной молоток, я постучал, но мне не открыли. Я упорно колотил в массивную деревянную дверь кулаками. Хранитель не откликнулся на мои призывы. В изнеможении я упал на колени. И тогда, подумав о чарах, одолевавших меня с тех пор, как вышел на улицу, проникся уверенностью, что город, как и я сам, обречен. Мы навеки опутаны закланием, и мне не суждено вспомнить лица матери.

Я нашел его в тот миг, когда меня покинула последняя надежда. Металлический предмет притаился во внутреннем кармане школьного пиджака с моими инициалами, вышитыми синими нитками. Ключ. Я понятия не имел, как долго носил его с собой, не подозревая об этом. Ключ, покрытый ржавчиной, был тяжелым, словно гнет у меня на душе. С огромным трудом обеими руками я поднес ключ к замочной скважине. И едва не скончался от напряжения, пытаясь повернуть его. Я уже отчаялся справиться с замком, но вдруг он щелкнул, и дверь плавно отворилась внутрь.

¹ Знаменитый бульвар в Барселоне. Варианты названия: Ла Рамбла, Лас Рамблас. Бульвар, протянувшийся от площади Каталонии до памятника Колумбу, делится на пять сегментов, и каждый из них имеет свое название, благодаря чему бульвар иногда называют бульварами Рамбла.

В глубину древнего дворца вел извилистый коридор. Вдоль него тянулась вереница тускло горевших свечей, указывая путь. Едва окунувшись в полумрак, я услышал, как за спиной захлопнулась дверь. Я узнал галерею, обрамленную фресками с изображениями ангелов и других мифических существ. Они внимательно разглядывали меня из мглистых сумерек и, казалось, оживали, двигались, когда я проходил мимо. Миновав галерею, я приблизился к арочному проему, за которым открывался зал с высоким сводом, и остановился. Передо мной, как бескрайний мираж, возник устремленный ввысь лабиринт. Спираль из лестниц, туннелей, мостиков и арок, сплетавшихся в необъятный город, сложенный из всех книг на свете, возносила к грандиозному стеклянному куполу.

У подножия массивного сооружения меня ждала мать. Она лежала в открытом саркофаге со скрещенными на груди руками, бледная, как белоснежный покров, облекавший неподвижное тело. Веки ее были смежены, губы сомкнуты. Мать покоилась безучастно, скованная мертвенным сном усопших. Протянув руку, я погладил ее по щеке и почувствовал, что кожа холодна, как мрамор. Внезапно мама открыла глаза, устремив на меня взгляд, затуманенный воспоминаниями. Отворив потемневшие уста, она заговорила, и голос ее прозвучал столь оглушительно, что обрушился на меня с силой товарного поезда, оторвал от пола и подбросил в воздух, отправив в свободное падение, длившееся бесконечно, пока эхо ее слов переплавляло пространство: «Ты должен рассказать правду, Даниэль».

Я резко пробудился в темноте семейной спальни, обливаясь холодным потом, и ощутил рядом теплое тело жены. Беа обняла меня и погладила по лицу.

– Что, опять? – прошептала она.

Я кивнул и глубоко вздохнул.

– Ты разговаривал. Во сне.

– Что я говорил?

– Я не разобрала, – солгала Беа.

Я посмотрел на нее, и она улыбнулась, как мне показалось, с сочувствием, а может, лишь с терпеливым снисхождением.

– Поспи еще немного. До звонка будильника целых полтора часа, а сегодня вторник.

По вторникам мне вменялось в обязанность водить Хулиана в школу. Я закрыл глаза и притворился спящим. Открыв их через пару минут, увидел лицо жены. Беа наблюдала за мной.

– Что случилось? – спросил я.

Она склонилась ко мне и нежно поцеловала. Ее губы имели привкус корицы.

– Мне тоже не спится, – пожаловалась жена.

Я принялся неторопливо раздевать ее. И в тот момент, когда я приготовился сорвать белье и бросить его на пол, за дверью спальни послышались легкие шаги. Беа остановила мою руку, норовившую пробраться между ее бедер, и приподнялась, опираясь на локти.

– В чем дело, дорогой?

У маленького Хулиана, смотревшего на нас с порога комнаты, вид был застенчивый и встревоженный.

– У меня в комнате кто-то есть, – шепотом сообщил он.

Беа со вздохом протянула к нему руки. Хулиан поспешил спрятаться в объятиях матери, а мне пришлось распроститься с грешными помыслами.

– Алый принц? – уточнила Беа.

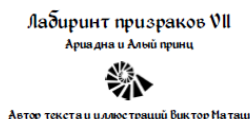
Хулиан с сокрушенным видом кивнул.

– Папа немедленно пойдет в твою комнату, вытолкает его вон, и он не посмеет вернуться.

Сын послал мне отчаянный взгляд. Спрашивается, для чего еще нужны отцы, как не для совершения эпических подвигов? Я с улыбкой подмигнул мальчику.

– Взащей! – повторил я, состроив самую зверскую гримасу, какую удалось изобразить.

Хулиан робко улыбнулся. Я выпрыгнул из постели, пробежал по коридору и ворвался в спальню сынишки. Детская столь живо напомнила комнату несколькими этажами ниже, где я обитал в возрасте Хулиана, что меня охватило сомнение, что я действительно выпутался из недавнего сновидения. Я присел на краешек кровати и включил ночник. Хулиана окружали игрушки, в том числе и доставшиеся от меня по наследству. Но особенно много у него было книг. Я быстро отыскал неблагонадежное издание в укромном месте под матрасом. Взяв в руки томик в черной обложке, открыл титульный лист.



Я уже просто не знал, куда и как прятать от Хулиана подобную литературу. Как бы я ни изощрялся в изобретательности, придумывая новые тайники, феноменальное чутье сына безошибочно приводило его в нужное место. Я бегло пролистал страницы романа, и на меня вновь нахлынули воспоминания.

На сей раз я отправил книгу в изгнание на кухонный буфет, точно зная, что сын рано или поздно обнаружит ее там. Вернувшись к себе в спальню, я нашел Хулиана в объятиях матери. Их сморил сон. Я постоял на пороге, под покровом темноты наблюдая за ними. Вслушиваясь в спокойное дыхание жены и сына, я задавался вопросом, за какие заслуги судьба награждает человека счастьем. Они спали в обнимку, крепко и безмятежно, а мне невольно вспомнился недостойный страх, отравивший душу, когда я увидел подобную сцену впервые.

2

Никогда и никому я не рассказывал эту неприглядную историю. В ту ночь родился мой сын Хулиан. Увидев на руках у матери благостно спавшего младенца, пребывавшего в счастливом неведении, в какой мир он пришел, я вдруг испугался. Мне захотелось бежать со всех ног на край света. Я ведь сам был лишь мальчишкой, которому взрослая жизнь казалась непостижимо сложной. Впрочем, сколько бы я ни придумывал себе оправданий, они мало помогли. До сих пор ощущаю горький привкус стыда за проявленную тогда трусость. И еще за то, что даже теперь, через много лет, не набрался мужества сознаться любимой женщине в этой слабости.

Воспоминания, похороненные в глубине души, со временем не тускнеют, навязчиво преследуя человека. Я отчетливо вижу, словно это было вчера, комнату с необъятным потолком. От затерявшейся в высоте лампочки струился подслеповатый красновато-желтый свет, озарявший очертания кровати, где с младенцем на руках лежала молоденькая девушка, едва справившая семнадцатый день рождения. Когда Беа, в состоянии прострации, приподняла голову и улыбнулась, глаза мои наполнились слезами. Я опустился около кровати на колени и уткнулся лицом в лоно жены. Почувствовал, как Беа взяла меня за руку и сжала ее, собрав оставшиеся силы.

– Не бойся, – прошептала она.

Но меня охватил страх. На мгновение, из-за которого по сей день меня терзает жгучий стыд, захотелось стать кем-нибудь другим, выпрыгнув из собственной шкуры, и очутиться как можно дальше от комнаты с высоким потолком. Стоявший на пороге Фермин стал свидетелем моего малодушия. Наверное, со свойственной ему проницательностью, он прочитал мои мысли раньше, чем они успели оформиться. Не дав мне времени открыть рот, он взял меня за локоть

и, оставив Беа с малышом на попечении своей нареченной Бернарды, быстро выпроводил в коридор – узкую и длинную галерею, конец которой терялся в темноте.

– Вы еще живы, Даниэль? – осведомился Фермин.

Я неуверенно кивнул, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Но как только я собрался вернуться в комнату, Фермин остановил меня:

– Когда в следующий раз вы туда войдете, вам следует выглядеть жизнерадостнее. На ваше счастье, сеньора Беа еще не вполне пришла в себя и едва ли соображает, что происходит вокруг. Так вот, если угодно выслушать мое мнение, я считаю, что вам сейчас необходим глоток свежего воздуха, он укрепит нервную систему и позволит со второй попытки выступить на сцене с большей непринужденностью.

Не дожидаясь ответа, Фермин схватил меня за руку и потащил по коридору к лестнице, которая вела на балюстраду, парившую между небом и Барселоной. В лицо повеяло холодным воздухом, и я с жадностью хватал его ртом.

– Закройте глаза и сделайте три глубоких вдоха. Медленно, будто легкие заканчиваются у ботинок, – наставительно произнес Фермин. – Этому фокусу меня научил монах в заливе. Я свел с ним знакомство, когда работал портье и счетоводом в паршивом портовом бордельчике. Большого охальника свет не видывал...

Я трижды глубоко вдохнул, согласно совету, и еще три раза сверх предписания в надежде испытать целительное действие свежего воздуха, обещанное Фермином и его тибетским гуру. Почувствовал легкое головокружение и пошатнулся, но Фермин поддержал меня.

– Впадать в ступор тоже не следует. Встряхнитесь немного, ведь нынешние обстоятельства требуют спокойствия, а не апатии.

Я открыл глаза и увидел пустынные улицы и город, спавший у моих ног. Время близилось к трем часам ночи, и больница Сан-Пау была погружена в сумеречное оцепенение. Нарядные купола, башенки и арки ансамбля, сплетавшиеся в затейливые арабески, окутывала легкая дымка, стекавшая с холма Кармель. Я молча смотрел на бесстрастную Барселону, какой она видится только из больничных палат, равнодушную к страхам и надеждам страждущих, и позволил себе замерзнуть, пока не прояснилась голова.

– Наверное, вы сочтете меня трусом, – проговорил я.

Фермин внимательно взглянул на меня и пожал плечами:

– Не драматизируйте. Скорее я сказал бы, что вы угнетены и пребываете в сильном смятении, что по сути то же самое, однако избавляет от ответственности и осмеяния. К счастью, у меня есть хорошее лекарство.

Он расстегнул макинтош – бездонную пещеру чудес, превращавшуюся иной раз то в передвижную аптеку лекарственных трав, то в музей диковинок или в хранилище артефактов и реликвий, раздобытых на бесчисленных базарчиках и небольших аукционах.

– Не понимаю, как вы ухитряетесь носить на себе полный ассортимент скобяной лавки, Фермин!

– Чистая физика. Если измерить тощую комплекцию вашего покорного слуги в мышечных волокнах и хрящевой ткани, то получается, что сей арсенал усиливает мое гравитационное поле и удерживает на приколе во время сильного ветра и прочих природных катаклизмов. Не воображайте, будто вам удастся легко сбить меня с толку комментариями, которые совершенно не относятся к делу, поскольку мы поднялись сюда вовсе не для того, чтобы поболтать или заменить рекламный щит.

Сделав мне внушение, Фермин извлек из одного из своих многочисленных карманов жестяную флягу и принялся отвинчивать крышку. Понюхав содержимое, словно оно было божественным нектаром, одобрительно улыбнулся, протянул баклажку мне и, глядя проникновенно в лицо, поощрительно кивнул:

– Выпейте, или будете раскаиваться до конца своих дней.

Я неохотно принял фляжку:

– Что это? Пахнет динамитом.

– Нет. Там микстура, предназначенная, чтобы поднимать на ноги покойников и приводить в чувство молокососов, малодушно испугавшихся житейских трудностей. Универсальный коктейль моего собственного изобретения, изготовленный из анисового ликера «Анис дель моно» и других спиртовых настоек, взболтанных с крепчайшим бренди, который я купил в водочном ларьке у косоглазого цыгана, с добавлением нескольких капель вишневой наливки и ликеров Монсеррата, чтобы букет приобрел неповторимый аромат садов Каталонии.

– Боже мой!

– Вот тут-то и становится понятно, кто настоящий мужчина, а у кого кишка тонка. Пейте залпом, как легионер, заскочивший на свадебное пиршество.

Я подчинился и глотнул омерзительную бурду, имевшую вкус бензина с сахаром. Ликер обжег внутренности, но прежде чем я успел опомниться, Фермин жестом потребовал от меня повторения процедуры. Пренебрегая протестами и брожением в своем желудке, я принял вторую дозу, испытывая признательность за чувство покоя и оцепенения, которое мне подарил варварский напиток.

– Ну как? – поинтересовался Фермин. – Лучше ведь, правда? Это аперитив чемпионов.

Я убежденно кивнул, отдуваясь и расстегивая пуговицы на воротничке рубашки. Фермин воспользовался паузой, тоже хлебнул убойного пойла и с достоинством убрал фляжку обратно в карман макинтоша.

– Только химия способна обуздать разгулявшееся воображение и нервы. Но я не стал бы злоупотреблять средством, поскольку ликер обладает одним неприятным свойством, подобно крысиному яду или благотворительности: чем больше его пьешь, тем меньше толку.

– Не беспокойтесь.

Он хвастливо показал на гаванские сигары, которые выглядывали из другого кармана макинтоша. Хитро подмигнув, мой друг покачал головой:

– Я приберегу для сегодняшнего дня парочку сигар «Коиба», стянув их *in extremis*² из сигарного ящика дона Густаво Барсело, который любезно взялся исполнять обязанности моего будущего тестя. Но, думаю, лучше мы отложим удовольствие до лучших времен, поскольку вы, как я вижу, совсем расклеились. Тем более нельзя допустить, чтобы малютка остался сиротой в день своей премьеры.

Фермин ласково похлопал меня по плечу и подождал, когда флюиды чудодейственного эликсира распространятся в крови и алкоголь, затуманив сознание, внушит ложное ощущение покоя и ослабит страх, владевший мной. Определив по остекленевшему взору и расширившимся зрачкам, что я достиг первой стадии опьянения, Фермин произнес речь. Он явно готовил ее весь вечер.

– Друг мой Даниэль, видит Бог – или кто там в его отсутствие отвечает за божественное провидение, – что стать отцом и сотворить новую жизнь намного проще, чем получить водительские права. Столь прискорбное недоразумение ведет к непомерному количеству идиотов, самонадеянных и безрассудных. Считая себя вправе производить потомство и щеголяя медалью за отцовство, они калечат жизнь несчастным созданиям, плодам своих чресл. Я знаю, о чем говорю, поскольку тоже тружусь в поте лица, чтобы сделать ребенка своей возлюбленной Бернарде так быстро, как позволяют природа и освященный брак, которого она от меня требует *sine qua non*³. И в этом отношении я могу скоро разделить с вами ношу великой ответственности, какую налагает отцовство. В настоящий момент вы испытываете недостаток веры в себя, усомнившись в своих силах справиться с ролью *paterfamilias*, однако я имею основания заявить

² В последний момент (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

³ То, без чего невозможно; неперемное условие (лат.).

и заявляю, что вы, Даниэль Семпере Хисперт, неоперившийся юнец, лишь ступивший на путь зрелости, станете примерным родителем, притом что вы пока неофит и малость неуклюжи.

Примерно на середине проповеди я впал в прострацию, оглушенный то ли взрывной волной от его адской смеси, то ли фейерверком красноречия моего верного друга.

– Фермин, я не уверен, что понял вашу мысль.

Он вздохнул:

– Я хотел объяснить, что в такие моменты трудно собраться и взять себя в руки. Произошли большие перемены, и они выбивают вас из колеи, Даниэль. Но, как правильно недавно заметила ваша супруга, эта святая женщина, не нужно бояться. Дети, во всяком случае ваш сын уж точно, рождаются с благословения небес. И если у человека в душе есть хотя бы капля порядочности и чести, а в голове немного серого вещества, он найдет способ не испортить отпрыскам жизнь и станет отцом, которого им не придется стыдиться.

Я покосился на тщедушного человечка, готового пожертвовать ради меня жизнью. У него всегда находились точные слова – или десять тысяч слов, – чтобы разрешить наболевшие вопросы и ободрить меня, когда порой я норовил впасть в экзистенциальное уныние.

– Если бы все было легко, как вы расписали, Фермин!

– Все важное в жизни достается с трудом, Даниэль. В юности я воображал, будто для плавания в большом мире достаточно научиться трем вещам. Во-первых, завязывать шнурки ботинок. Во-вторых, с должным прилежанием раздевать женщин. В третьих, читать, чтобы ежедневно смаковать страницы литературных шедевров, признанных образцом мудрости и мастерства. Мне казалось, что человек, который твердо стоит на ногах, умеет приласкать даму и освоил науку слышать музыку слов, живет дольше, а главное, счастливее. С годами я понял, что этого ничтожно мало. Но жизнь иногда дает шанс подняться на ступеньку выше того примитивного двуногого существа, которое ест, гадит и непродолжительное время коптит небо. И сегодня Провидение в своем бесконечном благодушии решило преподнести вам такой подарок.

Я нерешительно кивнул.

– А вдруг я не справлюсь?

– Даниэль, если в чем-то между нами и есть сходство, так это в том, что мы оба встретили женщин, которых не заслуживаем. Ясно, что на тернистом жизненном пути именно им предстоит тащить тяжелые седельные выюки и покорять вершины в физическом и метафизическом смыслах, ну а нам остается только не подвести их. Согласны?

– Я бы с радостью поверил вам, отбросив сомнения, но не получается.

– Не беспокойтесь. Крепкая смесь, которой я вас напоил, повлияла на ваши способности, и без того невеликие, воспринимать с полуслова смысл моих рассуждений. Но, как хорошо известно, в дискуссиях подобного рода я дам вам сто очков вперед, и в целом мои аргументы почти безупречны.

– Не стану с вами спорить.

– И правильно сделаете, поскольку проиграете первый же раунд. Вы мне доверяете?

– Конечно, Фермин. Вы же знаете, с вами я готов идти хоть на край света.

– Тогда сделайте одолжение, поверьте в себя столь же твердо, как верю в вас я.

Я посмотрел ему в лицо и кивнул.

– Ну что, немного опомнились? – спросил он.

– Да.

– Тогда сотрите с лица кислую мину, убедитесь, что ваши тестикулы находятся в положенном месте, и вернитесь в палату, чтобы обнять сеньору Беа и наследника, благодаря которым вы теперь можете считать себя настоящим мужчиной. Так и ведите себя, как мужчина, в конце-то концов! Не сомневаюсь, что парнишка, с которым я имел честь познакомиться давным-давно под арками на Королевской площади и который с тех пор заставил меня изрядно поволноваться, должен покинуть нас в прологе романа. Многое еще предстоит пережить, Дани-

эль, но то, что ожидает нас впереди, детям не по плечу. Вы со мной? Хоть на край земли? Как знать, конец света ведь может поджидать прямо за углом.

Я крепко обнял его, не зная, как выразить свою благодарность.

– Что бы я делал без вас, Фермин?

– Совершали бы ошибки чаще. Кстати, имейте в виду, что обычно одним из побочных эффектов употребления смеси, которую вы продегустировали, является временное ослабление стыдливости и чрезмерная сентиментальность. Следовательно, сейчас, когда сеньора Беа увидит, что вы вошли в комнату, смотрите ей в лицо, давая понять, что вы ее действительно любите.

– Она и так это знает.

Фермин покачал головой, демонстрируя бесконечное терпение.

– Послушайте моего совета, – произнес он. – Нет необходимости что-либо говорить, если вы смущаетесь, потому что мы, мужчины, так устроены, и тестостерон не жалуется поэзию. Но она все поймет правильно. О своих чувствах лучше не рассуждать, а показывать их. И не на Пасху и в Вербное воскресенье, а каждый день.

– Я постараюсь.

– Мало постараться, надо сделать, Даниэль.

И вот так, лишившись по милости Фермина эфемерного, но привычного убежища в мире юношеских иллюзий, я отправился обратно в больничную палату, где меня дожидалась судьба.

И вот теперь, через много лет, я вспоминал о событиях той ночи, забившись под утро в подсобку в старом букинистическом магазинчике на улице Санта-Ана. Я беспомощно маялся – уже в который раз – над чистым листом бумаги, не понимая, с чего начать и какие подобрать слова, чтобы рассказать хотя бы самому себе нашу подлинную семейную историю. Месяцы, если не годы, вынашивал грандиозный замысел, но, как выяснилось, оказался не способен осуществить его. Мне не удавалось сочинить ни одного нормального предложения.

Фермин решил нанести мне ранний визит под предлогом бессонницы, которую он приписывал обильному ужину, поскольку съел накануне полкило свиной поджарки. Увидев, как я мучаюсь над чистым листом, вооружившись авторучкой, текущей, как старая машина, он сел рядом и оценивающе оглядел скомканную бумагу у моих ног.

– Не обижайтесь, Даниэль, но имеете ли вы хотя бы смутное представление, что вы хотите написать?

– Нет, – признался я. – Может, если начну работать на пишущей машинке, дело сдвинется с мертвой точки. В рекламе утверждают, что «Ундервуд» – выбор профессионалов.

Фермин поразмыслил над рекламным слоганом и отверг мою идею.

– Между пишущей машинкой и литературным произведением мириады световых лет.

– Спасибо за поддержку. Кстати, что вы делаете тут в такую рань?

Фермин пощупал свой живот.

– Целый молочный поросенок в жареном виде не пошел впрок, желудок пошаливает.

– Хотите соды?

– Нет. Сода вызовет у меня, простите, стойкую эрекцию, и тогда про сон точно придется забыть.

Я бросил авторучку вместе с очередной попыткой сочинить хотя бы одну приличную фразу и посмотрел другу в лицо.

– У вас все в порядке, Даниэль? Ну, не считая бесплодного штурма крепости изящной словесности...

Я пожал плечами. Как всегда, Фермин появился вовремя, в переломный момент, полностью оправдывая свой статус *picarus ex machina*⁴.

– Я толком не знаю, как спросить вас кое о чем, что не выходит у меня из головы уже давно, – осмелился начать я.

Фермин прикрыл рот рукой и коротко, но смачно рыгнул.

– Если речь о всяких постельных штучках, говорите без стеснения. Напоминаю: в этой области я поднаторел как дипломированный консультант.

– Нет, постельных дел мой вопрос не касается.

– Жаль, потому что мне недавно шепнули на ухо о парочке новеньких фокусов...

– Фермин, как вы считаете, я живу правильно? Достойно справляюсь?

Он поперхнулся словами, потупился и вздохнул:

– Только не говорите, будто проблема в том, что вы сели на мель со своими бальзаковскими амбициями и теперь переживаете сложный период. Духовные искания и все такое...

– Разве человек пишет не для того, чтобы лучше познать себя и мир?

– Нет, если он понимает, что именно делает и с какой целью, тогда как вы...

– Вы никудышный исповедник, Фермин. Просто помогите мне.

– Мне казалось, вы собираетесь заделаться романистом, а не святым.

– Скажите мне правду. Ведь вы знали меня с детства. Я вас разочаровал? Стал ли я тем Даниэлем, какого вы хотели бы видеть? Тем, кого любила бы моя мама?

Фермин закатил глаза.

– Правда – та чушь, какую болтают люди, вообразившие, будто много знают, Даниэль. О правде мне известно не более, чем о размере *brassière*⁵ с коническими чашками. В нем щеголяла та роскошная кинодива в фильме, который мы смотрели в «Капитолии».

– Ким Новак, – подсказал я.

– Да пребудет с ней Господь и закон всемирного тяготения! Нет, вы меня не разочаровали. Ни разу. Вы хороший человек и верный друг. Если хотите услышать мое мнение, то я не сомневаюсь, что ваша покойная мать Исабелла гордилась бы вами и считала хорошим сыном.

– Но скверным писателем, – усмехнулся я.

– Даниэль, из вас такой же писатель, как из меня – монах-доминиканец. Причем вам это хорошо известно. И нет на свете авторучки или «Ундервуда», которые могли бы исправить положение.

Я вздохнул и впал в унылое молчание. Фермин наблюдал за мной.

– Даниэль, на самом деле я считаю, что хотя мы с вами пережили многое, в глубине души я все тот же несчастный бродяга, влачивший жалкое существование без крова над головой, которого вы из милосердия привели в дом. А вы остались, как и прежде, беспомощным ребенком, растерянным и неприкаянным, кто, сталкиваясь постоянно на своем пути с таинственными явлениями, уверовал, будто если разгадает их суть, то произойдет чудо, он сумеет вспомнить лицо матери и вновь обрести украденную правду.

Я обдумал слова Фермина. Они попали в точку.

– Ужасно, если это так?

– Могло быть и хуже. Вы стали бы писателем, как ваш друг Каракс.

– Наверное, следовало бы с ним встретиться и убедить взяться за перо, чтобы написать эту историю, – заметил я. – Нашу историю.

– Так иногда говорит ваш сын Хулиан.

Я искоса взглянул на Фермина:

⁴ Парафраз известного латинского выражения «*Deus ex machina*» – «Бог из машины», которое означает неожиданную, не вытекающую из хода событий развязку с участием внешних сил. «*Picarus*» – латинизированное производное от испанского слова «*picaro*» – хитрец, плут, озорник, а также главный герой испанского плутовского романа.

⁵ Бюстгальтер (*фр.*).

– О чем говорит Хулиан? Что он знает о Караксе? Вы рассказывали моему сыну о нем? Фермин прикинулся кротким ягненком.

– Я?

– Что вы ему наболтали?

Он усмехнулся, намекая, что проблема не стоит выеденного яйца.

– Самую малость. На уровне примечаний в конце страницы, совершенно безобидных. Мальчик пытлив и весьма наблюдателен, естественно, он все замечает и в состоянии сложить два и два. Я не виноват, что мальчишка такой бойкий. Очевидно, он пошел не в вас.

– Господи... Интересно, а Беа знает, что вы обсуждали с ребенком Каракса?

– Я не вмешиваюсь в вашу семейную жизнь. Но сомневаюсь, что есть много такого, о чем сеньора Беа не знает или не догадывается.

– Фермин, я запрещаю вам говорить с моим сыном о Караксе!

Он положил руку на грудь и с важным видом кивнул:

– Мои уста немы. Пусть на меня обрушится самый страшный позор, если вдруг в момент помрачения рассудка я нарушу торжественную клятву молчания.

– И о Ким Новак тоже не надо упоминать, а то я вас знаю.

– Тут я невинен, как агнец, закланный за грехи наши, поскольку сметливый ребенок избегает щекотливых тем.

– Вы невыносимы!

– Я смиренно принимаю ваши несправедливые упреки, понимая, что осознание слабости своего литературного дарования ввергло вас в фрустрацию. Не желает ли ваша милость расширить черный список и занести в него помимо Каракса еще кого-нибудь, о ком нельзя упоминать? Например, Бакунина? Или Эстрельиту Кастро?⁶

– Почему бы вам не отправиться спать, оставив меня в покое, Фермин?

– Бросить в беде вас одного? Необходимо, чтобы в команде присутствовал хотя бы один взрослый здравомыслящий человек.

Он придирчиво оглядел авторучку и гору скомканной чистой бумаги, накопившуюся вокруг стола, рассматривая и то и другое с живым любопытством естествоиспытателя, словно речь шла о наборе хирургических инструментов.

– Вы уже решили, с чего начать?

– Нет. Я как раз размышлял над этим, когда явились вы и принялись сыпать глупостями.

– Вздор. Без меня вы не способны составить даже список покупок.

Наконец Фермин собрался с духом перед лицом грандиозного замысла, который нам предстояло воплотить, уселся рядом на стул и посмотрел на меня проникновенно и выразительно, как принято между людьми, умеющими понимать друг друга без слов.

– Кстати, о списке. Видите ли, о том, как писать чувствительный роман, я знаю еще меньше, чем о мануфактуре и ношении власяницы, но, по-моему, прежде чем приступить к повествованию, не помешало бы составить перечень того, о чем нужно рассказать. Своего рода инвентарную опись.

– План?

– Планы выдумывают те, кто толком не понимает, куда идет, но с их помощью такие люди убеждают себя и прочих олухов, будто двигаются в правильном направлении.

– Неплохо сказано. Самообман присутствует в основе любой невыполнимой затеи.

– Вот видите! Мы составляем непобедимый тандем. Вы записываете, а я размышляю.

– А нельзя ли думать вслух?

– В этом старье хватит чернил для путешествия в преисподнюю, туда и обратно?

– Достаточно, чтобы отправиться в путь.

⁶ Кастро Наверрете, Эстрелья (1908–1983) – известная испанская певица и актриса.

- Осталось только решить, что будет первым пунктом в нашем списке.
 - Почему бы не начать рассказ с вашего знакомства с ней? – спросил я.
 - С кем?
 - С кем же еще, Фермин? С нашей Алисией из Барселоны Чудес.
- На лицо Фермина легла тень.
- Кажется, я никому не рассказывал эту историю, Даниэль. Даже вам.
 - Тогда лучшего входа в лабиринт нам не найти!
 - Человек должен иметь право умереть, забрав с собой в могилу одну-две тайны, о которых никто не ведает, – возразил он.
 - Слишком большой груз тайн способен свести в могилу раньше положенного срока.
- Фермин удивленно вскинул брови:
- Кто это сказал? Сократ? Или я?
 - Нет. Это сказал Даниэль Семпере Хисперт, *homo pardicus*, несколько секунд назад.
- Он улыбнулся и развернул лимонный «Сугус», собираясь отправить его в рот.
- Конечно, вам потребовались годы, но все же вы потихоньку учитесь у мастера, негодник. Хотите конфетку?
- Я взял карамельку, зная, что «Сугус» – самое ценное сокровище моего друга Фермина и он оказал мне честь, предложив поделиться им.
- Даниэль, вы никогда не слышали, что в любви и на войне позволено все?
 - Случалось. Обычно подобное говорят люди, предпочитающие войну, а не любовь.
 - Правильно, потому что в сущности это гнусная ложь.
 - Так ваша история о любви или о войне?
- Фермин пожал плечами:
- Велика ли разница?
- Вот так, под покровом ночи, подкрепившись «Сугусом» и отдавшись во власть воспоминаний, увлекавших его в туманную даль времени, Фермин начал прясть нить, чтобы стачать конец и начало нашей истории...

Фрагмент романа Хулиана Каракса

«Лабиринт призраков»

(Кладбище забытых книг, том IV).

Издательство «Люмьер», Париж, 1992.

Главный редактор Эмиль де Розье Кастелен

Дни гнева

Барселона, март 1938

1

От толчка волны он проснулся. Открыв глаза, нелегальный пассажир увидел вокруг темноту, которой не было ни конца ни края. Качка судна, резкий запах соли и шелест волн, плескавшихся у борта, напомнили, что он находится не на суше. Раздвинув мешки, служившие ему ложем, мужчина медленно встал, прислушиваясь к фуге, исполняемой пиллерсами и шпангоутами, составлявшими основу архитектуры корабельного трюма.

Антураж казался продолжением сна: чрево корабля напоминало затонувший собор, почти до потолка заполненный трофеями, награбленными в музеях и дворцах. Стройными рядами стояли скульптуры и картины, среди них вырисовывались контуры дорогих машин, укрытых полупрозрачной тканью. Около больших часов с боем виднелась клетка. Ее обитатель – попугай с роскошным оперением – с осуждением наблюдал за безбилетником, подвергая сомнению его право находиться тут.

Поодаль пассажир заметил копию статуи «Давида» Микеланджело, на голову которой какой-то шутник нацепил форменную треуголку гражданской гвардии. За статуей призрачная армия манекенов, наряженных в исторические костюмы, застыла во времени, исполняя па венского вальса. К пышному катафалку с застекленными стенками и гробом внутри привалилась пачка старых афиш в рамках. Одна из них приглашала посетить корриду в Лас-Аренас. Указанные на плакате даты относились к далекой довоенной эпохе. В списках рехонеадоров⁷ значился некий Фермин Ромеро де Торрес. Взгляд тайного пассажира заинтересованно скользнул по буквам. Человек, известный до сих пор под другим именем, которому в ближайшее время предстояло кануть в небытие, сгорев в пламени войны, беззвучно повторил: «Фермин Ромеро де Торрес». «Хорошее имя, – подумал он. – Музыкальное. Запоминающееся. Достойное тернистого жизненного пути, какой судьба готовит вечному изгоя». Фермин Ромеро де Торрес, а точнее, костлявый человечек с огромным носом, который вскоре решит взять себе эту звучную фамилию, последние двое суток прятался в трюме торгового судна, отчалившего от пристани Валенсии позапрошлой ночью. Чудом ухитрившись пробраться на борт, он спрятался в сундуке, набитом старыми ружьями и тщательно закамуфлированном с помощью других товаров. Отдельные стволы были упакованы в мешки, туго затянутые узлами, что предохраняло металл от сырости, но часть ружей путешествовала без чехлов, внавалку. Именно ими человечек надеялся воспользоваться, если придется выстрелить в незадачливого солдата или в себя, если дела пойдут совсем плохо и от противника отбиться не удастся.

Каждые полчаса Фермин отваживался совершить вылазку, чтобы размять ноги и не ооченеть от холода и сырости, изъязвлявшей корпус корабля. Блуждая среди сложенных штабелями контейнеров и коробок с припасами, он рассчитывал найти что-нибудь съедобное или, если еда не подвернется, приемлемое занятие, чтобы убить время. В одну из таких вылазок он завязал дружбу с крысенком, местным старожилом, в борьбе за пропитание поднаторевшим в набегах на корабельные грузы. Преодолев естественное недоверие, зверек робко приблизился и, согреваясь в тепле коленей человека, поделил с ним трапезу, угостившись кусочками жест-

⁷ Тореро, вооруженный деревянным копьём; выступает верхом на лошади.

кого сыра, который Фермин обнаружил в одном из ящиков с продовольствием. Сыр, если твердая маслянистая субстанция заслуживала такого названия, вкусом напоминал мыло. Насколько мог судить Фермин, руководствуясь своими познаниями в гастрономии, ни одна корова или другое жвачное животное не приложило руку, а точнее копыто, к созданию этого продукта. Наверное, не зря придумали поговорку, что «на вкус и цвет товарищей нет». Однако лишения последних дней заставили серьезно усомниться в справедливости народной мудрости: оба обитателя трюма набросились на еду с жадностью, какая возникает обычно после длительной голодовки.

– Любезный мой грызун! Военная встряска среди прочего дает то преимущество, что буквально в одночасье помои превращаются в пищу богов, и даже дерьмо, художественно наколотое на палочку, начинает издавать изумительный аромат французской *boulangerie*⁸. Почти спартанский рацион – похлебка из хлебных крошек и опилок, размоченных в грязной воде, – закаляет дух, а также изощряет вкус до такой степени, что однажды может почудиться, будто настенная пробка ничем не хуже иберийской свинины, если та ненадлежащего качества.

Крысенок терпеливо выслушивал Фермина, пока они вдвоем расправлялись с продуктами, которые таскал нелегальный пассажир-безбилетник. Иногда, насытившись, грызун засыпал у ног человека. Фермин наблюдал за зверьком, осознавая в глубине души, что они подружились потому, что, в сущности, очень похожи.

– Мы стоим друг друга, приятель, философски переживая натиск обезьяны прямоходящей и выпарапывая себе все, чтобы выжить. Даст Бог, в недалеком будущем приматы, получив по носу, исчезнут вовсе, отправившись возделывать райские кущи вместе с диплодоками, мамонтами и птичкой додо. И тогда вы, существа домовитые, кому для счастья достаточно есть, блудить и спать, сможете унаследовать планету, в крайнем случае разделив ее с тараканами или иной разновидностью насекомых.

Даже если у крысенка имелись возражения, он не подавал вида, предпочитая мирное сосуществование без разногласий по фундаментальным вопросам и заключив с человеком своего рода мужской договор. Днем до них порой доносились шаги и голоса моряков, эхом отдававшиеся в льяле. В редких случаях, когда кому-либо из матросов взбрело в голову спуститься в трюм – в основном чтобы чем-нибудь поживиться, – Фермин отступал на исходные позиции, возвращаясь в ящик с оружием, и там, одурманенный качкой и запахом пыли, проваливался в сон. На второй день пребывания на борту Фермин, новоявленный Иов, прилежно изучавший Священное Писание от случая к случаю, сделал открытие. Осматривая ярмарку чудес, которая скрывалась в брюхе этого Левиафана, он набрел на большую коробку с экземплярами великолепно изданной Библии. Свою находку он расценил как вызывающую и весьма гротескную, однако за неимением иной духовной пищи для литературного досуга решил позаимствовать одну книгу. При свече, также изъятый из корабельного груза, Фермин зачитывал вслух себе и своему спутнику фрагменты из Ветхого Завета, который ему всегда казался намного увлекательнее и кровожаднее Нового.

– Обратите внимание, мэтр, далее следует фантастическая притча, исполненная глубочайшего символизма и приправленная кровосмешением и жестокостью, от нее пробрало бы до печенок самих братьев Гримм.

Под эгидой моря они вместе коротали часы и дни вплоть до 17 марта 1938 года. Открыв глаза на рассвете, Фермин обнаружил, что его хвостатый приятель исчез. Вероятно, грызуна напугало чтение предыдущим вечером фрагментов из Откровения святого Иоанна Богослова, или он просто почувствовал, что плавание близится к концу, и предпочел затаиться. Фермин, как водится, промерз ночью до костей. Пошатываясь, он кое-как добрался до наблюдательного пункта – одного из иллюминаторов, сквозь который пробивалось дыхание багровой зари.

⁸ Пекарня (фр.).

Круглое окошечко находилось лишь немногим выше ватерлинии, и Фермин увидел, как над волнами цвета красного вина поднимается солнце. Лавируя между ящиками со снаряжением и проржавевшими велосипедами, связанными веревками, он метнулся к противоположному борту и выглянул в другой иллюминатор. Рассеянный, будто сотканный из золотистой дымки, луч портового маяка скользнул по корпусу корабля, и все окна трюма полыхнули светом. А вдали, в туманной дымке, причудливым кружевом обвивавшей башни, купола и трубы, распростерлась на берегу Барселона. Фермин улыбнулся, забыв на мгновение о холоде, ушибах и синяках, покрывавших тело и заработанных в стычках и передрягах, выпавших на его долю в последнем порту, где он очутился.

– Лусия... – прошептал он, воскрешая в памяти лицо женщины, мысль о которой поддерживала в нем желание жить в самые тяжелые минуты.

Фермин вытащил конверт, лежавший во внутреннем кармане пиджака с тех пор, как он покинул Валенсию, и тяжело вздохнул. Мечты развеялись в одно мгновение. Судно подошло к порту гораздо ближе, чем он рассчитывал. Каждый уважающий себя «заяц» знает, что попасть на борт не так уж и трудно. Самая сложная часть операции – выбраться целым и невредимым из переделки и удрать с корабля незамеченным. И если он все еще собирался ступить на землю собственными ногами, не растеряв костей, следовало заранее продумать план бегства. Команда засуетилась с удвоенной энергией, и, прислушиваясь к беготне на палубе, Фермин почувствовал, что корабль начал менять курс и сбавил обороты двигателя, пройдя горловину порта. Он спрятал письмо в карман и поспешил уничтожить следы своего присутствия, затолкав подальше огарки свечей, мешки, служившие ему постелью, Библию, располагавшую к созерцательному чтению, а также объедки суррогатного сыра и старых галет. Затем предпринял попытку заколотить ящики, вскрытые в поисках провианта, забивая гвозди на место облезлым каблуком стоптанных ботинок. Обратив внимание на плачевное состояние обуви, Фермин решил, что, как только высадится на сушу и выполнит давнее обещание, непременно раздобудет пару туфель, которые не будут выглядеть так, словно их стянули из морга. Занимаясь наведением порядка в трюме, нелегальный пассажир через иллюминаторы мог наблюдать, как судно пересекает акваторию порта Барселоны. Он вновь прижался носом к стеклу и вздрогнул, заметив высоко, на вершине горы, очертания крепости и военной тюрьмы Монтжуик, парившей над городом, словно хищная птица.

– Не успеешь зазеваться, как окажешься там, – пробормотал Фермин.

В отдалении виднелась стрела памятника Христофору Колумбу. Мореплаватель, как и прежде, указывал рукой в неверном направлении, перепутав Американский континент с Балеарским архипелагом. За спиной заблудившегося первооткрывателя начинался бульвар Рамбла, доходивший до самого сердца старого города, где ждала Лусия. Фермин представил ее в постели, надушенную и томную. Но чувство вины и стыда победили, изгнав соблазнительный образ из его воображения. Он нарушил клятву.

– Подлец! – обругал он себя.

Фермин не виделся с ней тринадцать месяцев и семь дней. Тринадцать месяцев, стоивших ему как тринадцать лет. И последнее, на что упал взгляд, прежде чем Фермин вернулся в свое убежище, была фигура покровительницы города Девы Марии Милосердной на куполе посвященной ей базилики. Раскинув руки, она обнимала небо, будто порываясь взлететь над крышами Барселоны. Ей, Милостивой Заступнице, Фермин вверил свою душу и жалкую комплекцию. Правда, он не переступал порога церкви с тех пор, как в девять лет в своем родном городке перепутал капеллу с публичной библиотекой. Однако теперь Фермин воззвал к тому, кто мог бы или захотел услышать его. Дал обет, что если Мадонна или любой персонаж, наделенный влиянием в небесных сферах, похлопочет за него и поможет высадиться в порту без особых злоключений и необратимо смертельных увечий, он изменит свой жизненный уклад, уделяя больше времени духовным исканиям, и станет посещать литургические мероприятия.

Фермин скрепил клятву, дважды перекрестившись, и поспешил опять спрятаться в ящик с оружием, растянувшись на ложе из винтовок, как покойник в гробу. Перед тем как захлопнуть над головой крышку, он неожиданно заметил своего приятеля из племени грызунов: зверек наблюдал за ним, взобравшись на груды сундуков, подпиравшую потолок трюма.

– *Bonne chance, mon ami*⁹, – пробормотал Фермин.

Через мгновение он погрузился в темноту, пропахшую порохом, ощутил кожей прикосновение холодного металла и полностью положился на судьбу.

2

Вскоре Фермин обратил внимание, что шум двигателей стих и корабль лег в дрейф, покачиваясь на спокойных водах гавани. По его расчетам, судно не могло так быстро приблизиться к причалу. После двух-трех остановок в промежуточных портах он научился на слух определять основные этапы маневра швартовки и звуки, которыми она сопровождалась, начиная от подачи швартовых концов и грохота якорной цепи до скрипа и стенаний шпангоутов из-за напряжения корпуса, когда судно подтягивали к пристани. Но, кроме необычного оживления на палубе – беготни и возбужденных восклицаний, – до его ушей не доносилось никаких отголосков этой специфической деятельности. По неизвестной причине капитан приказал остановить корабль, не доплыв до пристани. И Фермин, крепко усвоивший за два года войны, что неожиданности обычно сопровождаются фатальными неприятностями, крепко сжал зубы и снова перекрестился.

– Мадонна, миленькая, я отрекаюсь от злостного агностицизма и вредных теорий современной науки, – прошептал он в недрах ящика, напоминавшего гроб, который делил с устаревшим ружейным хламом.

На его молитву немедленно последовал отклик. Фермин услышал, что к ним приблизилось другое судно, меньших размеров, и встало, вплотную притершись к борту. И тотчас по палубе, как пушечная канонада, загромыхали шаги под аккомпанемент встревоженных выкриков матросов. Фермин с трудом проглотил слюну. Корабль взяли на абордаж.

3

«Тридцать лет в море, и самое худшее вечно происходит у берега», – подумал капитан Арраэс, наблюдая с мостика за людьми, забравшимися по трапу на палубу с левого борта. Они угрожающе поводили ружьями, оттесняя команду в сторону и расчищая дорогу своему начальнику. Арраэс был из породы настоящих морских волков, у кого кожа и волосы обожжены солнцем и пропитаны солью, а зоркие глаза словно подернуты влажной пеленой. В юности он верил, будто человек ступает на палубу корабля в поисках приключений, но с годами понял, что неожиданности, причем подлого свойства, часто подстерегают в порту. В море бояться было нечего. А на суше, особенно в последнее время, ему делалось тошно.

– Бермехо, свяжитесь по радио и предупредите порт, что нас задержали и мы прибудем с опозданием.

Бермехо, первый помощник капитана, стоявший рядом, побледнел, выказывая признаки нервозности, которая развилась у него в последние месяцы из-за бомбардировок и военных столкновений. Бедняге Бермехо, бывшему старшему боцману судна, ходившему в речные увеселительные круизы по Гвадалквивиру, в критических ситуациях не хватало стойкости.

– Кто сказал, что нас задержали, капитан?

⁹ Счастливо, мой друг (*фр.*).

Арраэс бросил взгляд на человека, только что поднявшегося на корабль. В черном плаще, к которому в комплекте прилагались перчатки и шляпа с полями, он, казалось, был единственным, кто не имел при себе оружия. Арраэс смотрел, как субъект обходит палубу. Повадки выдавали осторожность и хладнокровие, тщательно выверенные и возведенные в высшую степень. Глаза, спрятанные за темными стеклами очков, скользили по лицам матросов, при этом его собственная физиономия сохраняла непроницаемое выражение. Наконец он остановился посередине палубы, повернувшись к мостику, снял шляпу, изображая приветствие, и улыбнулся со змеиной вкрадчивостью.

– Фумеро, – процедил сквозь зубы капитан.

Бермехо съехался и будто стал меньше ростом, пока незванный гость выписывал круги по палубе. Побелев как мел, помощник вопросительно уставился на капитана.

– Кто? – с трудом выговорил он.

– Социально-политическая бригада. Спуститесь вниз и предупредите членов команды, чтобы не делали глупостей. А затем, как я приказывал, уведомите по радиосвязи порт.

Бермехо кивнул, однако не двинулся с места. Арраэс строго посмотрел на помощника.

– Бермехо, идите вниз. И не обмочитесь.

– Есть, капитан.

Несколько мгновений Арраэс провел на мостике в одиночестве. День был ясным, по хрустальному небу скользили невесомые перистые облачка, которые привели бы в восторг художника-акварелиста. Мелькнула мысль взять револьвер, который хранился под замком в шкафчике в капитанской каюте, но нелепость подобного поступка вызвала лишь горькую улыбку на губах. Арраэс глубоко вздохнул и, застегнув пуговицы потрепанного кителя, спустился с мостика на палубу, где ждал его старый знакомый, нежно разминая пальцами сигарету.

4

– Капитан Арраэс, добро пожаловать в Барселону.

– Спасибо, лейтенант.

Фумеро улыбнулся:

– Теперь майор.

Арраэс слегка поклонился, глядя в темные стекла, которые сбивали с толку, не позволяя проследить, куда устремлен колкий взгляд Фумеро.

– Поздравляю.

Тот протянул ему сигарету.

– Нет, благодарю.

– Отменное качество, – заметил Фумеро. – Светлый американский табак.

Арраэс взял сигарету и спрятал ее в карман.

– Хотите проверить документы и патенты, майор? Все бумаги действительны, со всеми разрешениями и печатями правительства Женералитета¹⁰...

Фумеро пожал плечами, равнодушно выпустив изо рта дым и с усмешкой посмотрев на тлеющий кончик сигареты.

– Не сомневаюсь, что ваши документы в порядке. А что за груз у вас на борту?

– Припасы. Медикаменты, оружие и продовольствие. И кое-какое конфискованное имущество, предназначенное для аукциона. Полная опись груза с гербовыми печатями уполномоченных чиновников Валенсии в вашем распоряжении.

– Иного я от вас и не ожидал, капитан. Однако это ваши дела с администрацией порта и таможней. А я лишь служу народу.

¹⁰ Правительство Каталонии.

Арраэс спокойно кивнул, ни на секунду не забывая, что нельзя отводить взгляд от темных непроницаемых очков.

– Если майор соизволит объяснить, что ему нужно, я с удовольствием...

Фумеро жестом предложил следовать за собой, и оба неторопливо двинулись вдоль палубы. Томившаяся ожиданием команда провожала их взглядом. Через несколько минут Фумеро остановился и, сделав последнюю затяжку, выбросил окурочок за борт. Облокотившись на перила, стал смотреть на Барселону так, словно видел ее впервые.

– Вы не чувствуете вони, капитан?

Арраэс помедлил с ответом:

– Я не совсем понимаю, о чем вы, майор.

Фумеро добродушно похлопал его по плечу:

– Дышите глубже. Медленно. И вы наверняка почувствуете.

Капитан переглянулся с Бермехо. Матросы из команды посмотрели друг на друга в замешательстве. Фумеро повернулся, предложив им тоже сделать дыхательное упражнение.

– И что? Неужели никто не почувствовал?

Арраэс попытался выдавить улыбку, но губы его не слушались.

– А я ощущаю смрад, – заявил Фумеро. – И не говорите, что его нет.

Капитан пожал плечами.

– Несомненно, он есть, – заявил Фумеро. – И вы его ощущаете. Как я и все вокруг. Смердит крысой. Гнусной крысой, которую вы прячете на корабле.

Арраэс, оторопев, нахмурился:

– Уверяю вас...

Фумеро прервал его, вскинув руку:

– Если уж завелись крысы, избавиться от них невозможно. Им подбрасывают яд, и они сжирают его, не поморщившись. Крысам плевать на расставленные ловушки. Их извести труднее, чем прочих тварей, потому что они трусливы. Крысы прячутся, при этом считая себя умнее всех. – Он сделал паузу, упиваясь своей речью. – Знаете, капитан, каков единственный способ вывести крыс? Как эффективно, раз и навсегда, покончить с ними?

Арраэс покачал головой. Фумеро оскалился в улыбке, показав десны:

– Естественно, нет. Вы – человек моря, и вам незачем знать подобное. Это моя работа. Вот почему революция наделила меня большими полномочиями. А теперь смотрите, капитан. Смотрите и запоминайте.

Фумеро зашагал к носовой части корабля, а прибывшие с ним военные потянулись следом. И тут Арраэс понял, что ошибался. Фумеро был вооружен. В его руке блеснул револьвер – вещь явно коллекционная. Он пересек палубу, не проявив интереса к каютам и бесцеремонно отталкивая матросов, попадавших на пути. Фумеро точно знал, куда идти. По его сигналу солдаты окружили люк, закрывавший вход в трюм, и теперь ждали приказа. Фумеро наклонился над металлической крышкой и легонько побарабанил костяшками пальцев, словно стучал в дверь старого знакомого.

– Сюрприз, – пропел он.

Когда подчиненные Фумеро практически выломали люк и дневной свет беззастенчиво обнажил внутренности корабля, капитан ретировался на мостик. За два года войны он многое повидал и понял. Напоследок успел заметить, как по-кошачьи облизнулся Фумеро, соскальзывая в трюм с револьвером в руке.

После вынужденного многодневного затворничества в трюме с его тяжелой, затхлой атмосферой свежий воздух, хлынувший в открытый люк и просочившийся сквозь стыки досок

ящика, где лежал Фермин, показался ему сладким. Он повернул голову и сумел разглядеть сквозь узкую щель между неплотно закрытой крышкой и бортиком пыльные лучи, которые веером разошлись по трюму. Фонари.

Белый мгlistый свет мягко обволакивал контуры багажа, проникая сквозь тонкую ткань, которой были укутаны автомобили и предметы искусства. Тяжелые шаги и металлическое бряцание, отдаваясь звоном в льяле, приближались. Фермин стиснул зубы и попытался вспомнить, все ли необходимое он сделал, уничтожая следы пребывания, прежде чем вернуться в убежище: мешки, свечи, остатки пищи, отпечатки ног, которые могли остаться в грузовом отсеке. Кажется, ничего не забыл. Его никогда не найдут, убеждал он себя. Никогда.

Неожиданно Фермин услышал, как знакомый язвительный голос негромко нараспев произнес его имя. Ноги стали ватными.

Фумеро.

Шаги, голос прозвучали совсем близко. Фермин зажмурился, как ребенок, испугавшийся ночью внезапного шороха в темной комнате. Закрыв глаза, малыш не надеется, будто это его как-то защитит, а просто отказывается признавать реальность фигуры, возникшей у кровати и склонившейся к нему. Фермин ощущал рядом чужое присутствие: медленно ступая, Фумеро шел мимо сундука с оружием. Пальцы в кожаных перчатках скользили по деревянной крышке, создавая иллюзию, будто по ящику ползла змея. Он небрежно насвистывал мелодию. Фермин затаил дыхание и крепче зажмурился. Лоб взмок от холодного пота, и ему пришлось крепко стиснуть кулаки, чтобы унять дрожь в руках. Он не смел пошевелиться из страха, что при малейшем движении под ним загремят ружья в холщовых мешках.

Может, он ошибался. Наверное, его все-таки найдут. Вероятно, в целом мире не сыщется безопасного уголка, где он сумел бы спрятаться и пожить еще немного. В конце концов, нынешний день был ничем не хуже других, чтобы покинуть сцену. И коли уж так получилось, ничто не мешало пинком распахнуть ящик и встретить судьбу с винтовкой в руках – одной из тех, на которых Фермин лежал. Лучше погибнуть под пулями за две секунды, чем от рук Фумеро с его «игрушками», провисев две недели под потолком в застенках замка Монтжуик.

Фермин провел рукой вдоль ружья в поисках гашетки и крепко стиснул цевье. Раньше ему не приходило в голову, что ружье скорее всего не заряжено. Неважно, решил он. С его меткостью он имел равные шансы прострелить себе ногу или же угодить в глаз памятника Колумбу. Фермин улыбнулся, вообразив эту комичную картину, и прижимая ружье к груди обеими руками, нащупал спусковой крючок. Прежде ему не доводилось стрелять из ружья, но он напомнил себе, что удача сопутствует новичкам и нужно хотя бы попробовать. Фермин оттянул курок и приготовился снести голову дону Франсиско Хавьеру Фумеро, отправив его в рай или в ад.

Шаги стали удаляться, лишив Фермина минуты славы и напомнив, что великие любовники – с большой практикой или по призванию – не рождены для героических подвигов в смертный час. Он отважился глубоко вздохнуть, бессильно уронив руки на грудь. Одежда прилипла к телу, словно вторая кожа. Фумеро со своими головорезами уходил. Фермин представил, как их силуэты растворяются в сумерках трюма, и улыбнулся. Очевидно, доноса не было. Возможно, речь шла всего лишь о рутинной проверке.

И тотчас шаги замерли. Воцарилась тишина, и Фермин слышал только удары собственного сердца. Вскоре он уловил мелкую дробь коготков крошечного и легонького существа, которое прогуливалось по крышке ящика в нескольких сантиметрах от его лица. По слабому характерному кисло-сладкому запаху Фермин определил, что это за существо. Хвостатый попутчик обнюхивал щели между досками, почуяв приятеля. Фермин собирался негромко шугануть крысенка, когда трюм наполнился оглушительным грохотом.

Пуля крупного калибра мгновенно разнесла грызуна и пробила ровное сквозное отверстие в крышке ящика в пяти сантиметрах от лица Фермина. Просочившаяся сквозь щели струйка крови забрызгала ему губы. Фермин почувствовал странную щекотку в правой ноге и, скосив глаза, удостоверился, что пуля, едва не задев его, пролетела по касательной к телу, прожгла ткань штанины и пробуравила в досках второе, выходное, отверстие. Тусклая, размытая полоса света пронизала тайное укрытие, обозначив траекторию снаряда. Фермин услышал, что шаги вновь приблизились, остановившись рядом с его убежищем. Фумеро опустился на колени около ящика. В небольшой просвет между крышкой и стенкой контейнера Фермин видел, как поблескивают глаза врага.

– Как всегда, выбираешь друзей низшего сорта? Послушал бы ты, как вопил твой дружок Амансио, когда рассказывал, где тебя искать. Парочка проводов к причинным местам, и герои заливаются соловьем.

Ощущая на себе холодный издевательский взгляд и зная, что он сулит, Фермин, оказавшись в безвыходном положении в саркофаге, полном оружия, наверное, обмочился бы от ужаса, если бы усилием воли не взял себя в руки.

– От тебя несет хуже, чем от крысы, твоей подружки, – проурчал Фумеро. – Тебе необходимо помыться.

Фермин настороженно прислушивался, как агенты с громким топотом и сумбурными восклицаниями передвигают груз в трюме и раскидывают в разные стороны предметы. Пока длилась суматоха, Фумеро не сдвинулся с места. Он ощупывал взглядом темноту в глубине кофра, напоминая змею, которая терпеливо караулит добычу у гнезда. Вскоре на крышку ящика посыпались мощные удары молотка. Вначале Фермин подумал, будто солдаты намерены разнести сундук в щепки. Но заметив кое-где по краям проклюнувшиеся сквозь дерево острые кончики гвоздей, сообразил, что они накрепко заколачивают оружейный контейнер по периметру. Через мгновение узенькая – не шире нескольких миллиметров – щель между крышкой и стенками исчезла. Фермина похоронили заживо в собственном тайнике.

Ящик толчками сдвинулся с места. Несколько моряков из команды по приказу Фумеро спустились в трюм. Дальнейшее представить было нетрудно. Дюжина человек общими усилиями с помощью рычагов приподняла деревянный кофр и завела под него брезентовые стропы. Фермин услышал, как загрохотали цепи, и почувствовал резкий рывок вверх – заработал подъемный кран.

6

Арраэс и члены его экипажа как замороженные смотрели на деревянный сундук, который висел в шести метрах над палубой, раскачиваясь на ветру. Фумеро выбрался из трюма с удовлетворенной улыбкой, вновь водрузив на нос темные очки. Вскинув голову, он взглянул на мостик и издевательски отдал честь.

– С вашего позволения, капитан, мы приступим к уничтожению крысы, которую вы везли на борту, единственным по-настоящему надежным способом.

Фумеро знаками велел крановщику опускать груз, пока сундук не очутился на одном уровне с его лицом.

– Хочешь высказать последнее желание или покаяться?

Команда в изумлении уставилась на ящик. Из его недр донесся жалобный звук, будто заскулил маленький затравленный зверек.

– Ну-ну, не рыдай, все не так страшно, – произнес Фумеро. – Кроме того, ты не останешься в одиночестве. Увидишь, какая большая дружеская компания дожидается тебя на горденях¹¹.

Сундук снова взмыл вверх, и стрела крана начала разворачиваться к борту. Когда он замер в десяти метрах над поверхностью воды, Фумеро опять повернулся к мостику. Устремив на него застывший взор, капитан беззвучно пробормотал что-то. «Сукин сын», – прочитал Фумеро по его губам.

Он подал сигнал, и ящик, вмещающий двести килограммов оружия и пятьдесят кило Фермина Ромеро де Торреса, стремглав полетел в холодные и темные волны барселонской гавани.

7

За мгновение свободного падения Фермин едва успел вцепиться в деревянные стенки. В момент удара о воду оружие всей массой подскочило, с силой ударившись о верхнюю плоскость ящика. Несколько секунд сундук держался на плаву, покачиваясь, как бакен. Десятки ружей, навалившись на Фермина, погребли его под собой, а он отчаянно барахтался, пытаясь выкарабкаться из-под груды. В нос ударил резкий запах соли и солянки. Он услышал, как вода с клетотом прорывается внутрь сквозь пулевое отверстие от выстрела Фумеро. Фермин очутился в луже ледяной воды, затопившей деревянное дно, и его охватила паника. Он скрючился, стараясь добраться до самого низа кофра. Но едва достиг цели, железо съехало на сторону, тяжесть сместилась, и ящик накренился. Фермин упал ничком на оружие. В полной темноте он ощущал груды ружей под собой и принялся разгребать их в поисках дыры, через которую поступала вода. Как только ему удалось перебросить назад с десятков винтовок, они снова рухнули на него, прижимая к днищу ящика, продолжавшего заваливаться на бок. Вода заливала ноги Фермина и струилась между пальцами. Она добралась до колен, когда он наконец нашел отверстие и зажал его ладонями.

Неожиданно Фермин услышал выстрелы, раздавшиеся с палубы, и треск дерева, пробитого пулями. Три новых отверстия появились у него за спиной, впуская зыбкий зеленоватый свет. Егохватило, чтобы Фермин мог видеть, как вода тугими фонтанами врывается внутрь ковчега. За несколько секунд она поднялась ему до пояса. Он закричал от ужаса и ярости, попытавшись дотянуться до одного из новых отверстий другой рукой, но внезапно ящик тряхнуло, и Фермин опрокинулся навзничь. Тесное пространство наполнилось пронзительным ревом, будто ковчег пожирало мифическое чудовище. Вода бурлила уже на уровне груди, и от холода у Фермина перехватывало дыхание. Вновь воцарилась темнота, и он понял, что кофр необратимо тонет. Правая рука соскользнула, уступив напору воды. В сумраке студеной волна плеснула в лицо, смыв слезы. Фермин судорожно ловил ртом остатки воздуха.

Течение подхватило деревянный ящик и неумолимо потянуло на дно. Под потолком оставалось расстояние шириной в ладонь, заполненное воздухом, и Фермин дернулся вверх, чтобы глотнуть кислорода. Вскоре кофр опустился на дно гавани и, накренившись на бок, зарылся в ил. Фермин навалился на крышку, пиная ее ногами и осыпая ударами кулаков, однако доски, крепко приколотенные гвоздями, не поддались. Последний воздух утекал сквозь щели. Полная темнота, пронизанная холодом, побуждала опустить руки, но легкие горели, и голова, казалось, вот-вот взорвется из-за прилива крови, вызванного удушьем. Пришло осознание, что жить ему осталось несколько секунд, и, ослепленный паникой, Фермин схватил винтовку и попытался пробить прикладом борт ящика. После четвертого удара оружие разломилось на части. Он пошарил вокруг себя в темноте, и пальцы скользнули по завернутому в мешковину

¹¹ Трос или веревка, продернутая в блок, для подъема небольших тяжестей, а также снасть, при помощи которой парус подтягивается к рее.

ружьё, которое удерживало небольшое количество воздуха, скопившееся под плотной тканью. Фермин сжал ствол обеими руками и, собрав последние силы, принялся долбить дерево, моля Бога о чуде.

В мешке глухо бабахнул выстрел. Пуля, выпущенная почти в упор, пробила сбоку ящика дыру размером с кулак. Сквозь отверстие забрезжило пятно тусклого света. Руки Фермина начали действовать раньше, чем он успел что-либо сообразить. Прицелившись в ту же точку, Фермин снова и снова нажимал на курок. Однако вода уже промочила мешок и выстрелов не последовало. Он подцепил другую винтовку и надавил на спусковой крючок через полотно. Первые две попытки оказались безрезультатными, но в третий раз Фермин почувствовал отдачу и увидел, что отверстие в боковине ящика расширилось. Он иступленно расстреливал магазин, пока дыра не увеличилась настолько, чтобы сквозь нее протиснулось его костлявое истощенное тело. Острые щепки, которыми оскалились рваные края пробоины, впивались в кожу, но призрачный свет и залитая солнцем поверхность воды, угадывавшаяся снизу, манили неодолимо, помогая прорваться сквозь заслон деревянных шипов.

Мутная вода гавани обжигала глаза, однако Фермин держал их открытыми. На дне в зеленоватых сумерках колыхался лес из света и тени. Под ногами простирались вековые отложения ила с вкраплениями рваных сетей и остовов затонувших лодок. Подняв голову, он увидел столбы рассеянного света, падавшего сверху. Корпус торгового судна снизу выглядел большим темным пятном на поверхности. Фермин прикинул, что глубина в этой части акватории порта достигает метров пятнадцати. Если бы он исхитрился вынырнуть у противоположного борта судна, возможно, его не заметили бы. Тогда появлялся шанс выжить.

Фермин оттолкнулся ногами от деревянного короба и начал всплывать. В те мгновения, когда он медленно поднимался к поверхности моря, перед глазами вновь развернулась призрачная картина, скрытая толщей воды. Фермин понял, что колыхавшаяся в сумраке масса, которую он принял за водоросли и затонувшие обрывки сетей, представляла собой скопление человеческих тел. На дне находилось обширное подводное кладбище из десятков трупов в наручниках, со связанными ногами, прикованными цепями к камням или бетонным блокам. Угри, сновавшие вокруг тел, объедали плоть с лиц, а течение лениво шевелило волосы. Фермин различил среди мертвецов силуэты мужчин, женщин и детей. Под ногами у них лежали узлы и чемоданы, наполовину затянутые илом. Некоторые покойники разложились уже настолько, что от них остались лишь скелеты, едва прикрытые лохмотьями одежды. Скорбные захоронения тянулись бесконечной чередой, теряясь в темной глубине. Фермин зажмурился и через секунду всплыл на поверхность, вернувшись в царство живых. На собственном опыте он убедился, что возможность просто дышать дарит самые восхитительные ощущения в мире, слаще которых не испытывал.

8

Фермин репейником прилип к борту корабля и замер, стараясь отдышаться. Метрах в двадцати плавал сигнальный бакен. Он отдаленно напоминал маяк, только маленького размера. Цилиндр, увенчанный сигнальным фонарем, крепился к круглому основанию, в котором имелось подобие будки. Белый бакен с красной полосой плавно покачивался на волнах, как дрейфующий металлический островок. Фермин подумал, что стоило бы попробовать добраться до буйка, спрятаться в полости основания и выждать удобный момент, чтобы незаметно доплыть до берега. Похоже, никто не обратил внимания на его появление, однако судьбу испытывать не хотелось. Он вдохнул полной грудью, насколько позволяли легкие, и снова нырнул, неровными гребками продвигаясь к бакену. Фермин плыл, избегая смотреть вниз и предпочитая думать, что стал жертвой галлюцинации, а зловещий сад теней, колыхавшихся в потоке течения у него под ногами, лишь рыбацкие сети, зацепившиеся за обломки.

Он вынырнул в нескольких метрах от буйка и поспешил обогнуть его, чтобы спрятаться. Взглянув на палубу корабля, пришел к выводу, что опасность ему не угрожает, поскольку все на борту, включая Фумеро, сочли его мертвым. Однако, забираясь на площадку бакена, он неожиданно заметил человека, неподвижно стоявшего на мостике и наблюдавшего за его маневрами. Фермин почувствовал на себе внимательный взгляд. Узнать этого человека не смог, но из-за форменного кителя принял за капитана судна. Он поспешно юркнул в крошечную будку и повалился на пол, дрожа от холода и отчаяния. Фермин не сомневался, что вскоре за ним придут. Уж лучше бы он задохнулся в оружейном ящике. А теперь Фумеро определит его в одну из своих камер и со знанием дела отведет душу.

Фермин ждал мучителей целую вечность и, почти смирившись, что его песенка спета, вдруг услышал звук заработавших двигателей и судовой гудок. Он осторожно выглянул из окошечка будки и увидел, что корабль набирает ход, направляясь к причалу. Фермин обмяк на полу в теплых объятиях солнца, проникавшего сквозь отверстие. Вероятно, Мадонна, покровительствуя и тем, кто утратил веру, все же сжалилась над ним.

9

Фермин просидел на крошечном островке до вечера. Наконец закат обагрил небо, а на волны легла танцующая сеть отблесков портовых фонарей. Внимательно изучив пристань, он решил плыть до флотилии баркасов, которая стояла на приколе напротив рыбной биржи. Выбраться на берег Фермин мог с помощью швартового или же буксирного троса, закрепленного на корме какого-нибудь судна, бросившего якорь у причала.

Он не успел осуществить свой план. Из пелены плотного тумана, затянувшего внутреннюю гавань, выскользнула тень: к бакену приближался веселый ялик с экипажем из двух человек. Один греб, а второй вглядывался в сгустившиеся сумерки, подняв над головой фонарь, окутанный янтарным ореолом. Фермин проглотил комок в горле. Он мог бы броситься в воду и молиться, чтобы полог заката скрыл его, позволив спастись еще раз. Но у него не осталось больше молитв и воли к сопротивлению. Фермин вышел из своего убежища с поднятыми руками, повернувшись лицом к причаливавшей к буйку лодке.

– Опустите руки! – скомандовал тот, кто держал фонарь.

Фермин напряг зрение. Офицера, стоявшего перед ним на носу лодки, он видел несколькими часами ранее на мостике корабля. Фермин посмотрел ему в лицо и подчинился. Принял протянутую руку и прыгнул в лодку. Человек, сидевший на веслах, дал одеяло, в которое измученный беглец с наслаждением завернулся.

– Я капитан Арраэс, а это – мой первый помощник Бермехо.

Фермин залепетал что-то в ответ, но Арраэс прервал его:

– Не называйте своего имени. Оно нам ни к чему.

Капитан достал термос и налил в жестяную кружку горячего вина. Фермин схватил ее обеими руками и осушил до дна. Арраэс трижды повторил процедуру, и Фермин почувствовал, что тело начинает согреваться.

– Вам лучше? – спросил капитан.

Он кивнул.

– Я не собираюсь выяснять, как вы очутились на моем судне, а тем более спрашивать, что вы не поделили с этой канальей Фумеро, но советую держать ухо востро.

– Я и так стараюсь, поверьте. Судьбу трудно обмануть.

Арраэс вручил ему сумку. Фермин заглянул внутрь и обнаружил сложенную сухую одежду, размеров на шесть больше, чем он носил, и немного денег.

– Почему вы делаете это, капитан? Ведь я лишь нелегальный пассажир, втравивший вас в серьезные неприятности...

– Мне так захотелось, – отозвался Арраэс, и Бермехо энергично кивнул, выражая свое согласие.

– Не знаю, как вас отблагодарить.

– Меня устроит, если вы больше не будете тайком забираться на мой корабль. Давайте, переодевайтесь скорее.

Арраэс и Бермехо подождали, пока Фермин снимет промокшие лохмотья, и помогли облачиться в старую морскую форму. Прежде чем расстаться с потрепанным пиджаком, Фермин обшарил карманы и вытащил письмо, которое бережно хранил долгие месяцы. Морская вода смыла чернила, превратив конверт в мокрый комочек бумаги, расплывшийся под пальцами. Фермин закрыл глаза и заплакал. Арраэс и Бермехо в замешательстве переглянулись. Капитан положил руку на плечо Фермина.

– Не принимайте близко к сердцу, молодой человек, худшее уже позади.

Фермин покачал головой:

– Дело в другом... совсем в другом.

Двигаясь, как в замедленной съемке, он оделся и положил обрывки письма в карман новой куртки. Заметив, что благодетели смотрят на него с тревогой и огорчением, вытер слезы и попытался улыбнуться.

– Простите меня.

– Вы совсем отошлали, – сочувственно произнес Бермехо.

– Издержки военного времени, – пожал плечами Фермин, стараясь, чтобы голос звучал бодро и жизнерадостно. – Но теперь, когда в моей судьбе наступают перемены, я предвижу в грядущем сытую и созерцательную жизнь, в которой буду нагуливать жирок и перечитывать шедевры поэзии золотого века. Через два дня стану круглым, как буюк, наевшись морсильи и бисквитов с корицей. Честное слово, при благоприятных обстоятельствах я набираю вес быстрее оперной примы.

– Верим на слово. Вам есть куда пойти? – поинтересовался Арраэс.

Фермин, облагороженный новым мундиром капитана без корабля и ощущавший приятное тепло в желудке от теплого вина, энергично закивал.

– Вас ждет женщина? – спросил Арраэс.

Он печально улыбнулся:

– Ждет, но не меня.

– Значит, письмо предназначалось ей?

– Да.

– Ради этого вы рисковали жизнью, возвращаясь в Барселону? Просто чтобы передать письмо?

– Она стоит того. И я обещал близкому другу.

– Он умер?

Фермин опустил голову.

– Некоторые вести лучше не сообщать, – заметил капитан.

– Клятва есть клятва.

– Как давно вы ее дали?

– Год назад.

Арраэс пристально посмотрел на него.

– Год – очень большой срок по нынешним временам. У людей стала короткая память. Похоже на эпидемию, зато легче выживать.

– Посмотрим, правы ли вы. Лично меня это устроило бы как нельзя лучше, – произнес Фермин.

Уже стемнело, когда Фермин высадился из лодки у подножия лестницы на причале напротив Королевских верфей. Он затерялся во мгле порта, став еще одной тенью в потоке докеров и моряков, направлявшихся к улицам Равалья, в сторону так называемого Китайского квартала. Смешавшись с толпой, Фермин понял из негромких разговоров, что накануне город пережил налет авиации, один из многих за истекший год, и той ночью ждали новых бомбардировок. В голосах и выражении глаз людей сквозил страх. Однако Фермин, чудом избежав гибели в тот кошмарный день, был уверен, что ничего хуже грядущая ночь ему не принесет, какие бы сюрпризы ни готовила. Милостью providения ему попался по дороге разносчик сладостей, который уже свернул торговлю и шел, толкая перед собой тележку. Фермин остановил его и принялся придирчиво рассматривать товары.

– У меня есть засахаренные орешки, такие, как до войны, – оживился торговец. – Не желаете, кабальеро?

– Я предпочел бы «Сугус».

– У меня остался пакетик земляничных.

Глаза у Фермина стали круглыми, как блюдца, и от одного упоминания восхитительного лакомства рот наполнился слюной. Благодаря средствам, пожертвованным капитаном Арраэсом, он смог приобрести целую упаковку конфет и кинулся вскрывать ее с недостойной жадностью.

Туманный свет фонарей на Рамбла, как и первая пастилка «Сугуса» во рту, всегда казался ему частью прекрасного мира, ради которого стоило прожить лишний день. Но тем вечером, ступив на центральный бульвар Рамбла, Фермин с изумлением увидел, что команда ночных сторожей, вооружившись лестницами, ходила от фонаря к фонарю и гасила лампы, отражавшиеся в камнях мостовой. Поравнявшись с одним из работников, Фермин остановился понаблюдать за его действиями. Начав спускаться с лестницы, сторож заметил любопытного прохожего и замер, подозрительно поглядывая на него.

– Добрый вечер, командир, – дружелюбно произнес Фермин. – Надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, по какой причине вы оставляете город без освещения?

Сторож ограничился жестом, указав пальцем на небо, прихватил лестницу и зашагал к следующему фонарю. Фермин помедлил, созерцая удивительное зрелище: как бульвар Рамбла постепенно погружается в темноту. В окрестных кафе и магазинах закрывались двери, и фасады домов тускнели и выцветали, когда их касалось дыхание бледной луны. Вскоре он возобновил путь, чувствуя себя немного неуютно. Его внимание привлекла процессия, похожая на организованное ночное шествие. Люди с узелками и одеялами в руках, группами и поодиночке, направлялись к входу в метро. Одни несли зажженные свечи и фонарики, другие передвигались в темноте. Когда Фермин проходил мимо лестницы, ведущей в подземку, его взгляд выхватил в толпе мальчика лет пяти. Ребенок цеплялся за руку матери или бабушки – в скудном освещении все лица казались постаревшими раньше срока. Фермин хотел ободряюще подмигнуть ему, но малыш не сводил глаз с неба. Он уставился на пелену туч, стгуцавшихся на горизонте, словно пытаясь различить нечто, скрытое за темным клубившимся занавесом. Фермин проследил за направлением его взгляда и почувствовал мимолетное прикосновение пропахшего фосфором и сгоревшим деревом холодного ветра, начинавшего подметать улицы города. Перед тем как мать увлекла ребенка по ступеням вниз, в тоннель метро, он неожиданно повернулся к Фермину, и у того кровь застыла в жилах. В глазах пятилетнего мальчика отражались слепой страх и безысходность древнего старика. Фермин опустил голову и двинулся дальше, едва не столкнувшись с жандармом, который патрулировал вход в метро. Тот ткнул в него пальцем:

– Если вы сейчас уйдете, потом не останется места. Убежища переполнены.

Фермин кивнул, однако прибавил шаг. Он держал путь вглубь Барселоны, превратившейся в призрак – глыбу морока, очертания которой с трудом угадывались в тусклом мерцании свечей и лампадок, расставленных у подъездов и на балконах. Наконец, ступив на мостовую Рамбла де Санта-Моника, он заметил в отдалении темный узкий портал. Фермин тяжело вздохнул и отправился туда, где его ожидало свидание с Лусией.

11

Медленно поднимаясь по тесной лестнице, Фермин чувствовал, как с каждым шагом вверх его покидает присутствие духа и тает мужество. Ему предстояло сообщить Лусии, что мужчина, которого она любила и ждала, отец ее дочери, год назад умер в тюремной камере в Севилье. На лестничной площадке четвертого этажа Фермин замешкался у двери, не отваживаясь позвонить. Потом сел на ступени и схватился за голову. Он помнил слова, прозвучавшие тринадцать месяцев назад на этом самом месте. Взяв его за руки, Лусия посмотрела ему в лицо и попросила: «Ради меня, постарайся, чтобы с ним ничего не случилось, и привези назад». Фермин вытащил из кармана размокший конверт, тоскливо поглядел в сумерках на обрывки, скомкал и выбросил в темноту. Он встал и начал спускаться по лестнице, решив сбежать, но вдруг услышал, как на площадке открылась дверь. Фермин остановился.

С порога на Фермина смотрела девочка лет семи. В руках малышка держала книгу, заложив палец между страницами, чтобы не потерять место, где она читала. Фермин улыбнулся и поднял руку.

– Здравствуй, Алисия, – произнес он. – Не забыла меня?

Девочка разглядывала гостя с опаской и недоверием.

– Что ты читаешь?

– «Алису в Стране чудес».

– Да ну! Можно посмотреть?

Девочка издала показала книгу, не давая ему в руки.

– Это одна из моих любимых, – объяснила она.

– И моих тоже, – подхватил Фермин. – Все, что касается падений в нору, встреч с безумцами и решений математических задач, я воспринимаю как эпизоды из собственной биографии.

Алисия прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Да, но ее написали для меня, – заявила она.

– Никаких сомнений. Мама дома?

Девочка не ответила, однако открыла дверь шире. Фермин сделал шаг вперед. Она повернулась и, не прибавив ни слова, исчезла в недрах квартиры. Фермин замаялся на пороге. Жилище было погружено во тьму, не считая слабого огонька, едва теплившегося в дальнем конце узкого коридора.

– Лусия! – позвал Фермин.

Его голос растворился в сумерках. Он постучал в открытую дверь согнутыми пальцами и подождал.

– Лусия! Это я...

Помедлив несколько мгновений и не получив отклика, Фермин зашел в квартиру и пересек прихожую. Двери помещений, расположенных вдоль длинного прохода, были закрыты. Дальше, в глубине коридора, находилась гостиная, временами служившая и столовой. На столе горела свеча, язычок пламени, окруженный золотистым ореолом, мягко поглаживал сумерки. На стуле спиной к окну сидела пожилая женщина. Фермин узнал ее не сразу.

– Донья Леонор...

Женщине, показавшейся ему старухой, было не более сорока пяти лет. Лицо почернело от горя, а в глазах, уставших от ненависти и слез, застыло отсутствующее выражение. Леонор молча взидала на гостя. Фермин подвинул стул, сел рядом с ней и улыбнулся, взяв ее за руку.

– Ей следовало бы выйти замуж за тебя, – пробормотала она. – Ты некрасив, но у тебя хотя бы есть голова на плечах.

– Где Лусия, донья Леонор?

Женщина отвернулась:

– Ее забрали. Месяца два назад.

– Куда?

Леонор не ответила.

– Кто?

– Тот человек...

– Фумеро?

– Про Эрнесто не спрашивали. Пришли за Лусией.

Фермин обнял Леонор, но она не шелохнулась.

– Я найду ее, донья Леонор. Найду и приведу домой.

Женщина покачала головой:

– Он мертв, да? Мой сын?

– Я не знаю, донья Леонор.

Она обожгла его гневным взглядом и ударила по щеке:

– Убирайся!

– Донья Леонор...

– Уходи...

Фермин встал и попятился. Алисия наблюдала за сценой из коридора. Он улыбнулся ей, девочка несмело засеменила к нему и крепко взяла за руку. Фермин присел на корточки рядом с малышкой. Ему хотелось сказать что-нибудь ободряющее, например, что он был другом ее матери, или повеселить какой-нибудь шуткой, только бы развеять печаль и неприкаянность в глазах девочки. Леонор беззвучно давила слезами, закрыв лицо руками. Неожиданно Фермин уловил далекий гул, исходивший с неба. Повернувшись к окнам, он заметил, что стекла в раме мелко задрожали.

12

Фермин бросился к окну, отодвинул занавеску и задрал голову, посмотрев на узкую полоску неба, которая запуталась среди карнизов, смыкавшихся над узким переулком. Гул нарастал, приближаясь. Сначала Фермин подумал, будто с моря надвигается буря, и живо представил, как черные тучи лавиной наползают на причалы, срывая паруса и ломая мачты на своем пути. Но прежде ему не доводилось видеть бурю, изрыгавшую огонь под грохот металла. Пелена тумана вдруг расплзлась лоскутами, и в открывшийся просвет он увидел их. Появившись из темноты, они летели строем, напоминая гигантских стальных насекомых. Проглотив слюну, Фермин перевел взгляд на Леонор и дрожавшую Алисию. Малышка все еще держала в руках книгу.

– По-моему, отсюда лучше уйти, – пробормотал он.

Леонор покачала головой.

– Они пролетят стороной, – прошептала она. – Как вчера.

Фермин снова посмотрел на небо и отметил, что от эскадрильи отделилось звено из шести или семи самолетов. Когда он, открыв окно, высунул голову на улицу, ему почудилось, будто рев моторов накатывает тугой волной от устья Рамбла, постепенно заполняя бульвар. Вскоре

Фермин услышал пронзительный вой, словно на небесах заработало циклопическое сверло, распарывая воздух. Алисия зажала уши и спряталась под стол. Леонор протянула руки, пытаясь остановить внучку, но не успела. За мгновение до того, как снаряд угодил в здание, раскатистый вой достиг небывалой силы – казалось, это завибрировали и загудели сами стены. Фермин испугался, что от адского гула лопнут барабанные перепонки.

И тотчас наступила тишина.

Фермин ощутил мощный удар. Здание содрогнулось, точно с небес обрушился поезд, пробивая насквозь крышу и перекрытия этажей сверху донизу, как папиросную бумагу. Губы Леонор шевельнулись – он не услышал, что она сказала. Все случилось за доли секунды. На глазах Фермина, оглушенного лавиной грохота, остановившего время, стена за спиной Леонор рассыпалась, превратившись в густое белое облако. Вокруг стула, где сидела женщина, выросла огненная завеса и поглотила ее. С места сорвало половину мебели: взлетев в воздух, она загоралась. Ударная волна, жгучая, как пылающий бензин, толкнула Фермина, отбросив к окну с невероятной силой: пробив стекло, он вывалился на балкон и впечатался в металлические перила. Куртка, подаренная капитаном Арраэсом, задымилась, обжигая кожу. Как только Фермин сделал попытку подняться, чтобы снять ее, пол под ним содрогнулся, и центральная часть здания рухнула в вихре обломков и пылающих углей.

Фермин вскочил, сорвав с себя тлевшую куртку, и заглянул в комнату. Языки черного едкого дыма лизали уцелевшие стены. Взрывом разнесло в пыль сердцевину дома, сохранился лишь фасад и ярус прилегавших к нему комнат, окружавших кратер, по краю которого спиралью висала искореженная и почти разрушенная лестница. Коридор, по которому Фермин недавно вошел в гостиную, превратился в узкий карниз, а за ним зияла бездна.

– Сукины дети!

Фермин не расслышал собственного голоса сквозь раскатистый гул, терзавший барабанные перепонки, но кожей ощутил волну от разорвавшегося неподалеку нового снаряда. По улице пронесся ураганный порыв ветра, он нес смрадный запах серы, электричества и горелого мяса. Фермин увидел, как в небе над Барселоной расцветают зарницы пожаров.

13

Мышцы сводило нестерпимой болью. Пошатываясь, Фермин вошел в гостиную. Взрывом Алисию отбросило к стене. Девочка скрючилась в углу комнаты, придавленная опрокинутым креслом и засыпанная известкой и пеплом. Он опустился на колени рядом с малышкой и приподнял ее за плечи. Почувствовав прикосновение, Алисия открыла глаза. Они сильно покраснели, в расширившихся зрачках Фермин увидел отражение своего осунувшегося лица.

– Где бабушка? – пробормотала Алисия.

– Ей пришлось уехать. Ты должна пойти со мной. Нам нужно выбираться отсюда.

Алисия кивнула. Фермин взял ее на руки и ощупал тельце через одежду, проверяя, нет ли ран или переломов.

– У тебя что-нибудь болит?

Девочка показала рукой на голову.

– Это пройдет, – сказал он. – Готова?

– Моя книжка...

Фермин поискал среди обломков книгу и нашел ее, опаленную огнем, но почти целую. Он вручил томик Алисии, и она схватила его с таким видом, словно к ней чудом вернулся утраченный талисман.

– Только не потеряй, ладно? Расскажешь мне, чем закончилось...

Фермин встал, держа Алисию на руках. Или ребенок весил больше, чем ожидал Фермин, или он просто переоценил свои силы: их оставалось явно меньше, чем требовалось, чтобы благополучно выбраться из разрушенного дома.

– Держись крепче.

Повернувшись, Фермин начал обходить по краю громадную воронку от взрыва, осторожно ступая по узкому карнизу, оставшемся от выложенного плиткой коридора. У лестницы подтвердились самые худшие опасения: снаряд пробил дом до фундамента, и в образовавшемся колодце плескалось пламя, затопив два нижних этажа. Внимательно осматривая лестничный пролет, Фермин отметил, что огонь медленно поднимался, преодолевая ступень за ступенью. Крепко прижав к груди Алисию, он бросился вверх по лестнице. Подумал, что если удастся выбраться на террасу на крыше дома, то они могут попытаться перепрыгнуть на соседнюю асотею¹² и, Бог даст, останутся в живых.

14

На крышу вела толстая дубовая дверь. Взрывом ее сорвало с петель, и Фермин вышиб дверь ударом ноги. Очутившись на плоской веранде, он опустил Алисию на пол и прислонился к парапету, чтобы передохнуть. Он с трудом переводил дыхание. Воздух был пропитан запахом жженого фосфора. Фермин и Алисия обомлели, не в силах поверить представшему перед глазами зрелищу.

Барселона лежала во тьме, из которой вырывались столбы пламени и ленты черного дыма, колыхавшиеся в небе, как щупальца осьминога. Через две улицы, на бульваре Рамбла бушевала огненная река, исторгавшая клубы дыма, доползавшие до центра города. Фермин потянул девочку за руку:

– Идем, здесь нельзя задерживаться!

Они успели сделать несколько шагов. Небо вновь наполнилось гулом, и здание вздрогнуло под ногами. Фермин оглянулся и увидел большое зарево, занимавшееся рядом с площадью Каталонии. Сверкнула багровая молния, осветив на мгновение городские крыши. Неистовство сполохов улеглось под потоками пепла, за завесой которого снова раздался рокот моторов. Эскадрилья летела очень низко, рассекая фронт густого дыма, зависшего над городом. Отраженные отблески пожаров плясали на брюхе фюзеляжей самолетов. Фермин проводил их взглядом и увидел, как на крыши Равалья гроздьями полетели бомбы. В пятидесяти метрах от асотеи, где они с Алисией стояли, дома вдоль улицы стали по очереди взрываться у них на глазах, будто подожгли фитиль с нанизанными на него петардами. От ударной волны разлетелись, осыпавшись ливнем осколков, сотни окон, и с сопредельных крыш начисто смело все, что там находилось. Голубятня на соседнем здании сорвалась с карниза, отлетев на противоположную сторону улицы. Попутно она снесла бак с водой, тот рухнул вниз и раскололся, с грохотом ударившись о мостовую. Из переулка раздалась панические крики.

Фермин и девочка оцепенели, ноги приросли к полу. Застыв на месте, они не могли оторвать глаз от клина самолетов, продолжавших бомбить город. С крыши открывался вид на гавань с полузатопленными кораблями. Крупные пятна солярки расплывались на поверхности, настигая тех, кто барахтался в воде, стараясь отплыть подальше от места катастрофы. На причалах полыхали навесы и ангары. Взрыв комплекса резервуаров с топливом опрокинул ряд тяжелых грузоподъемных кранов. Одна за другой могучие стальные конструкции заваливались на пришвартованные к пристани грузовые суда и рыболовецкие баркасы, увлекая их под воду. В отдалении, в парах серы и дизельного топлива самолеты разворачивались над морем и готовились к новому заходу. Фермин крепко зажмурился, подставив грудь смрадному горячему

¹² Ступенчатая терраса на крыше.

ветру, мгновенно осушившему потное тело. «Вот он я, ублюдки. Посмотрим, промажете ли вы на сей раз».

15

Фермин слышал только гул приближавшихся бомбардировщиков, заполнивший пространство. Но вдруг сквозь него, как сквозь стену, пробился детский голос, звеневший рядом. Фермин открыл глаза и увидел Алисию. Она отчаянно дергала его за руку, силясь сдвинуть с места, и кричала от ужаса. Фермин обернулся. Уцелевшая часть разрушенного дома стремительно таяла в пламени пожара, как замок из песка под натиском прибрежных волн. Они бросились бежать по асотею и сумели перепрыгнуть через ограду, которая отделяла крышу соседнего дома. Фермин упал, покотившись кубарем, левую ногу пронзила острая боль. Алисия помогла ему подняться и потащила вперед. Он ощупал бедро и почувствовал, что по пальцам потекла горячая кровь. Зарево пожара осветило изгородь, через которую они только что перемахнули, выхватив из темноты гребень, ошетилившийся кусками битого и окровавленного стекла. К горлу подкатила тошнота, в глазах потемнело, но, сделав глубокий вдох, Фермин предпочел не останавливаться. Алисия упорно тянула его за собой. Подволакивая ногу и оставляя на керамической плитке темный, влажно блестящий след, он старался не отставать от девочки. Наконец они добрались до перегородки, отделявшей эту террасу от крыши особняка, который выходил на улицу Арко-дель-Театро. Вскрабавшись на деревянные ящики, сложенные штабелем у стены, Фермин заглянул на сопредельную асотею. По ту сторону ограды возвышалось зловещего вида сооружение: старинный дворец с наглухо закрытыми окнами и монументальным фасадом, казалось, провел десятки лет на дне болота. Здание на манер светового фонаря увенчивал грандиозный купол с замаскированными стеклами и шпилем громотвода на маковке. На кончике шпиля покачивалась фигурка дракона.

Рана на ноге напоминала о себе тупой тянущей болью, и Фермину пришлось крепко ухватиться за карниз, чтобы не упасть. В ботинке хлюпала кровь. Его снова замутило. Он понял, что может потерять сознание в любой момент. Алисия испуганно смотрела на него. Фермин вымученно улыбнулся:

– Ничего страшного, небольшая царапина.

Сделав вдалеке разворот над морем, эскадрилья возвращалась в город и уже миновала волнорезы порта. Фермин протянул руку Алисии:

– Хватайся крепче.

Она покачала головой.

– Тут небезопасно. Нам нужно перебраться на соседнюю крышу и придумать, как спуститься на землю, а потом бежать в метро, – уговаривал он без уверенности в голосе.

– Нет, – едва слышно произнесла малышка.

– Дай руку, Алисия.

Она замерла в нерешительности, затем все же подала ему руку. Фермин с усилием втянул Алисию на гору ящиков и посадил на край карниза.

– Прыгай! – велел он.

Она прижала книгу к груди. Фермин услышал за спиной треск пулеметных очередей, прошивавших крыши, и толкнул девочку вперед. Приземлившись по ту сторону изгороди, Алисия потянулась, чтобы снова взять за руку Фермина, но не нашла его рядом. Он остался за стеной, по-прежнему цепляясь за карниз. Казалось, Фермин был на грани обморока, бледный, с отяжелевшими веками.

– Беги! – крикнул он из последних сил. – Беги!

Колени у Фермина подогнулись, и он упал на спину. Уши заложило от рева самолетов, проходивших точно над ними. Соскальзывая в беспамятство, он увидел, как на город опять гроздьями посыпались бомбы.

16

Алисия бежала со всех ног по плоской крыше к большому стеклянному куполу. Она так и не поняла, где взорвалась бомба: в воздухе или врезавшись в фасад соседнего дома. Даже не успела осознать, что происходит. В спину жестко ударила упругая волна сжатого воздуха, девочка оказалась в эпицентре оглушающего урагана, который подхватил ее и швырнул далеко вперед. На Алисию обрушился колющий шквал раскаленных металлических осколков, и в то же мгновение она почувствовала, как острый предмет размером с кулак с разлету вонзился ей в бедро. От сильного толчка ее тело перевернуло в воздухе и бросило на стеклянный купол. Алисия проломила треснувшее стекло, служившее преградой, и провалилась в пустоту. Книга выскользнула у нее из рук.

Отвесный полет в темноте показался ей вечностью. Он закончился приземлением на натянутый брезент, смягчивший падение. Полотнище ткани провисло, сложившись вдвое под весом ее тела, и опустило навзничь на поверхность, напоминавшую деревянную платформу. Высоко над головой, метрах в пятнадцати от помоста, где распласталась девочка, зияла дыра, которую она пробила в остеклении купола. Попытавшись перекатиться на бок, Алисия поняла, что не чувствует правую ногу и вообще не в состоянии управлять собственным телом от пояса до ступней. Повернув голову, она заметила книгу, с которой уже мысленно попрощалась, лежавшую у кромки платформы.

Опираясь на руки, девочка подползла к ней и успела дотронуться до переплета пальцами, как вдруг здание содрогнулось от очередного взрыва, площадку тряхнуло, книга не удержалась на краю и упала вниз. Алисия свесилась с платформы и проводила взглядом свое сокровище, падавшее в бездну, трепеща страницами. Зарево пожара, отразившись в облаках, спроецировало вниз лучи света, рассеявшие сумрак. Алисия с недоверием уставилась на открывшуюся взору поразительную картину. Она приземлилась на верхнюю площадку грандиозной спирали, причудливой изогнутой башни, возведенной вокруг нескончаемого лабиринта коридоров, мостиков, арок и галерей. Сооружение напоминало величественный собор. Только в отличие от известных ей соборов этот построили не из камня.

Он был сложен из книг.

В неровном, колеблющемся свете перед изумленной девочкой представало сплетение лесенок и мостков, обрамленных сотнями тысяч томов, полноводными реками, втекавшими и вытекавшими из фантастической структуры. На дне бездны Алисия различила бледное пятнышко света, которое медленно перемещалось. Светлячок замер, и, присмотревшись, она увидела седовласого человека, державшего в руке фонарь и глядевшего вверх. Острая боль пронзила бедро, и глаза заволокло туманом. Веки девочки сомкнулись, и она потеряла счет времени.

Алисия очнулась, почувствовав, что кто-то бережно поднимает ее. Она приоткрыла глаза и сообразила, что они двигались вниз по бесконечному коридору с десятками боковых галерей, ответвлявшихся во все стороны. Галереи были обнесены стенами, а те состояли из книг. Алисию держал на руках седовласый мужчина с ястребиными чертами, которого она уже видела у подножия лабиринта. Спустившись к основанию сооружения, хранитель этого удивительного собрания пересек сводчатый зал и отнес девочку в угол, где положил на койку.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Алисия, – пролепетала она.

– А меня – Исаак.

С озабоченным выражением лица мужчина осмотрел пульсировавшую болью рану на бедре малышки. Укутав Алисию одеялом, он поднес к ее губам стакан воды и поддерживал за плечи, пока она с жадностью пила. Потом хранитель подоткнул под голову девочки маленькую подушку, чтобы ей было удобнее лежать. Пожилой человек улыбался, однако в его глазах мелькала тревога. За спиной Исаака в зале – девочке он представлялся храмом, созданным из всех библиотек мира, – вздымался лабиринт, который она видела с вершины. Исаак сел рядом на стул и взял Алисию за руку.

– А теперь поспи.

Хранитель потушил фонарь, и они погрузились в голубоватые сумерки, озарявшиеся сверху багровыми сполохами пожаров. Причудливые формы лабиринта сливались с пространством, и Алисия подумала, что ей это пригрезилось: после взрыва бомбы в бабушкиной столовой она со своим новым другом так и не выбралась из объятых пламенем дома.

Исаак печально наблюдал за девочкой. Сквозь стены доносились отголоски бомбежки, воя сирен и пляски смерти, ворвавшейся в Барселону. От взрыва, прозвучавшего неподалеку, ходуном заходили стены и пол, вздымая облака пыли. Алисия вздрогнула на кровати. Хранитель зажег свечу и поставил ее на столик рядом с ложем, где распростерлась девочка. В отсветах пожара из темноты проступили очертания необыкновенного сооружения, устремленного к центру купола. За мгновение до того, как Алисия лишилась чувств, Исаак заметил огонек в ее глазах, вспыхнувший при виде этого фантастического зрелища. Он обреченно вздохнул.

– Алисия, – промолвил он, – добро пожаловать на Кладбище забытых книг.

17

Фермин проснулся в ослепительно-белом небесном чертоге. Ангел в одежде сестры милосердия перевязывал ему ногу, а вереница санитарных каталок исчезала в бесконечности.

– Это чистилище? – спросил он.

Сестричка приподняла голову и покосилась на него. На вид ей было лет восемнадцать. Фермин подумал, что для ангела, внесенного в штатное расписание Господа, она выглядела, пожалуй, намного привлекательнее, чем следовало ожидать, судя по открыткам, которые раздавали на церемониях крещения и причастия. Появление нечестивых помыслов сулило ему либо выздоровление, либо неминуемый конец и вечные муки.

– Отныне я отрекаюсь от неверия и обязуюсь следовать Писанию буквально, Заветам Новому и Старому в том порядке, какой ваша ангельская милость сочтет наиболее подходящим.

Убедившись, что пациент очнулся и способен говорить, сестра помахала рукой, и к каталке подошел врач с утомленным лицом человека, не спавшего целую неделю. Доктор приподнял пациенту веки, проверяя зрачки.

– Я умер? – поинтересовался Фермин.

– Не преувеличивайте. Вы пока слабы, но в целом вполне живы.

– Значит, я не в чистилище?

– Это уж как вам угодно. Мы находимся в больнице. Иными словами, в аду.

Пока доктор осматривал рану, Фермин осмысливал неожиданный поворот событий, пытаясь вспомнить, как попал сюда.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился врач.

– Я немного обеспокоен, если честно. Мне приснилось, будто меня посетил Иисус Христос и у нас состоялась продолжительная и серьезная беседа.

– О чем?

– В основном о футболе.

– Это из-за успокоительного, которое мы вам дали.

Фермин с облегчением кивнул.

– То-то я удивился, когда Господь сказал, что выступает за мадридский «Атлетико».

Врач скупно улыбнулся и, понизив голос, проинструктировал медсестру.

– Как давно я тут лежу?

– Часов восемь.

– А малютка?

– Младенец Иисус?

– Нет, девочка, которая была со мной.

Сестра и доктор переглянулись.

– Увы, но рядом с вами никого не нашли. Насколько мне известно, вас чудом обнаружили на крыше одного из домов в Равале. Вы истекали кровью.

– Девочку со мной не привезли?

Врач отвел взгляд:

– Живую – нет.

Фермин дернулся, порываясь встать. Сестра с доктором уложили его обратно на носилки.

– Доктор, мне необходимо уйти. Там остался ребенок, совсем незащитный, ему нужна помощь...

Врач кивнул медсестре. С тележки, нагруженной медикаментами и бинтами, которую девушка возила с собой, путешествуя вдоль каталок, она схватила ампулу с лекарством и начала готовить инъекцию. Фермин покачал головой, но врач держал его крепко.

– Я не могу отпустить вас. Прошу, наберитесь терпения. Я не хочу, чтобы у вас наступило ухудшение.

– Не волнуйтесь, я живуч как кошка.

– И бессовестнее министра, в связи с чем я прошу вас также не щипать за задницы медсестер, когда они меняют вам повязки. Договорились?

Игла ужалила в правое плечо, и по венам растекся холод.

– Вы можете еще раз расспросить о ней, доктор? Пожалуйста. Ее зовут Алисия.

Врач ослабил хватку, оставив его лежать на постели. Мышцы Фермина сделались студенистыми, как желе, зрачки расширились, и мир вокруг превратился в размытую водой акварельную картину. Голос врача отдалился, сливаясь с эхом реального мира, когда Фермин начал погружаться в нирвану. Ему почудилось, будто он проваливается сквозь ватные облака. Белые больничные стены рассыпались сверкающими кристаллами: растворяясь, они растекались жидким бальзамом, обещавшим химическое блаженство.

18

Фермина выписали в середине дня, поскольку больница была уже переполнена, и всех, кто не находился при смерти, объявили здоровыми. Вооружившись деревянным костылем и получив в наследство от покойника свежую смену белья, Фермин сел в трамвай у центрального входа в больницу и поехал обратно в сторону Равалы. Очувтившись на улицах квартала, принялся обходить работавшие кафе, харчевни и магазинчики, громко спрашивая, не видел ли кто-нибудь девочку по имени Алисия. Люди, посмотрев на худого, изможденного человечка, молча качали головой и думали, что бедняга тщетно ищет, как и многие другие, погибшую дочь, еще одну жертву из девятисот трупов (среди них около сотни детских), подобранных на улицах Барселоны 18 марта 1938 года.

К вечеру Фермин исходил бульвар Рамбла вдоль и поперек. Вагоны трамваев, снесенные взрывами с рельсов, еще дымились, лежа на боку, с мертвыми пассажирами в салоне. Залы кафе, недавно оживленные и переполненные посетителями, теперь превратились в жуткую выставку неподвижных тел. Тротуары были залиты кровью. Но никто из тех, кто суетился

около раненых, накрывал трупы или просто порывался сбежать куда глаза глядят, не запомнил девочку.

Однако Фермин не терял надежды, даже наткнувшись на тела, уложенные в ряд на мостовой перед театром «Лисео». Это были дети, которым не исполнилось и десяти лет. Рядом с ним какая-то женщина гладила ножки мальчика с огромной черной дырой в груди.

– Он умер, – произнесла женщина, хотя Фермин ни о чем ее не спрашивал. – Они все умерли.

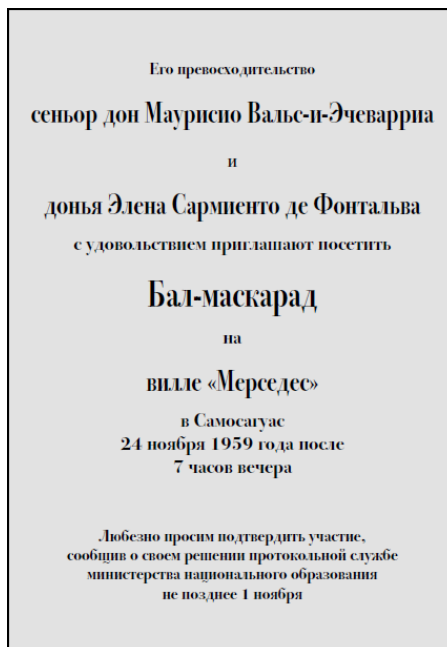
Ночь напролет, пока город разбирал обломки и догорали развалины десятков домов, Фермин ходил от двери к двери в квартале Раваль, расспрашивая об Алисии. Уже под утро, почувствовав, что больше не в состоянии сделать ни шага, он опустился на ступени церкви Богоматери Вифлеемской. Вскоре рядом присел боец гражданской гвардии с лицом, испачканным сажей. Мундир был заляпан кровью. Гвардеец спросил Фермина, почему тот плачет. Приобняв его за плечи, Фермин признался, что хочет умереть, потому что судьба возложила на него ответственность за жизнь маленькой девочки, а он предал ее, не сумев спасти. В заключение заявил, что если бы у Бога – или у дьявола – осталась хоть капля чести, то конец света наступил бы со дня на день, поскольку этот дерьмовый мир иного не заслуживает.

Гвардеец, который несколько часов без передышки доставал из-под обломков мертвецов, включая тела своей жены и шестилетнего сына, терпеливо выслушал Фермина.

– Дружище, не теряйте надежды, – наконец посоветовал он. – В этой собачьей жизни я хорошо усвоил одну вещь. Провидение всегда на чеку, дожидаясь нас за ближайшим углом. Как какой-нибудь карманник, шлюха или продавец лотерейных билетов – ведь они самые ловкие. Если однажды вы решите испытать судьбу – сама она домой не приходит, – вот увидите, она непременно даст вам второй шанс.

Маскарад

Мадрид, 1959



1

В комнате навсегда поселились сумерки. Портьеры не раздвигали много лет. Более того, полотнища были сшиты между собой, чтобы в щель даже невзначай не просочилось солнце. Медное бра на стене служило единственным источником света, которому удавалось лишь немного потеснить темноту. В его тусклом красноватом ореоле выступали контуры кровати, увенчанной пышным балдахином с прозрачными занавесями. За вуалью угадывались очертания застывшего тела. «Похоже на катафалк», – подумал Вальс.

Маурисио Вальс смотрел на силуэт жены. Елена лежала неподвижно, распростертая на ложе, которое стало ее узилищем последние десять лет, поскольку она была не в состоянии сидеть даже в инвалидном кресле. С годами болезнь, разрушавшая кости доньи Элены, безжалостно искорежила скелет, превратив ее в бесформенный комок страдающей плоти. Распятие из красного дерева взидало на нее с изголовья кровати, но небо в своей бесконечной жестокости отказывалось даровать страдальце избавление, позволив умереть. «Я виноват, – думал Вальс. – Это мое наказание».

Сквозь доносившиеся из сада звуки музыки и голоса тысячи с лишним гостей Вальс слышал натужное дыхание жены. Ночная сиделка встала со стула, стоявшего около кровати, и бесшумно приблизилась к Вальсу. Он не помнил ее имени. Сиделки, нанятые ухаживать за его женой, не задерживались на службе дольше двух или трех месяцев, хотя им платили щедрое жалованье. И Вальс их не винил.

– Она спит? – спросил он.

Сиделка покачала головой:

– Нет, сеньор министр, но доктор уже сделал больной укол на ночь. Вечер прошел спокойно. Сейчас ей лучше.

– Оставьте нас, – велел Вальс.

Она кивнула и покинула комнату, закрыв за спиной дверь. Вальс подошел к постели. Отодвинув кисейную занавеску, присел на край кровати и закрыл глаза, прислушиваясь к неровному дыханию и давая себе время свыкнуться с тяжелым смрадным запахом, исходившим от жены. Его ушей коснулся сухой шорох: она ногтями царапала простыни. Когда Вальс повернулся к ней лицом, приклеив к губам натянутую улыбку и надев маску безмятежного спокойствия и нежности, он заметил, что жена лихорадочно смотрит на него горящими глазами. Самые дорогие европейские эскулапы не знали даже названия болезни Элены, а тем более не понимали, как ее вылечить. Эта болезнь изуродовала руки женщины, трансформировав их в узлы ороговевшей кожи, которые напоминали Вальсу лапы рептилии или хищной птицы. Он взял то, что некогда было правой рукой супруги, и встретился с пылающим взором, исполненным боли и гнева. И ненависти, как надеялся Вальс. Мысль, что несчастное существо еще способно лелеять в груди искру привязанности к нему или к жизни, он находил слишком жестокой.

– Добрый вечер, любовь моя.

Элена практически лишилась голосовых связок два года назад, и для того, чтобы произнести слово, ей требовалось приложить сверхчеловеческие усилия. Она все же ответила на его приветствие утробным стоном, казалось, исходившим из глубин искалеченного тела, формы которого угадывались под одеялом.

– Мне сказали, у тебя выдался тяжелый день, – продолжил Вальс. – Лекарство скоро подействует, и ты заснешь.

Он не отпустил руку, вызывавшую у него дрожь и отвращение. Каждый вечер повторялась одна и та же сцена. Вальс тихо разговаривал с женой несколько минут, удерживая ее руку в своих ладонях, а она испепеляла его взглядом, пока морфий не утихомиривал боль и ярость, после чего он мог покинуть мрачную комнату в конце коридора на третьем этаже и не возвращаться туда до следующего вечера.

– Пришли все. Мерседес впервые надела длинное платье и, как мне доложили, танцевала с сыном английского посланника. О тебе все спрашивали и передавали наилучшие пожелания.

Соблюдая необходимый ритуал, Вальс сыпал банальностями, не спуская глаз с небольшого подноса, нагруженного металлическими инструментами и шприцами, который стоял у кровати на стальном столике, застеленном красным бархатом. Ампулы с морфием мягко поблескивали в приглушенном свете, словно драгоценные камни. Он запнулся. Элена проследила за направлением его взгляда и теперь в упор смотрела на мужа с отчаянной мольбой, обливаясь слезами. Вальс вздохнул. Наклонившись, он поцеловал жену в щеку:

– Я люблю тебя.

Услышав его слова, Элена отвернулась и закрыла глаза. Вальс погладил ее по щеке и встал. Задернув занавеску, он направился к двери, на ходу застегивая сюртук и вытирая губы носовым платком, который бросил на пол, выходя из комнаты.

2

Незадолго до праздничного вечера Маурисио Вальс пригласил свою дочь Мерседес в кабинет, расположенный в башне, пожелав узнать, что она хотела бы получить в подарок на день рождения. Период коллекционных фарфоровых кукол и сборников сказок давным-давно канул в Лету. От прежней маленькой девочки Мерседес сохранила лишь смех и глубокое почтение к отцу. И она объявила, что мечтает только об одном – пойти на бал-маскарад, который должен был состояться через две недели в поместье, названном ее именем.

– Мне необходимо посоветоваться с твоей матерью, – солгал Вальс.

Дочь обняла его и поцеловала, скрепив негласное обещание, какое ей удалось получить. Еще до разговора с отцом Мерседес выбрала вечернее платье, в нем она собиралась произвести

фурор на балу. Восхитительный туалет винного цвета сшили для ее матери в ателье высокой моды в Париже, но донье Элене не довелось обновить его. Платье, вместе с сотнями нарядов и драгоценностей – атрибутами несостоявшейся жизни, той жизни, какую ее родительнице не суждено было прожить, – пятнадцать лет провисело под замком в шкафу в роскошной и заброшенной гардеробной, по соседству с бывшей супружеской спальней, которой давно не пользовались. В течение многих лет, когда все думали, будто девочка спит у себя в комнате, Мерседес пробиралась в спальню к матери, чтобы позаимствовать ключ из четвертого ящика комода, стоявшего у двери. Ночную сиделку, единственную, имевшую дерзость заикнуться о визитах девочки, уволили без церемоний и компенсации после того, как Мерседес обвинила ее в краже материнских часов с туалетного столика. Эти часы она собственноручно закопала в саду, за фонтаном с ангелами. Остальные не осмеливались открывать рот и притворялись, что не замечают ее в темноте, всегда застилавшей покои.

Сжимая ключ в ладошке, девочка проскальзывала посреди ночи в гардеробную матери, просторную уединенную комнату в западном крыле дома, где пахло пылью, нафталином и запустением. Со светильником в руке путешествовала по проходам между стеклянными витринами, заполненными обувью, мехами, одеждой и париками. Углы этого мавзолея костюмов и памятных подарков затягивала паутина. Маленькая Мерседес, которая росла как настоящая принцесса в уютном и обеспеченном одиночестве, придумала игру. Она воображала, будто все сокровища гардеробной давно принадлежали сломанной и безобразной кукле, потом ее посадили в темницу на третьем этаже в конце коридора, и теперь она больше не сможет наряжаться в богатые платья из превосходных тканей и украшать себя изумительными драгоценностями.

Порой под покровом ночи Мерседес ставила лампаду на пол, надевала один из туалетов и танцевала в темноте под треньканье старой музыкальной шкатулки. Девочка заводила ее, и шкатулка исправно наигрывала мелодию темы Шахерезады. Она испытывала удовольствие, представляя, как отец, положив руку ей на талию, ведет ее в танце по большому бальному залу, а гости смотрят на них с завистью и восхищением. Когда первые лучи зари пробивались сквозь неплотно задернутые занавески, Мерседес возвращала ключ в ящик комода и торопилась улечься в постель, изображая глубокий сон, поскольку ровно в семь часов утра являлась горничная, чтобы разбудить ее.

На балу никому не пришло в голову, что вечернее платье, сидевшее на ней как на картинке, сшили для другой дамы. Играл оркестр, Мерседес скользила по сцене в такт музыке то с одним, то с другим кавалером и кожей чувствовала взгляды сотен гостей, ласкавшие ее с вожделением и страстью. Она знала, что имя ее на устах у всех, и улыбалась, улавливая обрывки разговоров, в которых выступала главной героиней.

Около девяти часов вечера, в разгар праздника, задуманного и готовившегося с размахом, Мерседес неохотно покинула танцевальную сцену и направилась к парадной лестнице главного дома. Она лелеяла надежду пройти с отцом хотя бы один круг танца, но он не спустился к гостям, и в парке его пока не видели. Дон Маурисио взял с дочери обещание, что в девять она вернется к себе в комнату, лишь при этом условии позволив посетить бал, и Мерседес решила ему не противоречить. «В следующем году».

По дороге Мерседес слышала беседу коллег отца, тоже служивших в правительстве, двух патрициев преклонных лет, весь вечер не спускавших с нее сальных взглядов. Они вполголоса сплетничали о том, что дон Маурисио мог позволить себе любую прихоть благодаря богатству несчастной жены, и в том числе получить по-весеннему теплый вечер в середине мадридской осени, а заодно представить распущенную дочь самым знатным персонам высшего света. Опьяненная шампанским и турами вальса, Мерседес повернулась, чтобы поставить их на место, но на дорожку вдруг вышла женщина и мягко коснулась локтя девушки.

Ирене, гувернантка, которая была тенью Мерседес и наперсницей последние десять лет, ласково улыбнулась воспитаннице и поцеловала в щеку.

– Не обращай на них внимания, – сказала она, взяв девушку за руку.

Мерседес улыбнулась и пожала плечами.

– Ты настоящая красавица. Дай мне хорошенько разглядеть тебя.

Девушка потупилась.

– Платье изумительное и необыкновенно тебе идет.

– Это мамино платье.

– С сегодняшнего дня оно только твое, и ничье больше.

Мерседес кивнула, зардевшись от удовольствия, слегка окрашенного горьковатым привкусом вины.

– Вы видели моего отца, донья Ирене?

Та покачала головой.

– Дело в том, что гости о нем спрашивают...

– Им придется подождать, – произнесла Ирене.

– Я обещала ему, что уйду в девять. На три часа раньше Золушки.

– Тогда нужно прибавить шагу, пока я не превратилась в тыкву, – невесело пошутила гувернантка.

Они шагали через сад по аллее, под гирляндой фонариков, которые бросали свет на лица незнакомых людей. Те улыбались Мерседес при встрече, словно давней знакомой, и приподнимали бокалы с шампанским, тускло мерцавшими, как отравленные кинжалы.

– Отец собирается идти на бал, донья Ирене? – спросила Мерседес.

Гувернантка помедлила с ответом, пока они не отошли подальше от нескромных ушей и любопытных взглядов.

– Не знаю. Я его целый день не видела.

Мерседес хотела что-то сказать, но за спиной возник шум и суматоха. Оркестр перестал играть, а один из двух кабальеро, едко злословивших, когда она проходила мимо, поднялся на подиум и собирался обратиться к гостям. Гувернантка, предупреждая вопрос, прошептала на ухо Мерседес:

– Это дон Хосе Мария Альтеа, член правительства.

Помощник протянул политику микрофон, разговоры прекратились, гости почтительно затихли. Музыканты оркестра с важным видом уставились на министра, с улыбкой взиравшего на многочисленную благодарную аудиторию, замершую в ожидании. Альтеа скользил взглядом по сотням лиц, обращенным к нему, и одобрительно кивал. Наконец неторопливо, с величавой властью миссионера, уверенного в послушании паствы, он поднес микрофон к губам и начал проповедь.

3

– Дорогие друзья! Для меня большая радость и честь, что я могу, пользуясь случаем, сказать несколько слов столь благородному обществу, собравшемуся здесь сегодня, чтобы выразить искреннее и заслуженное уважение одному из выдающихся людей новой Испании, возродившейся из пепла. И особенно мне приятно, что я могу это сделать через двадцать лет после славной победы в битве за национальное освобождение, которая обеспечила нашему государству почетное место среди стран земного шара. С благословения Бога Испания поднялась под руководством генералиссимуса и окрепла благодаря стойкости таких людей, как тот, кто приветствует нас сегодня в своем доме и кому мы стольким обязаны. Человек, сыгравший ключевую роль в развитии процветающего государства на зависть Западной Европе, которым мы ныне гордимся, а также его бессмертной культуры. Меня переполняет гордость и признательность судьбе за то, что я могу назвать его одним из лучших своих друзей. Этот человек – дон Маурисио Вальс-и-Эчеварриа.

По саду прокатилась бурная волна аплодисментов. К рукоплесканиям присоединились и слуги, и телохранители, и оркестранты. Альтеа переждал оvation и бравурные возгласы, кивая с благосклонной улыбкой и отеческим выражением лица, а затем поднял руку, умеряя воодушевление публики.

– Что можно добавить о доне Маурисио Вальсе, чего не было сказано ранее? Его безупречная, образцовая карьера восходит к самым истокам Движения¹³ и вписана золотыми буквами в нашу историю. Однако, если позволите, именно в области литературы и искусства способности дона Маурисио проявились, пожалуй, особенно ярко, одарив нас достижениями, которые поднимали культуру страны на новую высоту. Не удовлетворившись вкладом в строительство прочной основы государства, какое обеспечило испанскому народу мир, справедливость и благополучие, и понимая, что не хлебом единым живет человек, дон Маурисио в результате стал светочем отечественной культуры. Автор бессмертных произведений и выдающегося литературного дарования. Основатель Института Лопе де Вега – учреждения, которое поддерживает изучение нашей культуры и языка по всему миру и только в нынешнем году открыло представительства в двадцати двух столицах за рубежом. Неутомимый и утонченный издатель, исследователь и радетель большой литературы и великой культуры нашего времени, создатель новой методики осмысления и внедрения искусства и философии... Не хватит слов, чтобы описать огромный вклад нашего радушного хозяина в формирование и просвещение как ныне живущих испанцев, так и будущих поколений. Его работа во главе министерства национального образования заложила фундаментальные основы нашей науки и созидания. И потому я нахожу справедливым утверждение, что без дона Маурисио Вальса испанская культура была бы иной. Его вклад и проявленная гениальная прозорливость сохранят свое значение на протяжении поколений. Его бессмертный труд останется на вершине испанского Парнаса во веки веков.

Аудитория воспользовалась эмоциональной паузой, чтобы вновь разразиться аплодисментами, причем многие искали взором в толпе того, кого прославлял оратор, отсутствовавшего героя дня, которого на празднике так и не увидели.

– Я не намерен говорить долго, зная, что многие пожелают прямо выказать дону Маурисио свое восхищение и признательность, включая и меня. Я лишь хотел поделиться с вами содержанием личного послания с выражением приязни, признательности и уважения моему коллеге по кабинету министров и ближайшему другу дону Маурисио Вальсу, которое мне несколько минут назад передали от главы государства, генералиссимуса Франко из дворца Прадо, где его задержали неотложные государственные дела.

Вздых разочарования, обмен взглядами между соперниками и глухое молчание явились преамбулой к чтению записки, которую Альтеа извлек из кармана.

– «Дорогому другу Маурисио, просвещенному испанцу и верному помощнику, столько сделавшему для нашей страны и культуры: донья Кармен и я хотели бы сердечно обнять тебя и от имени всех испанцев поблагодарить за двадцать лет примерной службы...»

Альтеа вскинул голову и повысил голос, чтобы закончить выступление лозунгами: «Да здравствует Франко!» и «Вставай, Испания!». Они были подхвачены с воодушевлением, побуждая многих поднять руки в римском приветствии и исторгнуть светлые слезы. К громовым аплодисментам, грянувшим в саду, присоединился и сам Альтеа. Покидая сцену, министр кивнул дирижеру оркестра. Маэстро не позволил волне ликования обмелеть, заиграв благозвучный вальс, который подхватил ее и будто удерживал в воздухе до конца вечера. К тому

¹³ Речь о партии, изначально называвшейся «Испанская фаланга традиционалистов». Испанская Фаланга – единственная государственная партия в период правления Франко – в 1943 г. была переименована, получив название «Национальное движение».

моменту, когда стало окончательно ясно, что генералиссимус не прибудет, многие гости побросали свои маски и личины на землю и потянулись к выходу.

4

Вальс слышал, как отголоски оваций, которыми завершилось выступление Альтеа, растворялись в музыке. Сеньору Альтеа, его «большому другу и уважаемому коллеге», кто в течение многих лет только и ждал удобного случая, чтобы воткнуть нож в спину, записка от генералиссимуса с извинениями, что он не сможет посетить бал, наверняка доставила удовольствие. Вальс проклинал Альтеа и его стаю гиен – полчище новых центурионов, кого все чаще стали именовать «ядовитыми цветами», распутившимися под сенью древа государственной власти, и кто начал захватывать ключевые посты в правительстве. Значительная их часть в тот момент слонялась по саду, пила шампанское, закусывая канапе, и жаждала его крови. Вальс поднес к губам сигарету, зажатую между пальцев, и увидел, что она полностью истлела. Висенте, начальник личной охраны Вальса, наблюдал за шефом, стоя в дальнем конце коридора, и подошел, чтобы предложить свои сигареты.

– Спасибо, Висенте.

– На здоровье, дон Маурисио... – пробурчал верный цербер.

Вальс кивнул, горько усмехнувшись. Висенте, всегда проявлявший преданность и почтение, вернулся на пост, где почти слился со стенами, исчезнув на фоне обоев, так что, не приглядываясь специально, заметить его было трудно.

Вальс сделал первую затяжку, задумчиво глядя на широкий коридор, расстилавшийся за сизой завесой дыма, который он выпустил изо рта. Мерседес именovala этот холл «картинной галереей». Галерея тянулась в обход третьего этажа, картины на стенах и обилие статуй внушали ей сходство с большим музеем, обделенным вниманием публики. Лерма, хранитель Прадо, следивший за состоянием коллекции, неизменно напоминал, что в галерее не следует курить и солнечный свет может повредить полотна. В его честь Вальс со вкусом затянулся второй раз. Для него не являлось тайной, что на самом деле Лерма считал, не имея ни мужества, ни решимости высказать свое мнение вслух, будто произведения искусства не заслуживают прозябания в частной коллекции, каким бы ни был великолепным интерьер и могущественным – хозяин. Их настоящим домом является музей, где ими может любоваться и восхищаться публика – те самые ничтожества, которые аплодируют на торжествах и выстраиваются в очередь на похоронах.

Вальсу нравилось, сидя в одном из епископских кресел, расставленных островками вдоль картинной галереи, разглядывать свои сокровища. Немалая их часть была подарена или просто изъята из частных коллекций горожан, выбравших неправильную сторону в противостоянии. Другие произведения искусства поступили из музеев и дворцов, находившихся в ведении его министерства в качестве бессрочного займа. Вальсу доставляло удовольствие вспоминать, как летними вечерами маленькая Мерседес, которой в ту пору не исполнилось и десяти лет, забиралась к нему на колени и слушала увлекательные истории, связанные с каждым из шедевров. Он находил утешение, погружаясь в эти воспоминания и воскрешая в памяти зачарованный взгляд дочери, когда рассказывал ей о Соролья и Сурбаране, Гойе и Веласкесе.

Пребывая там, в уютном мире видений и грез, навеянных бессмертными полотнами, Вальс не раз обманывался надеждой, что дни, проведенные с Мерседес, дни изобилия и славы, никогда не закончатся. Дочь уже давно не приходила, чтобы разделить с ним вечер, выслушивая лекции о золотом веке испанской живописи. Но он по-прежнему искал отдыха и душевного покоя в галерее, забывая в такие минуты, что Мерседес выросла. Девочка превратилась в молодую женщину, которую он не узнал в бальном платье, когда она танцевала под прицелом алчных и похотливых, завистливых и злобных взглядов. Скоро, очень скоро он уже не сумеет

защитить дочь от мира, где правит тьма, – мира, ее не достойного, который подстерегал Мерседес за стенами родного дома.

Вальс докурил и поднялся. За сомкнутыми занавесками приглушенно играл оркестр, звучали голоса. Не оглядываясь, он направился к лестнице, ведущей в башню. Висенте вынырнул из сумерек и, неслышно ступая, последовал за шефом.

5

Вставив ключ в замочную скважину, Вальс сразу понял, что дверь кабинета открыта. Он замер, стиснув пальцами ключ, и повернул голову. Висенте, оставшийся ждать у лестницы, прочитал в его глазах приказ и неторопливо приблизился, доставая револьвер из внутреннего кармана пиджака. Вальс попятился, и Висенте жестом попросил шефа занять место у стены, подальше от дверного проема. Как только Вальс отступил на безопасное расстояние, Висенте взвел курок револьвера, исподволь поворачивая дверную ручку. Дубовое резное полотно, увлекаемое собственным весом, мягко скользнуло внутрь затененной комнаты.

Вскинув револьвер, Висенте настороженно всматривался в сумерки. Из окон падал голубоватый свет, позволяя различить контуры обстановки в кабинете Вальса. Он обвел взглядом большой письменный стол, тяжелое мягкое кресло, овальный книжный шкаф и кожаный диван на персидском ковре, устилавшем пол, но не заметил во тьме ни малейшего движения. Нашарив на стене выключатель, Висенте зажег свет. В кабинете никого не было. Опустив оружие и спрятав его под пиджак, телохранитель шагнул в комнату. Стоя в дверях за спиной телохранителя, Вальс напряженно наблюдал за развитием событий. Висенте обернулся и покачал головой.

– Наверное, я сам забыл запереть кабинет, когда уходил сегодня вечером, – неуверенно предположил Вальс.

Висенте задержался посреди кабинета и еще раз внимательно огляделся по сторонам. Вальс переступил порог комнаты и прошел к своему письменному столу. Висенте проверял защелки на окнах, когда министр заметил эту вещь. Услышав, что шаги Вальса внезапно стихли, охранник встревоженно повернулся.

Взгляд министра был прикован к письменному столу. В центре, на обтянутой кожей столешнице, лежал большой конверт кремового цвета. Вальс почувствовал, как волоски на руках встали дыбом, и внутренности словно обдало ледяным ветром.

– Все в порядке, дон Маурисио? – спросил Висенте.

– Оставьте меня.

Телохранитель помедлил, обуреваемый сомнениями. Вальс не спускал глаз с конверта.

– Я буду поблизости на случай, если понадобится вам.

Вальс кивнул. Висенте неохотно направился к выходу. Когда дверь кабинета за ним закрылась, министр стоял у стола, в оцепенении глядя на пергаментный конверт, как на гадюку, готовую совершить смертельный бросок и впиться ему в горло.

Обогнув стол, он уселся в кресло, прижимая к груди сжатые кулаки. Через минуту он отважился протянуть руку к пакету. Вальс ощупал конверт, и пульс его участился. Подцепив пальцем сургучную печать, министр открыл посылку. Печать еще не высохла и поддалась легко. Он взял конверт за краешек и приподнял. Содержимое выскользнуло за стол. Вальс судорожно вздохнул и зажмурился.

На обложке книги, переплетенной в черную кожу, не было ни имени автора, ни заглавия, только оттиск условного изображения, напоминавшего винтовую лестницу, если смотреть на нее сверху.



Рука затряслась. Собрав пальцы в кулак, Вальс крепко стиснул его. Между страниц книги виднелось вложенное письмо. Он вытащил его. Желтоватый лист бумаги, вырванный из бухгалтерской книги, был расчерчен красными горизонтальными линиями в два столбика. Каждый из столбцов содержал длинный перечень цифр. В глаза бросилась надпись внизу, сделанная красными чернилами:

*Твое время истекло.
У тебя остался последний шанс.
У входа в лабиринт.*

У Вальса перехватило горло, дышать стало трудно. Прежде чем он осознал, что делает, его руки, нервно пошарив в центральном ящике стола, выхватили хранившийся там револьвер. Министр поднес ствол ко рту и взвел курок. От оружия пахло машинным маслом и порохом. Вальса замутило, но он вцепился в рукоять обеими руками и не открывал глаз, пытаясь сдерживать слезы, катившиеся по щекам. Неожиданно он услышал шаги на лестнице и девичий голос. Мерседес говорила с Висенте у дверей кабинета. Вальс торопливо затолкал револьвер обратно в ящик и вытер слезы рукавом. Охранник постучал в дверь согнутыми пальцами. Вальс сделал глубокий вдох и выждал мгновение. Висенте постучал снова.

– Дон Маурисио! Пришла ваша дочь.
– Пропусти ее, – произнес он срывающимся голосом.

Дверь отворилась, и в кабинет шагнула Мерседес, в вечернем платье винного цвета, с очаровательной улыбкой на устах, которая померкла, как только она увидела выражение лица отца. Висенте с беспокойством смотрел на шефа с порога комнаты. Вальс кивнул ему и жестом велел удалиться, оставив наедине с дочерью.

– Папа, ты хорошо себя чувствуешь?
Он изобразил радостную улыбку и встал, чтобы обнять ее.
– Разумеется, хорошо. Особенно теперь, когда вижу тебя.

Мерседес очутилась в крепких объятиях отца, а он уткнулся носом ей в волосы, вдыхая запах, как делал раньше, когда она была ребенком, будто верил, что аромат ее кожи защитит от всех козней и скверны мира. Наконец, разжав руки, отец отпустил дочь, и Мерседес, заглянув ему в лицо, заметила, что глаза у него покраснели.

– Что случилось, папа?
– Ничего.
– Ты меня не проведешь. Других – да, но только не меня...
Вальс улыбнулся. Настольные часы показывали пять минут десятого.
– Как видишь, я держу слово, – сказала она, прочитав его мысли.
– Я не сомневался.

Мерседес привстала на цыпочки и бросила взгляд на стол.

– Что ты читаешь?
– Так, ничего. Ерунду.
– А мне можно тоже почитать?
– Эта книга не для маленьких девочек.

– Но я уже не маленькая девочка, – возразила Мерседес, улыбнувшись с детским коварством и повернувшись вокруг своей оси, чтобы продемонстрировать платье и фигуру.

– Вижу. Ты стала взрослой.
Она коснулась ладонью щеки отца.
– Тебя это печалит?

Вальс поцеловал руку дочери и покачал головой:

– Нет, конечно.

– Ни капельки?

– Ну, если только чуть-чуть.

Мерседес рассмеялась. Вальс последовал ее примеру, ощущая на губах вкус пороха.

– Я вполне доволен, как провел вечер. Ты же все понимаешь.

Дочь кивнула с лукавым выражением лица.

– Да. Уж я-то понимаю...

Она прошлась по кабинету, таинственному миру, полному книг и запертых шкафов, поглаживая кончиками пальцев корешки переплетов в библиотеке. Заметив, что отец наблюдает за ней с тоскливым выражением в глазах, остановилась:

– Может, все же расскажешь, что случилось?

– Мерседес, ты ведь знаешь, что я люблю тебя больше всех на свете и горжусь тобой, правда?

Она растерялась. Голос отца дрожал и ломался, его уверенность и надменность исчезли.

– Разумеется, папа. Я тоже тебя люблю.

– Это самое главное. Что бы ни произошло.

Отец улыбался, но Мерседес вдруг поняла, что он плачет. Она никогда не видела его в слезах, и теперь ей стало страшно, будто мир перевернулся с ног на голову. Отец вытер глаза и повернулся к ней спиной:

– Позови Висенте.

Мерседес направилась к двери, но прежде чем открыть ее, помедлила. Отец по-прежнему стоял к ней спиной, глядя из окна в сад.

– Папа, что будет дальше?

– Ничего, ангел мой. Ничего не будет.

Мерседес отворила дверь. Висенте ждал за порогом с каменным и непроницаемым выражением лица, от которого у нее волосы становились дыбом.

– Спокойной ночи, папа, – негромко произнесла она.

– Спокойной ночи, Мерседес.

Висенте почтительно поклонился ей и зашел в кабинет. Мерседес попыталась заглянуть в комнату, но телохранитель невозмутимо закрыл дверь у нее перед носом. Она прижалась к панели ухом и прислушалась.

– Он был здесь, – произнес ее отец.

– Невозможно, – возразил Висенте. – Входы охранялись. Только прислуга имела доступ на верхние этажи. Я расставил людей около всех лестниц.

– Говорю тебе, он тут был. У него есть список. Не знаю, как он его получил, но список у него в руках... Боже мой.

Мерседес проглотила комок в горле.

– Наверное, это ошибка, сеньор.

– Взгляни сам!

Наступила тишина. Мерседес затаила дыхание.

– Цифры вроде правильные, сеньор. Я не понимаю...

– Настало время, Висенте. Я больше не могу прятаться. Теперь или никогда. Я могу положить на тебя?

– Несомненно, сеньор. Когда?

– На рассвете.

Голоса умолкли, и вскоре Мерседес услышала шаги, приближавшиеся к двери. Она бросилась вниз по лестнице и побежала к себе. Очутившись в своей комнате, прислонилась спиной к двери и сползла на пол. Мерседес кожей ощущала проклятие, витавшее в воздухе, и

предчувствовала, что грядущей ночью закончится удивительная волшебная сказка, в которую они увлеченно играли много лет.

6

Наступивший рассвет, холодный и пасмурный, она запомнила навсегда. Зима, будто решив нанести внезапный удар, утопила виллу «Мерседес» в озере тумана, натекшего с опушки леса. Мерседес проснулась, когда первый тонкий свинцовый луч света царапнул окна ее спальни. Она заснула, прикорнув на кровати, так и не сняв бального платья. Мерседес распахнула окно, и морозная утренняя сырость облепила лицо. Густой туман плотным покровом заволакивал сад, по-змеиному расплзаясь среди руин вчерашнего праздника. Горизонт закрывали черные тучи. Медленно надвигаясь, они, казалось, несли в своем чреве бурю.

Мерседес босиком выскочила из комнаты. Дом окутывало безмолвие. В полной темноте она промчалась по коридору, обогнув восточное крыло, и добежала до отцовской спальни. У дверей на посту не было ни Висенте, ни его подчиненных, хотя в последние годы постоянная охрана стала частью домашнего уклада – с тех пор как отец начал вести уединенную жизнь. Он всегда находился под защитой доверенных наемников, будто боялся, что враждебные силы проникнут сквозь стены и вонзят ему кинжал в спину. Мерседес не осмеливалась спросить о причине строгих мер безопасности. Но ей было достаточно того, что временами она заставляла отца в прострации, с отсутствующим выражением лица и затравленным взглядом.

Мерседес открыла дверь спальни без стука. Постель осталась неразобранной. Бокал мансанилы, который горничная приносила каждый вечер и ставила на тумбочку около кровати дон-Маурисио, был нетронут. Порой Мерседес задавалась вопросом, спит ли когда-нибудь отец или проводит ночи напролет в своем кабинете на верхушке башни, не смыкая глаз. В саду всполошились птицы, стайкой взмыв в небо. Их поведение насторожило Мерседес, она приблизилась к окну и заметила двух мужчин, спешивших к гаражам. Мерседес прижалась лицом к стеклу. Один мужчина остановился и повернулся, посмотрев в сторону башни, словно почувствовав взгляд девушки. Мерседес улыбнулась отцу, который безучастно смотрел на нее, бледный и постаревший, – таким она его не помнила.

Вальс опустил голову и зашел в гараж в сопровождении Висенте. Тот нес маленький чемоданчик. Мерседес охватила паника. Эту сцену она много раз видела во сне, не понимая ее смысла. Мерседес устремилась вниз, спотыкаясь о мебель и ковры в серой рассветной мгле. Как только она выбежала в сад, колючий ледяной ветер обжег ей лицо. Спустившись по мраморной лестнице, она помчалась к гаражам сквозь хаос разорения с валявшимися маскарадными масками, перевернутыми стульями и разноцветными гирляндами. Покачиваясь на ветру, тусклые огоньки еще мерцали в тумане. Мерседес услышала, как заурчал мотор машины и колеса покатались по гравиевой дорожке. Когда она выскочила на центральную аллею, ведущую к главным воротам усадьбы, автомобиль уже удалялся, набрав скорость. Мерседес кинулась за ним, не замечая, что острые камешки гравия режут ноги. За мгновение до того, как туман поглотил машину, она увидела, что отец повернулся и в последний раз посмотрел на нее сквозь стекло взглядом, исполненным отчаяния. Мерседес бежала до тех пор, пока звук мотора не растворился вдали, а перед ней не замаячили острые пики центральных ворот.

Через час Луиса, горничная, приходившая каждое утро, чтобы разбудить и одеть молодую хозяйку, нашла ее у бассейна. Мерседес сидела на бортике, свесив ноги над водой, окрашенной тонкими струйками крови. На поверхности бассейна теснились десятки масок, напоминая флотилию бумажных корабликов в дрейфе.

– Сеньорита Мерседес, ради бога...

Девушка дрожала от холода. Луиса набросила на нее пальто и повела в дом. Не успели они подняться по парадной лестнице, как повалил мокрый снег. Злобный ветер раскачивал

деревья в саду, срывая гирлянды и опрокидывая столы и стулья. Такие сны Мерседес тоже снились раньше, и она поняла, что дом начал умирать.

Kyrie¹⁴

Мадрид, декабрь 1959

1

В одиннадцатом часу утра под проливным дождем черный «паккард» вырулил на Гран-Виа и остановился у дверей старого отеля «Испания». Окно в комнате помутнело от потоков воды, но Алисия сумела разглядеть, что из машины вышли двое эмиссаров в плащах и шляпах согласно уставу, с лицами серыми и холодными, как пасмурный зимний день. Алисия сверилась с часами. Старый добрый Леандро не вытерпел и пятнадцати минут, немедленно отправив за ней своих прихвостней. Через тридцать секунд ожил телефон. Алисия подняла трубку после первого звонка. Она прекрасно знала, кого услышит на линии.

– Сеньорита Грис, доброго дня, – раздался сиплый голос Мауры, дежурного портье. – Парочка охломонов, от которых за версту несет Социальной бригадой, только что довольно невежливо спрашивали о вас. Они сели в лифт. Я отправил их на четырнадцатый этаж, чтобы дать вам минутку на случай, если предпочтете улизнуть.

– Спасибо за беспокойство, Хоакин. Что вы сейчас читаете? Что-нибудь интересное?

Вскоре после падения Мадрида Хоакина Мауру отправили в тюрьму Карабанчель. Очужившись на свободе через шестнадцать лет, он обнаружил, что превратился в глубокого старика и практически лишился легких. А жена, пребывавшая на шестом месяце беременности, когда его схватили, добилась развода и благополучно вышла замуж за подполковника, увешанного наградами, который обеспечил ей троих детей и скромную виллу в пригороде. Ракель, дочь от первого скоротечного брака, выросла с убеждением, что родной отец умер до ее появления на свет. Однажды Маура решил тайком посмотреть на нее и подстерег у выхода из магазина тканей на улице Гойи. Ракель приняла его за нищего и подала ему милостыню. С тех пор Маура жил тихо и незаметно в каморке рядом с котельной в подвале «Испании» и нес вахту за стойкой в ночную смену, не отказываясь подежурить и в другое время. В своей конурке он зачитывался дешевыми полицейскими романами, завершая кельтский узор жизненного пути в уповании, что смерть исправит ошибку, вернув его в 1939 год, где ему, по совести, и следовало оставаться.

– У меня есть вещичка, без начала и конца, называется «Красная мантия». Автор – какой-то Мартин, – охотно поделился Маура. – Это роман из старой коллекции «Город проклятых». Мне его дал толстячок Тудела из 426-го номера. Ему везет на редкости в Эль-Растро¹⁵. Он ваш земляк, из Барселоны. Может, вам и понравится.

– Я подумаю.

– Как угодно. И осторожнее с той парочкой. Я знаю, вы барышня ловкая, но от этих двоих веет неприятностями.

Алисия положила трубку и стала спокойно ждать, когда шакалы Леандро унюхают ее след и сунутся к ней: она давала им минуты две-три. Алисия открыла дверь своего номера, закурила и расположилась в кресле, повернувшись лицом к дверному проему. Перед ней открывался длинный и темный коридор, который вел к лифтам. Из коридора в комнату потянуло запахом пыли, трухлявого дерева и затоптанного ковра.

¹⁴ Молитвенный распев в латинском обряде.

¹⁵ Блошинный рынок в Мадриде.

«Испания» была полной развалиной, находившейся в состоянии постоянного упадка. Построенная в начале двадцатых годов, гостиница пережила эпоху расцвета, считаясь одной из самых фешенебельных в Мадриде. Однако после гражданской войны превратилась в анахронизм, скатываясь все ниже и ниже. В конце концов гостиница стала дырой, где останавливались самые обездоленные и отверженные люди, не имевшие ничего и никого в жизни. Они влачили жалкое существование в обшарпанных комнатах, которые снимали неделю за неделей. Из сотен гостиничных номеров половина пустовала, причем многие годы. Часть этажей просто закрыли, и среди постояльцев распространялись леденящие кровь легенды о том, что происходило в длинных и мрачных нежилых коридорах. Порой лифт останавливался на таком этаже сам по себе, без вызова и нажатия соответствующих кнопок. И на мгновение желтоватый пучок света из кабины выхватывал из темноты обстановку помещений, напоминавших внутренности затонувшего крейсера. Маура рассказывал, что под утро на коммутатор часто поступали звонки из комнат, где после войны не было зарегистрировано ни одного постояльца. Когда он отвечал на вызов, линия молчала. Лишь однажды он услышал женский плач. На вопрос Мауры, чем он может помочь, другой голос, густой и низкий, ответил: «Иди к нам».

– Поймите правильно, но с тех пор я не горю желанием после полуночи отвечать на звонки, поступившие из небытия, – признался Маура. – Иногда мне кажется, будто это место – своего рода метафора, понимаете? То есть оно олицетворяет собой страну в целом. На ней лежит проклятие, скрепленное пролитой кровью, которой замазаны все, как бы мы ни старались свалить вину друг на друга.

– Вы поэт, Маура. Даже чтение полицейских романов не погасило вашей тяги к поэзии. Побольше бы Испании таких философов, как вы, кто способен возродить великие национальные традиции интеллектуальных салонов.

– Смейтесь? Говорят, вы состоите на службе у нынешней власти, сеньорита Грис. Хотя я уверен, что, получая большие деньги, человек вроде вас мог бы переехать в квартиру поприличнее, а не гнить в этой дыре. «Испания» – не место для изысканной девушки. Сюда приходят не для того, чтобы жить. Сюда приходят умирать.

– Я и говорю, вы поэт.

– Идите себе с миром.

Философские рассуждения Мауры не были лишены оснований, и со временем в определенных кругах «Испанию» стали называть не иначе как «отель самоубийц». Спустя десятилетия в «Испании», которая к тому моменту уже давно не работала, появились инженеры и обошли здание этаж за этажом, закладывая взрывчатку, чтобы снести гостиницу. После этого по городу поползли слухи, будто в некоторых комнатах нашли мумифицированные трупы, пролежавшие целую вечность на кроватях или в ваннах. В том числе и тело бывшего ночного портье.

2

Из темноты коридора возникли две фигуры. Для Алисии они были лишь раскрашенными марионетками, созданными для устрашения тех, у кого в прямом смысле отнимали жизнь. Она встречала их раньше, но не запомнила имена. Все куклы из Бригады казались ей на одно лицо. Задержавшись на пороге, они с подчеркнутым пренебрежением окинули взглядом комнату, лишь потом остановив его на Алисии. Осмотр сопровождался хищной волчьей улыбкой, которой Леандро, наверное, обучил их на первом занятии.

– Непонятно, как вы можете тут жить?

Алисия пожала плечами, сделала последнюю затяжку, докуривая сигарету, и указала на окно.

– Отсюда прекрасный вид.

Один из агентов Леандро делано засмеялся, второй тихо чертыхнулся. Они протопали в комнату, заглянули в ванную и проверили весь номер от пола до потолка, будто рассчитывали что-то найти. Тот, кто помоложе, был неопытным новичком и компенсировал недостаток уверенности грубыми манерами. Он не отказал себе в удовольствии просмотреть собрание книг, сложенных кипами у стены и занимавших половину комнаты; скользнув пальцем по корешкам, агент скорчил презрительную гримасу.

– Вы должны дать мне почитать какой-нибудь из своих любовных романчиков.

– Не знала, что вы умеете читать.

Новичок резко повернулся и шагнул к Алисии с угрожающим видом, но напарник и, вероятно, начальник остановил его и тоскливо вздохнул.

– Идите, попудрите нос. Вас ждут с десяти часов.

Алисия не шелохнулась, не выказав желания встать с кресла.

– Я вынужден настаивать. Приказ Леандро.

Новичок, чувствовавший себя уязвленным, навис над ней всей массой своих девяноста с лишним килограммов, kloкочущих от гнева. На губах его заиграла улыбка, похоже, отработанная во время допросов в застенках и ночных арестов.

– Меня не колышит, что у меня мало опыта, красавица. Не заставляй вытаскивать тебя силой.

Алисия посмотрела ему в лицо:

– Неважно, есть ли у вас опыт. Главное, насколько вы сообразительны.

Агент Леандро сверлил ее взглядом несколько секунд, но, когда напарник схватил его за локоть и оттащил в сторону, предпочел изобразить вежливую улыбку и вскинул руки в знак примирения. «На этом он не успокоится», – подумала Алисия.

Другой агент сверился с часами и покачал головой:

– Послушайте, сеньорита Грис, мы не виноваты. Вы же знаете, как обстоят дела.

«Разумеется», – подумала она.

Опираясь руками на подлокотники кресла, Алисия встала. Агенты наблюдали, как она, пошатываясь, доковыляла до стула, где лежал предмет, напоминавший сбрую, сплетенную из тонких волокон фибры и кожаных ремешков.

– Вам помочь? – спросил злорадно один.

Алисия не обратила на них внимания. Она взяла аксессуар и скрылась с ним в ванной комнате, неплотно прикрыв дверь. Старший агент опустил голову, но младший не утерпел, примерившись и скосив глаза таким образом, чтобы увидеть в зеркале отражение Алисии. Он с интересом наблюдал, как она, сняв юбку и расправив бандаж, обернула его вокруг бедра и правой ноги. Получилось некое подобие корсета. После того как были застегнуты все пряжки, бандаж обтянул тело, словно вторая кожа, сделав Алисию похожей на механическую куклу. Внезапно она вскинула голову, и в зеркале громила поймал ее взгляд, холодный и лишенный всякого выражения. Он довольно улыбнулся и, выдержав долгую паузу, повернулся лицом к комнате, впрочем, успев мимоходом разглядеть темное некрасивое пятно у Алисии на боку – спираль шрамов, воронкой глубоко въедавшуюся в плоть, будто бедро разворотило раскаленным докрасна сверлом. Агент заметил сердитый взгляд начальника.

– Кретин! – обругал его шеф.

Вскоре из ванной появилась Алисия.

– У вас нет другого платья? – спросил старший.

– Чем вам не нравится это?

– Может, найдется что-нибудь поскромнее?

– Зачем? Кто еще будет присутствовать на встрече?

Агент протянул ей трость, прислоненную к стене, и указал на дверь.

– Я еще не нарядилась.

– Вы безупречно выглядите. Подкрасите лицо в машине, если захотите. Мы опаздываем. Алисия отказалась от трости и, не дожидаясь агентов, вышла в коридор, слегка прихорашиваясь.

Через несколько минут они уже молча ехали в черном «паккарде» под дождем по улицам Мадрида. Расположившись на заднем сиденье, Алисия рассматривала очертания шпилей, куполов и скульптур, украшавших карнизы плоских крыш на Гран-Виа. Ангельские квадриги и часовые из почерневшего камня наблюдали за городом с высоты. С темно-серого неба, затянутого свинцовыми тучами, низвергалась извилистая гряда огромных мрачных домов. Они казались сгрудившимися в одну кучу окаменевшими чудовищами, поглотившими целые города. Внизу, у подножия исполинов, под пеленой дождя блестели маркизы больших театров, витрины первоклассных кафе и магазинов. Люди, лишь миниатюрные фигурки, выдыхавшие клубы пара, сновали стайками под куполами зонтов почти вровень с землей. Алисии пришло в голову, что в такие ненастные дни человек поневоле начнет думать, как старина Маура, поверив, что тьма над Испанией распростерлась от края до края, не оставив места даже проблеску света.

3

– Расскажите еще раз о сотруднике, которого вы мне рекомендуете. Вы сказали, Грис?

– Алисия Грис.

– Алисия? Женщина?

– Это является препятствием?

– Не знаю. Я слышал о ней не раз, но упоминали всегда только фамилию – Грис. Я понятия не имел, что речь идет о женщине. Вероятно, ваш выбор вызовет возражения.

– Вашего начальства?

– Нашего начальства, Леандро. Мы не можем позволить себе ошибиться снова, как это вышло с Ломаной. В Эль-Пардо¹⁶ начинают проявлять нетерпение.

– При всем глубоком уважении, единственной ошибкой было не разъяснить мне подробно, для чего понадобился оперативник моего подразделения. Я поручил бы дело другому сотруднику. Рикардо Ломана не способен решать такие задачи.

– В данном деле не я устанавливаю правила и контролирую информацию. Указания поступают сверху.

– Понимаю.

– Расскажите о Грис.

– Сеньорите Грис двадцать девять лет. Из них двенадцать она работает на меня. Осиротела во время войны. Потеряла родителей в восемь лет. Воспитывалась в патронате Рибас, сиротском приюте в Барселоне, откуда была исключена в пятнадцать лет из-за нарушений дисциплины. Года два она жила на улице, работая на спекулянта и афериста по имени Бальтасар Руано. Он возглавлял банду малолетних воров, пока жандармерия не взялась за него всерьез. Его, как многих других уголовников, казнили в тюрьме Кампо-де-ла-Бота.

– Я слышал, что...

– Это не проблема. Она способна позаботиться о себе и, уверяю вас, умеет защищаться. Грис получила ранение во время войны, при бомбардировке Барселоны, однако увечье не мешало ей выполнять работу должным образом. Алисия Грис – лучший оперативник из завербованных мною за двадцать лет службы.

– Тогда почему же она не явилась в то время, которое вы ей назначили?

¹⁶ Королевский дворец в Мадриде; частная резиденция Франко, где генералиссимус жил с 50-х годов XX века и до смерти.

– Я понимаю ваше разочарование и снова приношу извинения. Алисия порой бывает строптивой, но почти все уникальные агенты, работающие на самых трудных направлениях, ведут себя так же. Примерно месяц назад у нас возникли рабочие разногласия по поводу одного дела, которым она занималась. Я временно отстранил ее и снял с довольствия. Она проигнорировала встречу, намекая, что все еще сердита на меня.

– Если позволите высказать мнение, ваше отношение кажется в большей степени личным, нежели профессиональным.

– В моей сфере одно без другого невозможно.

– Меня беспокоит подобное пренебрежение к дисциплине. В нынешнем деле новых осечек быть не должно.

– Их и не будет.

– Для нас это чрезвычайно важно. Мы рискуем головой. Вы и я.

– Предоставьте мне решение вопроса.

– Расскажите еще о Грис. Что в ней такого особенного?

– Она видит то, чего не видят другие, мыслит иначе, не так, как остальные. Там, где все увидят закрытую дверь, она заметит ключ. Где другие потеряют след, она найдет улику. Это дар, образно говоря. И главное, для сторонних глаз Алисия Грис умеет быть невидимой.

– Именно так она раскрыла преступление, известное как «дело куколок Барселоны»?

– Восковые невесты. Первое дело, в котором Алисия работала на меня.

– Меня всегда занимал один вопрос. Говорили, что префект...

– Все это случилось много лет назад.

– Но у нас ведь есть время, пока мы ждем барышню.

– Разумеется. История произошла в сорок седьмом году. Я получил назначение в Барселону. До нас дошли сведения, что в течение трех лет полиция обнаружила в разных частях города по меньшей мере семь трупов молодых женщин. Их находили сидевшими на скамейке в парке, на трамвайной остановке, в кафе «Паралело». В том числе одну из них увидели стоявшей на коленях в исповедальне в церкви дель Пино. Все были в белом, безупречно накрашены. В телах не осталось ни капли крови, они пахли камфарой. Погибшие напоминали восковых кукол, отсюда и появилось название.

– Их имена известны?

– Никто не заявлял об их исчезновении, на основании чего полиция предположила, что жертвы были проститутками. Данная версия впоследствии подтвердилась. Несколько месяцев новые трупы не находились, и полиция посчитала дело закрытым.

– И тогда произошло очередное убийство?

– Верно. Маргариты Мальофре. Ее нашли в кресле холла отеля «Ориенте».

– Она была содержанкой у...

– Маргарита Мальофре работала в доме свиданий определенной категории на улице Элисабетс, где предлагались услуги особого свойства по очень высокой цене. Стало известно, что тогдашний префект часто посещал упомянутое заведение и погибшая была его любимицей.

– Почему именно она?

– Похоже, Маргарите Мальофре удавалось дольше остальных продержаться не теряя сознания, несмотря на весьма специфические привычки префекта, и потому кабальеро отдавал ей предпочтение.

– Ай да его превосходительство!

– Суть в том, что, установив эту связь, дознание сразу возобновили, а учитывая деликатность темы, оно попало в мои руки. Алисия только начинала работать у меня, и я поручил расследование ей.

– Не слишком ли непристойная фабула для столь юной особы?

– Алисия была неординарной юной особой и совсем не впечатлительной.

– Как закончилась история?

– Достаточно быстро. Алисия провела несколько ночей на улице, наблюдая за входом и выходом самых известных домов терпимости Равалья. Выяснила, что во время регулярных полицейских облав клиенты незаметно ускользали через потайную дверь и девочки или мальчики из числа персонала притонов поступали так же. Алисия решила проследить за ними. Они прятались от полиции в подъездах домов, кафе и даже в канализационных колодцах. Их отлавливали и доставляли в участки, задерживая на ночь, а кое-кого даже сажали за решетку, что, впрочем, к делу не относится. Но кое-кто ухитрялся оставить полицейских с носом. И те, кому везло, прятались всегда в одном и том же месте: на пересечении улиц Хоакина Косты и Пеуде-ла-Креу.

– А что там находилось?

– На первый взгляд ничего особенного. Зерновые амбары. Бакалейная лавка. Гараж. И ткацкая мастерская, у хозяина которой, некоего Руфата, в прошлом возникали проблемы с полицией из-за его склонности нарушать границы дозволенного. Он подвергал телесным наказаниям своих работниц, одна даже лишилась глаза. Кроме того, Руфат являлся постоянным клиентом заведения, где служила Маргарита Мальофре до своего исчезновения.

– Алисия быстро нашла след.

– Именно поэтому она сразу исключила Руфата из числа подозреваемых. Он хоть и был жестоким человеком, но к нашему делу имел лишь то отношение, что случайно посещал интересовавший нас публичный дом, располагавшийся по соседству с его мастерской.

– Что дальше? Пришлось начинать сначала?

– Алисия всегда утверждала, что события развиваются согласно внутренней логике, а не логике внешних факторов.

– Какой же логике отвечали обстоятельства данного дела, по ее мнению?

– Той, что она называет логикой симулякра.

– Я перестал вас понимать, Леандро.

– Если излагать коротко, Алисия полагает, что все происходящее в обществе, в публичном пространстве представляет собой симулякр, некую имитацию того, что нам хотелось бы считать реальностью и чего в действительности не существует.

– Отдает марксизмом.

– Ничего подобного. Алисия – одно из самых скептически настроенных созданий, каких я знал. По ее теории, все без исключения идеологические модели и принципы являются плодом возбужденного рассудка. Симулякрами.

– Час от часу не легче. Для меня загадка, чему вы улыбаетесь, Леандро. Я не вижу тут ничего хорошего. Эта сеньорита нравится мне с каждой минутой все меньше. Она хотя бы хорошенькая?

– Я руковожу не инкубатором стюардесс.

– Не сердитесь, Леандро, я просто пошутил. Чем же закончилась история?

– Вычеркнув Руфата из списка подозреваемых, Алисия приступила к тому, что она называет чисткой лука.

– Еще одна из ее теорий?

– Алисия уверена, что всякое преступление подобно луковице: необходимо отделить множество слоев шелухи, прежде чем добраться до сердцевины, и попутно пролить немного слез.

– Леандро, я порой восхищаюсь разнообразием фауны, которую вам удалось рекрутировать.

– В мои обязанности входит найти подходящее оружие для решения любой задачи. И держать его наготове.

– Смотрите не пораньтесь ненароком. Однако продолжайте рассказывать о чистке лука, вы меня заинтриговали.

– Снимая шелуху с каждого из мелких предприятий, расположенных вокруг перекрестка, где в последний раз видели пропавших, Алисия узнала, что гараж принадлежал благотворительному дому призрения.

– Снова гиблая версия.

– В данном случае слово «гиблая» является ключевым.

– Я опять в растерянности.

– В этом гараже содержались катафалки, являвшиеся частью городского парка ритуального транспорта. Также он служил складом гробов и надгробных памятников. В те годы сфера ритуальных услуг в городе полностью находилась в руках дома призрения. Работников на низовом уровне – от могильщиков до носильщиков – набирали из числа людей, находившихся на попечении этого богоугодного заведения: сирот, осужденных, нищих и прочих обездоленных. В общем, тех несчастных, кто нашел там приют, не имея ни одной родственной души в мире. Пустив в ход свои таланты, которых у нее в избытке, Алисия сумела устроиться машинисткой в контору правления. Вскоре она развела, что в те вечера, когда осуществлялись облавы, девочки из окрестных публичных домов прибегали прятаться в гараже для катафалков. Там красавицам удавалось договориться с кем-нибудь из приютских. Им охотно разрешали укрыться в одной из машин в обмен на профессиональные услуги. Переждав опасность и утолив желания благодетелей, девушки до восхода солнца возвращались к месту постоянной работы.

– Но...

– Возвращались не все. Алисия выяснила, что в штате работников гаража числился человек, выделявшийся на общем фоне. Он осиротел во время войны, как и она сама. Звали его Кимет. У него было детское лицо и хорошие манеры, что подкупало вдовушек, мечтавших усыновить его и забрать к себе домой. Кимет оказался одаренным учеником и уже хорошо разбирался в тонкостях ритуального искусства. Он занимался коллекционированием, что и привлекло к нему внимание. В ящике письменного стола хранил альбом с фотографиями фарфоровых кукол. Кимет признавался, что хочет жениться, создать семью и подыскивает подходящую женщину, чистую и непорочную душой и телом.

– Симулякр?

– Скорее приманка. Алисия принялась следить за ним каждую ночь и вскоре убедилась в справедливости своих подозрений. Падшие девушки прибегали к Кимету прятаться, и если они ростом, цветом кожи, внешностью и телосложением соответствовали определенным параметрам, то он даже не заговаривал о греховной оплате. Помолвившись вместе с ними, Кимет обещал, что с его помощью и при покровительстве Девы Марии их не найдут. Говорил, что самым надежным укрытием является гроб. Мол, никто, в том числе и полиция, не осмелится открыть саркофаг, чтобы проверить его содержимое. Девушки, очарованные детским личиком и милыми манерами Кимета, послушно укладывались в домовину и улыбались ему, когда он задвигал крышку, запечатывая их внутри. Дождавшись, когда жертвы задохнутся, Кимет раздевал их, брил лобок, мыл с головы до ног, выпускал кровь и шприцем закачивал в сердце баальмирующую жидкость, которая распространялась по всему телу. Как только девушки обретали новую жизнь, превратившись в восковые куклы, он гримировал их и обряжал в белое. Алисия установила также, что одежда, которая была на погибших, приобреталась на месте, в двухстах метрах от гаража, в свадебном салоне на кольцевой дороге Сан-Педро. Один из продавцов вспомнил, что Кимет частенько навещался к ним.

– Небольшое приданое.

– Кимет проводил с трупами пару ночей, изображая подобие семейной жизни, если можно так выразиться, пока тела не начинали издавать запах сгнивших цветов. И позднее, на

рассвете, когда улицы еще пустынные, увозил их к новой вечной жизни в одном из катафалков и режиссировал их появление на сцене.

– Святая Богородица... Такое могло произойти только в Барселоне!

– Алисия сумела распутать клубок как раз вовремя, чтобы вызволить из гроба девушку, которой была уготована участь восьмой жертвы Кимета.

– Известно, почему он так поступал?

– По сведениям Алисии, в детстве Кимет просидел целую неделю взаперти рядом с телом матери в квартире на улице Кадена, пока соседи не забеспокоились, почувствовав запах. Кажется, его мать покончила с собой, приняв яд, когда узнала, что муж бросил ее. Данные неподтвержденные, поскольку Кимет, к сожалению, свел счеты с жизнью в первую ночь после заключения в тюрьму Кампо-де-ла-Бота. Но сначала на стене камеры он написал завещание. Пожелал, чтобы его тело обрили, вымыли, набальзамировали и, положив в стеклянный гроб в белой одежде, выставили бессрочно вместе с одной из восковых невест в витрине крупнейшего универмага «Сигло». Вроде бы его мать служила там продавщицей. Однако, поминая черта, сеньорита Грис должна уже скоро прибыть. Глоточек бренди, чтобы сгладить неприятное послевкусие от рассказа?

– И последнее, Леандро. Я хочу, чтобы с вашим агентом работал один из моих сотрудников. Мне не нужно еще одно бесследное исчезновение, как в случае с Ломаной.

– Думаю, это будет ошибкой. У нас свои методы.

– Решение не обсуждается. И Альтеа согласен со мной.

– При всем уважении...

– Леандро, Альтеа уже хотел поручить дело Эндайя.

– Еще одна ошибка.

– Не спорю. Именно поэтому я убедил его в настоящий момент дать мне возможность действовать так, как считаю нужным. Но при условии, что мой человек присмотрит за вашим оперативником. Или так, или придется иметь дело с Эндайя.

– Ясно. Кого вы предлагаете?

– Воргаса.

– По-моему, он ушел в отставку.

– Лишь формально.

– Это наказание?

– Для вашего агента?

– Для Воргаса.

– Скорее последний шанс.

4

«Паккард» обогнул площадь Нептуна, которую затопило больше обычного, и выехал на улицу Сан-Иеронимо, направляясь к большому белому дворцу во французском стиле – отелю «Палас». Машина остановилась у главного входа, и швейцар с зонтиками наготове приблизился, чтобы открыть заднюю дверцу салона. Оба агента Социальной бригады повернулись как по команде и посмотрели на свою пассажирку с угрозой и мольбой во взоре.

– Не выкинете никакого фокуса, если мы высадим вас здесь, или вас нужно тащить волоком, чтобы не сбежали?

– Не беспокойтесь. Я вас не подведу.

– Честное слово?

Алисия кивнула. В плохие дни сесть или выйти из машины для нее являлось нелегкой задачей, но ей не хотелось выглядеть в глазах этой парочки большей развалиной, чем она была. Пришлось с улыбкой давиться болью, пронзившей бедро, когда Алисия вставала. Швейцар

проводил молодую женщину до дверей, раскрыв над головой зонт, чтобы защитить от дождя. Армия консьержей и камердинеров будто только и ждала ее, чтобы провести через холл к месту встречи. Увидев два пролета лестницы, которые ей предстояло преодолеть, чтобы попасть из холла в огромную столовую, Алисия пожалела, что отказалась от трости. Она достала бонбоньерку, которую носила в сумочке, и проглотила пилюлю. Сделав глубокий вдох, начала подниматься.

Через две минуты, оставив позади несколько десятков ступеней, Алисия остановилась в дверях обеденного зала, чтобы перевести дыхание. Сопровождавший ее консьерж обратил внимание, что ее лоб подернулся испариной. Алисия сдержанно улыбнулась:

– Думаю, дальше я справлюсь сама, если не возражаете.

– Конечно. Как пожелает сеньорита.

Консьерж деликатно удалился, но Алисии не было необходимости поворачивать голову, чтобы удостовериться, что он внимательно наблюдает за ней и не спустит с нее глаз, пока она не войдет в зал. Она вытерла лоб носовым платком и оценила обстановку.

Из глубины салона доносились приглушенные голоса и позвякивание ложечки, медленно двигавшейся по кругу в фарфоровой чашке. Обеденный зал «Паласа» простирался перед ней зачарованным царством танцующих бликов, сочившихся из-под огромного витражного купола, орошаемого дождем. Это сооружение всегда напоминало Алисии исполинскую стеклянную иву, парившую в воздухе, украшенную соцветиями розеток, позаимствованных из сотен соборов во имя *Belle Époque*¹⁷. Леандро нельзя было упрекнуть в отсутствии вкуса.

Из множества столиков под разноцветным стеклянным колоколом занят был лишь один. За ним расположились двое, их проворно обслуживали с полдюжины официантов, державшихся на достаточном расстоянии, не позволявшем подслушать разговор, но и не мешавшем читать язык жестов и мимики, чтобы мгновенно выполнить любое пожелание. Все же «Палас» являлся первоклассным отелем в отличие от «Испании», временного пристанища Алисии. Апологет буржуазных привычек, Леандро тут жил и работал. В буквальном смысле. В течение многих лет он занимал апартаменты под номером 814 и любил вести деловые переговоры в этой столовой, интерьеры которой, как подозревала Алисия, давали ему возможность тешиться приятной иллюзией, будто он живет в Париже Пруста, а не в Испании Франко.

Она сосредоточилась на сотрапезниках. Леандро Монтальво сидел, как всегда, лицом к двери. Среднего роста, он имел вид обеспеченного бухгалтера с изнеженным и пухлым телом. От мира Леандро отгородился очками в роговой оправе, они были ему велики и служили для того, чтобы спрятать глаза, острые, как кинжалы. Они разрушали образ благодушного и приветливого человека, который создавала его внешность провинциального клерка, поклонника сарсуэлы¹⁸, служащего банка, любителя побродить по музеям после окончания рабочего дня. «Милейший Леандро».

С ним рядом с рюмкой бренди сидел тип с напояженными волосами и усиками, в костюме английского покроя, который совершенно не сочетался с внешностью неотесанного деревенщины, уроженца плоскогорья. Лицо его показалось Алисии знакомым. Одна из персон, часто мелькавших в газетах, ветеран постановочных фотографий, где непременно присутствовали флаг с черным одноглавым орлом и картина, образец неувядаемого иппического жанра¹⁹. Генеральный секретарь какой-то серьезной конторы.

Леандро вскинул голову, заулыбался ей издали и фамильярно поманил к себе жестом, каким привычно подзывают ребенка или собачку. Алисия неторопливо продефилировала по

¹⁷ Прекрасная эпоха (*фр.*) – период европейской истории накануне Первой мировой войны между последними десятилетиями XIX века и 1914 г.

¹⁸ Испанская разновидность музыкального представления, близкая оперетте.

¹⁹ Жанр изобразительного искусства, где основной мотив – лошадь.

залу, прилагая титанические усилия, чтобы не захромать, за что была наказана обжигающей болью в боку. По дороге она вычислила спрятавшихся в тени, в глубине салона, двух министерских охранников, вооруженных и неподвижных. Замершие в ожидании.

– Алисия, рад, что ты сумела найти свободную минутку в своем расписании, чтобы выпить с нами чашечку кофе. Признайся, ты позавтракала?

Она даже не успела ответить. Леандро приподнял брови, двое официантов покинули пост у стены и принялись расставлять перед ней приборы. Пока они наливали в бокал свежесжатый апельсиновый сок, Алисия чувствовала на себе хищный взгляд кречета, будто поджаривавший ее на медленном огне. Для нее не составило труда взглянуть на себя его глазами. Большинству людей, включая профессиональных наблюдателей, свойственно путать понятия «смотреть» и «видеть». И почти всегда они обращают внимание на очевидные, поверхностные детали, мелочи, лишь помогающие завуалировать суть. Леандро любил повторять, что исчезнуть на глазах противника – искусство, которому можно учиться всю жизнь.

Алисия знала свое лицо, не имевшее возраста, худощавое и пластичное, лишь слегка тронутое штрихами тени и цвета. На работе она всегда принимала тот образ, какой было необходимо воплотить для осуществления замыслов Леандро, в русле задуманных им интриг и махинаций. Она могла стать тенью или светом, частью пейзажа или действующим лицом, в зависимости от либретто. В дни отдыха словно растворялась, погружаясь в состояние, которое Леандро называл «прозрачной тьмой». У Алисии были темные волосы и бледная кожа, созданная для холодного северного солнца и салонных интерьеров. Зеленые глаза сверкали в темноте и становились колючими, как булавки, заставляя забыть о фигуре, хоть и хрупкой, но которую было трудно обойти вниманием. По этой причине Алисии в случае необходимости приходилось выражаться в мешковатую одежду, чтобы не привлекать на улице лишних взглядов, брошенных украдкой. Однако в обществе ее появление неизменно вызывало повышенный интерес, нагнетая атмосферу и пробуждая, по мнению Леандро, беспокойное чувство. Эту свою особенность наставник рекомендовал Алисии маскировать как можно тщательнее: «Ты ночное создание, но мы вынуждены прятаться, стараясь сделаться незаметными при свете дня».

– Алисия, позволь познакомить тебя с достопочтенным сеньором доном Мануэлем Хилем де Партера, директором Генерального корпуса полиции.

– Для меня большая честь, ваше превосходительство, – любезно произнесла Алисия, протянув руку, которую высокий чин не принял, словно опасаясь, что она его укусит.

Хиль де Партера смотрел на нее с задумчивым выражением, будто до сих пор не мог решить, кто она: барышня с порочными наклонностями или неизвестный науке экземпляр, и он не представлял, как его классифицировать.

– Сеньор директор счел возможным попросить нас применить профессиональные навыки для решения проблемы весьма деликатного свойства, которая потребует высокой степени такта и усердия.

– Несомненно, – пропела Алисия ангельским тоном послушной девочки, получив легкий пинок под столом от Леандро. – Мы в вашем распоряжении и готовы сделать все, что в наших силах.

Хиль де Партера, еще не приняв окончательного решения, по-прежнему глядел на Алисию со смесью недоверия и вожделения – ее близость обычно воспламеняла мужчин определенного возраста. Эту мистическую притягательность Леандро называл ароматической аурой тела, или же побочным эффектом внешнего облика. С его точки зрения, привлекательность являлась обоюдоострым оружием, которым Алисия пока не научилась пользоваться в совершенстве. Но в данном случае, в свете явной неловкости, какую Хиль де Партера испытывал в ее присутствии, Алисия решила, что удар пришелся точно в цель. «И это настоящая причина его враждебности», – подумала она.

– Вам известно что-нибудь об охоте, сеньорита Грис? – спросил он.

Алисия помедлила с ответом, посмотрев на своего наставника в поисках подсказки.

– Алисия преимущественно городское создание, – вмешался Леандро.

– На охоте человек многому может научиться, – предложил директор. – Я имел честь несколько раз охотиться вместе с его превосходительством генералиссимусом. Он объяснил мне основное правило, заключающееся в том, что охотник обязан полагаться только на себя.

Алисия заинтересованно кивала, будто он рассказывал нечто невероятно увлекательное. Тем временем Леандро намазал джемом ломтик поджаренного хлеба и протянул ей. Она взяла его не глядя. Директор, словно оседлав любимого конька, говорил:

– Охотник должен понимать, что в решающий момент добыча и охотник находятся в одинаковых условиях. Настоящая охота – дуэль равных. Невозможно предугадать, какая роль кому уготована в итоге, пока не пролилась кровь.

Он замолчал и выдержал театральную паузу, давая понять, что все сказанное требует глубокого осмысления. Алисия придала лицу почтительное выражение.

– Это тоже относится к основным принципам генералиссимуса?

Леандро предостерегающе наступил ей на ногу под столом.

– Скажу откровенно, девушка, вы мне не нравитесь. Мне не нравится все, что я о вас слышал. Ваш тон и тот факт, что вы вообразили, будто можете заставить меня ждать вас полдня, словно ваше время дороже моего. Мне не нравится, как вы смотрите, и особенно ваша ироническая манера разговаривать с теми, кто выше вас по статусу. Больше всего на свете меня возмущают люди, которые забывают свое место. А еще больше – необходимость им об этом напоминать.

Алисия смиренно потупилась. В одно мгновение температура в зале, казалось, понизилась на десять градусов.

– Простите меня, сеньор директор, если...

– Не перебивайте. Я веду с вами беседу лишь потому, что питаю глубокое доверие к вашему начальнику, который по непостижимой для меня причине решил поручить это дело вам. Я вынужден примириться с его выбором, но не обольщайтесь – с этой минуты вы отчитываетесь передо мной, а я не обладаю ни терпением, ни великодушием присутствующего здесь сеньора Монтальво.

Хиль де Партера смотрел на Алисию в упор. У него были черные глаза, роговицу покрывала сеточка красных капилляров, готовых взорваться от избытка крови. Она представила, как он в шляпе с пером и в ботфортах лобызает королевскую задницу главы государства на охоте, где отцы отечества избивают дичь, которую эскадрон егерей загоняет им под выстрелы. После, пропахшие порохом и вымазанные кровью домашней птицы, чувствуют себя настоящими самцами и непобедимыми завоевателями, к вящей славе Господа и отчизны.

– Уверен, Алисия не хотела вас обидеть, друг мой, – произнес Леандро, наверняка наслаждавшийся драматургией сцены.

Алисия подтвердила слова шефа, кивнув с покаянным видом.

– Необходимо подчеркнуть, что сведения, которыми я намерен поделиться, сугубо конфиденциальны, и во всех отношениях было бы лучше, если бы наш разговор вообще не состоялся. Есть возражения по этому или другим пунктам, Грис?

– Никаких, сеньор директор.

– Хорошо, тогда сделайте одолжение, съешьте быстро свой гренок, и перейдем к сути дела.

5

– Что вы знаете о доне Маурисио Вальсе?

– Речь о министре?

Алисии понадобилось несколько мгновений, чтобы оценить и обобщить массу фактов и образов, всплывших в памяти, в связи с долгой карьерой Маурисио Вальса. Его деятельность получила широкое освещение в прессе. Вид он имел надменный и чванливый, снимался на фотографиях с наилучшего ракурса и в рафинированном окружении, охотно принимал почести и изрекал истины, купаясь в аплодисментах и обожании придворной клаки. Канонизированный при жизни, возведенный в ранг небожителей благодаря собственным усилиям и поддержке самопровозглашенных интеллектуалов страны, Маурисио Вальс являлся воплощением на грешной земле идеального образа испанского просветителя, рыцаря искусств и философской мысли. Его безмерно прославляли и осыпали наградами. Министру Вальсу, назначенному – без тени иронии – символом культурной и политической элиты страны, потакала пресса и весь официоз страны. На выступлениях, проходивших на самых прославленных подмостках Мадрида, всегда присутствовали избранные, лучшие из лучших. Его дидактические статьи в прессе, посвященные актуальным проблемам, воспринимались как догматы веры. Газетчики, евщие у него с рук, заходились в восторге. Нечастые литературные концерты, включавшие стихи и монологи из его знаменитых театральных постановок, разыгранные дуэтом с великими актерами национальной сцены, собирали аншлаги. Литературные произведения признавались шедеврами, а имя было причислено к сонму величайших мастеров. Маурисио Вальс, светоч разума Кельтиберии, осчастлививший мир своим появлением.

– Нам известно, что печатали газеты, – подал реплику Леандро. – Что, откровенно говоря, с учетом места и времени, существенно меньше обычного.

– Скорее ничего, – поддержал его Хиль де Партера. – Наверное, вы обратили внимание, сеньорита, что с ноября 1956 года, то есть более трех лет, Маурисио Вальс, министр Национального образования – или культуры, как он сам предпочитал говорить, – и, если позволите, любимчик испанской прессы практически исчез из поля зрения публики и не появлялся ни на одном официальном мероприятии.

– Теперь, когда вы указали на данный факт, сеньор директор...

Леандро повернулся к Алисии и, переглянувшись с Хилем де Партера, повел речь изда-
лека:

– Очевидно, не случайно и не по собственной воле сеньор министр обделил нас, лишив возможности наслаждаться его тонким умом и обширнейшей эрудицией.

– Вижу, у вас был случай перемолвиться с ним, Леандро, – заметил Хиль де Партера.

– Имел такую честь довольно давно, хотя и весьма коротко, когда я жил в Барселоне. Великий человек, кому лучше всех удалось личным примером доказать важность и высокое предназначение интеллектуальной части общества.

– Не сомневаюсь, что министр полностью согласился бы с вами.

Леандро учтиво улыбнулся и, прежде чем продолжить, снова сосредоточил взгляд на Алисии.

– К сожалению, дело, ради которого мы сегодня собрались, не имеет отношения к выдающимся способностям нашего уважаемого министра и его на зависть здоровому эго. С разрешения его превосходительства, здесь присутствующего, я нахожу уместным пояснить, о чем в дальнейшем пойдет речь. Дело в том, что причиной, заставившей дону Маурисио Вальса сторониться общественной сферы в последние годы, стало предположение, будто существует, причем уже давно, заговор с целью лишить министра жизни.

Алисия вскинула брови и переглянулась с Леандро.

– В поддержку следствию, открытому Генеральным корпусом полиции, а также по просьбе друзей из кабинета министров наше подразделение выделило сотрудника для помощи в расследовании. Хотя официально мы не участвуем в дознании и, по большому счету, подробности нам неизвестны, – добавил Леандро.

Алисия прикусила губу. В глазах шефа она ясно прочитала, что очередь вопросов пока не наступила.

– Наш оперативник по причинам нам пока непонятным прервал связь и пропал в неизвестном направлении недели две назад, – продолжил Леандро. – Я говорю это для того, чтобы описать предысторию проблемы, в решении которой его превосходительство любезно попросил нас посодействовать.

Леандро взглянул на ветерана полиции и жестом передал ему слово. Хиль де Партера, помрачнев, откашлялся:

– То, что я расскажу, сугубо конфиденциальная информация, она не должна выйти за пределы этих стен.

Алисия и Леандро кивнули.

– Ваш шеф уже упоминал, что 2 ноября 1956 года министр Вальс во время торжественной церемонии в его честь в Обществе изящных искусств в Мадриде стал объектом неудавшегося покушения, судя по всему, далеко не первого. Происшествие не попало в прессу, поскольку огласке воспротивились как в правительстве, так и лично Вальс, не желавший беспокоить семью и коллег. Тогда же было начато расследование, оно продолжается до сих пор. Несмотря на усилия Генерального корпуса полиции и специального подразделения гражданской гвардии, так и не удалось выяснить обстоятельства, сопутствовавшие как этому последнему покушению, так и предшествующим, которые могли иметь место ранее, до привлечения полиции. Естественно, с той поры была усилена охрана министра и приняты меры безопасности, а также отменили все его публичные выступления до издания нового приказа.

– Что обнаружило следствие за это время? – спросила Алисия.

– Расследование сосредоточилось на анонимках. Они начали поступать дону Маурисио давно, однако до поры до времени он не придавал им большого значения. Вскоре после провалившегося покушения министр известил полицию о существовании писем угрожающего содержания, которые он получал несколько лет. Следствие сразу установило, что письма, вероятно, посылал некий Себастьян Сальгадо, вор и убийца, отбывавший наказание в тюрьме Монтжуик в Барселоне. Освободился он примерно два года назад. Как вам известно, министр Вальс был комендантом этого исправительного учреждения, когда только начал служить государству. А точнее, с 1939 по 1944 год.

– Почему министр раньше не сообщил в полицию об анонимках? – поинтересовалась Алисия.

– Как я уже сказал, министр уверял, что не придавал им особого значения. Правда, признал, что ему, наверное, следовало бы это сделать. По его словам, содержание писем было настолько странным, что он толком не понял их смысла.

– В чем конкретно выражались так называемые угрозы?

– В весьма туманных выражениях. В письмах автор заявлял, что «правду» не утаить, и близится «час возмездия» для «детей смерти». И сообщалось, что «он» – как мы поняли, автор – ждет «у входа в лабиринт».

– Лабиринт?

– Повторю: послания весьма загадочны. Вероятно, они намекают на некие обстоятельства, известные только Вальсу и тому, кто их писал. Хотя министр тоже не сумел дать им приемлемого истолкования. Может, их сочинял безумец. Данную версию тоже нельзя исключить.

– Себастьян Сальгадо уже сидел за решеткой, когда Вальс стал комендантом крепости?

– Да. Мы изучили досье Сальгадо. Он поступил в тюрьму в 1939 году, вскоре после назначения дона Маурисио Вальса комендантом. Из показаний министра следует, что он смутно помнил этого заключенного как склочного типа, что подкрепляло нашу версию: наверное, Сальгадо посылал письма.

– Когда он вышел на свободу?

– Два года назад. Очевидно, что по времени данный факт не соотносится ни с датой покушения на убийство в Обществе изящных искусств, ни с более ранними попытками. Или Сальгадо имел сообщника на свободе, или же кто-то использовал его как наживку, чтобы запутать следы. Последняя версия представляется более правдоподобной, получив подтверждение в ходе следствия. Как видно из материалов досье, которое я вам передам позднее, все письма посылались министру из почтового отделения в Пуэбло-Секо в Барселоне, куда обычно привозят корреспонденцию арестантов из тюрьмы Монтжуик.

– Как определить, какие письма, отправленные из этого отделения, попали туда из тюрьмы, а какие нет? – спросила Алисия.

– У писем, доставленных из крепости, на конверте имеется штамп. Его ставят в порядке регистрации в тюремной канцелярии, прежде чем сложить почту в мешок.

– Разве корреспонденцию заключенных не проверяют? – удивилась она.

– Теоретически – да. Но на практике, как нам подтвердили сами служащие, проверка осуществляется выборочно. В любом случае, никто не вспомнил писем с угрозами в адрес министра. Однако, учитывая туманный, невразумительный слог, использованный автором, вероятно, тюремные цензоры просто не увидели в них ничего особенного.

– Допустим, на свободе у Сальгадо находились один или несколько сообщников. Могло ли случиться так, что они передавали ему письма, чтобы он отправлял их из тюрьмы?

– Да. Сальгадо имел право принимать одного посетителя в месяц. Однако подобная схема абсолютно лишена смысла. Намного проще было посылать письма обычной почтой, не подвергаясь риску, что тюремные цензоры вдруг обратят на них внимание, – объяснил Хиль де Партера.

– Если только не ставилась цель создать впечатление, будто письма писали из тюрьмы, – возразила Алисия.

Хиль де Партера кивнул.

– Кое-что мне непонятно, – проговорила Алисия. – Поскольку Сальгадо просидел так долго в тюрьме и вышел всего пару лет назад, можно сделать вывод, что он был осужден на максимальный срок в тридцать лет. Как он очутился на свободе?

– Никто этого не понимает. По приговору Себастьяну Сальгадо полагалось отбывать по меньшей мере еще десять лет срока, но неожиданно он получил экстраординарное помилование, подписанное главой государства, который смягчил наказание. Более того. Процедура помилования осуществлялась по представлению и при активном содействии министра Вальса.

От изумления Алисия фыркнула. Хиль де Партера посмотрел на нее с осуждением.

– Для чего это понадобилось Вальсу? – спросил Леандро, поспешив ей на выручку.

– Вопреки нашему совету и ссылаясь на то, что расследование не принесло ожидаемых плодов, министр рассудил, что освобождение Сальгадо поспособствует установлению личности и местонахождения лица или нескольких лиц, виновных в составлении писем с угрозами и, вероятно, покушавшихся на его жизнь.

– Ваше превосходительство излагает версию, целиком построенную на предположениях... – заметила Алисия.

– В этой истории не ясно все, – отрезал Хиль де Партера. – Что вовсе не означает, что мы подвергаем или можем подвергнуть сомнению слова обсуждаемого министра.

– Разумеется. Возвращаясь к освобождению Сальгадо. Оно дало результат, на который рассчитывал министр? – поинтересовалась Алисия.

– Нет. Мы следили за ним круглосуточно с тех пор, как он покинул тюрьму. Сначала снял комнату в дешевом пансионе в Китайском квартале, заплатив за месяц вперед. Не считая гостиницы, Сальгадо бывал только в одном месте. Ежедневно отправлялся на Северный автовокзал, и там часами любовался или следил за ячейками камеры хранения в вестибюле. Впрочем, еще он заглядывал в старую букинистическую лавчонку на улице Санта-Ана.

– «Семпере и сыновья», – пробормотала Алисия.

– Точно. Вы ее знаете?

Она кивнула.

– Наш дружок Сальгадо не похож на библиофила, не тот типаж, – заметил Леандро. – Известно, что он искал в камере хранения на вокзале?

– Мы подозревали, что Сальгадо спрятал там какую-то добычу, ценности, награбленные до того, как его схватили в 1939 году.

– Подозрение подтвердилось?

– Через две недели после освобождения он снова нанес визит в букинистический магазин «Семпере и сыновья», а затем отправился на Северный автовокзал, как делал каждый день. Однако в тот раз не стал сидеть в вестибюле, разглядывая ячейки, а подошел к одной из них и вставил ключ в замок. Из камеры Сальгадо достал чемодан и открыл его.

– Что в нем находилось? – спросила Алисия.

– Ничего, – изрек Хиль де Партера. – Его трофеи, или что там было раньше, исчезли. Барселонская полиция намеревалась арестовать Сальгадо у выхода из вокзала, но не успела. Он упал замертво под дождем. Агенты, которые вели за ним наблюдение, увидели, что, едва он покинул книжную лавку, двое служащих отправились за ним по пятам. Как только Сальгадо упал, один из них опустился около него на колени, а потом быстро ушел. Когда полицейские добрались до Сальгадо, тот уже был мертв. Впору вспомнить о божественном правосудии, ограбленный вор и все такое, однако на вскрытии обнаружились следы укола на спине и одежде, а также стрихнин в крови.

– Вероятно, его убили продавцы из книжной лавки? Сообщники избавились от живца, поскольку он уже не мог принести им пользы, или же они почуяли опасность, заметив слежку полиции.

– Одна из версий была именно такой, но она развалилась. По сути, убить его мог любой, кто находился на вокзале, причем незаметно. Он даже ничего не почувствовал. Полиция внимательно следила за книготорговцами и утверждает, что они не вступали в контакт с Сальгадо и не приближались к нему до того момента, когда он упал уже мертвый.

– Они могли ввести ему яд в магазине, перед тем как Сальгадо поехал на вокзал? – спросил Леандро.

На сей раз на вопрос ответила Алисия:

– Нет. Стрихнин действует очень быстро, особенно на человека преклонных лет в неважном физическом состоянии после двадцати лет, проведенных в тюремной камере. После укола смерть должна была наступить через одну-две минуты.

Хиль де Партера посмотрел на нее, скрывая одобрение.

– Верно, – подтвердил он. – Похоже, в тот день на вокзале находился кто-то еще, на кого агенты не обратили внимания. И он воспользовался удобным случаем избавиться от Сальгадо.

– Что известно о продавцах из книжной лавки?

– Один из них – некий Даниэль Семпере, сын владельца. Второй – Фермин Ромеро де Торрес. Его записи в регистре в полном беспорядке, есть признаки подделки документов. Возможно, чтобы получить фальшивое удостоверение личности.

– Какое отношение эти двое имели к делу и чем они занимались на вокзале?

– Это не удалось установить.

– Разве их не допросили?

Хиль де Партера покачал головой:

– Снова согласно указаниям министра Вальса. Против наших правил.

– А следы сообщника или сообщников Сальгадо?

– Глухой номер.

– Наверное, теперь министр изменит точку зрения и даст разрешение...

Хиль де Партера вспомнил старые привычки, ощерившись волчьей улыбкой матерого полицейского.

– Вот теперь мы приблизились к самому главному. Ровно девять дней назад, на рассвете, после бала-маскарада, состоявшегося в резиденции в Сомосагуас, дон Маурисио Вальс покинул домашний очаг, уехав в автомобиле с начальником личной охраны Висенте Кармоной.

– Уехал? – удивилась Алисия.

– С тех пор его никто не видел и не получал от него весточек. Он бесследно исчез.

В столовой надолго воцарилась тишина. Алисия попыталась поймать взгляд Леандро.

– Мои подчиненные работали днем и ночью, но до сих пор у нас нет ни одной зацепки. Ситуация такова, что Маурисио Вальс словно испарился, как только сел в автомобиль...

– Оставил ли министр перед уходом из дома записку или иное указание, куда он мог направиться?

– Нет. Мы рассматриваем версию, что министр выяснил наконец, кто посылал ему угрозы, и по причине, которую мы не в состоянии понять, решил самостоятельно разобраться с ним с помощью преданных телохранителей.

– И, очевидно, угодить в ловушку, – добавил Леандро. – «У входа в лабиринт».

Хиль де Партера пожал плечами.

– На чем основана уверенность, что министр не знал с самого начала, кто посылал ему письма и почему? – спросила Алисия.

Леандро и Хиль де Партера посмотрели на нее с осуждением.

– Министр – жертва, а не подозреваемый, – жестко проговорил шеф полиции. – Не перепутайте.

– Чем мы можем помочь, друг мой? – произнес Леандро.

Хиль де Партера глубоко вздохнул и помолчал немного, прежде чем ответить:

– Мой департамент ограничен в возможностях. Нас не посвящали в подробности данной ситуации, пока не стало слишком поздно. Признаю, мы не застрахованы от ошибок, но делаем все, чтобы решить проблему, пока об этой истории не узнали многие. Кое-кто из моих начальников считает, что ваше подразделение, учитывая характер этого дела, сумеет добавить несколько фрагментов мозаики в общую картину, что поможет нам завершить расследование в кратчайшие сроки.

– Вы тоже в это верите?

– Если хотите откровенности, Леандро, я уже даже не знаю, кому верить и во что верить. Но понимаю, что если мы не найдем министра Вальса живым и здоровым, Альтеа откроет ящик Пандоры и поручит расследование своему старинному приятелю Эндайа. А мы с вами предпочли бы этого избежать, не так ли?

Алисия адресовала Леандро вопросительный взгляд, в ответ он едва заметно покачал головой. Хиль де Партера с горечью усмехнулся. Его глаза были налиты кровью – или черным кофе, – и выглядел он как человек, неделю спавший по ночам не более двух часов.

– Я поделился с вами тем, что знаю. Но я представления не имею, всю ли правду мне рассказали. Нет, конечно. Девять дней мы тыкаемся вслепую, и каждый истекший час – потерянное время.

– Вы полагаете, что министр еще жив? – спросила Алисия.

Хиль де Партера опустил голову и долго обдумывал ответ.

– Я обязан верить, что он жив, и мы найдем его невредимым раньше, чем история станет общим достоянием, или у нас отберут дело.

– Можете на нас положиться, – заверил Леандро. – Твердо обещаю, что мы сделаем все, чтобы помочь вам с расследованием.

Хиль де Партера кивнул, смерив взглядом Алисию:

– Вы будете работать с Варгасом, моим сотрудником.

Она растерялась, умоляюще посмотрела на Леандро в надежде на заступничество, но шеф предпочел уткнуться в чашку с кофе.

– При всем уважении, сеньор, я всегда работаю одна.

– Вы будете работать с Варгасом. Этот пункт повестки не подлежит обсуждению.

– Разумеется, – подтвердил Леандро, уклоняясь от яростных взглядов Алисии. – Когда нам приступать?

– Вчера.

По знаку директора один из его охранников подошел к столику и подал ему толстый конверт. Хиль де Партера положил конверт на столешницу и поднялся, не скрывая желания поскорее очутиться за стенами этого зала.

– Все подробности найдете в досье. Держите меня в курсе.

Директор пожал руку Леандро и, не удостоив Алисию даже поворотом головы на прощание, удалился, печатая шаг.

Они смотрели ему вслед, пока он вместе с эскортом пересекал огромный обеденный зал, и вернулись к столу. Несколько минут молчали. Алисия глядела в пространство. Леандро разрезал круассан, педантично намазал его маслом и земляничным джемом и неторопливо продегустировал, прикрыв глаза.

– Спасибо за поддержку, – буркнула Алисия.

– Насколько я понимаю, Варгас – человек одаренный. Тебе понравится. Чему-нибудь и научишься.

– Как мне повезло. Кто он такой?

– Ветеран Корпуса национальной полиции. Всегда считался одним из лучших, волкодав. Какое-то время находился не у дел, вроде бы из-за разногласий с Генеральным директоратом. По слухам, между ними кошка пробежала.

– Меня так мало ценят, что я даже не заслуживаю няньки повыше рангом?

– С рангом у него все в порядке, не сомневайся. Неприятность в том, что его преданность и вера в идеалы «Национального движения» не раз подвергались сомнению.

– Надеюсь, от меня не ждут, что я его перевоспитаю?

– От нас ждут только одного, а именно, что мы выполним работу без шума и на совесть.

– Замечательно.

– Могло быть хуже.

– «Хуже» означает приглашение «старого друга», некоего Эндайя?

– Среди прочего.

– Кто такой Эндайя?

– Лучше, если у тебя не возникнет повода для знакомства.

Разговор прервался. Леандро воспользовался паузой, чтобы налить себе еще кофе. У него была дурацкая привычка цедить кофе маленькими глоточками, поднимая блюдце с чашкой к самому подбородку. В такие скверные дни, как этот, почти все его привычки, которые Алисия знала, казались ей отвратительными. Леандро прочитал по глазам ее мысли и улыбнулся по-отечески добродушно.

– Взглядом можно и убить, – заметил он.

– Почему вы не сказали директору, что я ушла в отставку две недели назад и больше не состою на службе?

Леандро поставил чашку на стол и вытер губы салфеткой:

– Не хотел тебя смущать, Алисия. Позволь напомнить, что у нас не клуб настольных игр и нельзя поступить на службу или расстаться с ней, просто подав рапорт. Мы уже много раз обсуждали эту тему, и, говоря откровенно, меня огорчает твое отношение. Поскольку я знаю тебя лучше, чем ты сама, а также из глубокого уважения, я дал тебе пару недель отпуска, чтобы ты отдохнула и подумала о своем будущем. Понимаю, как ты устала. И я, кстати, тоже.

Догадываюсь, что иногда тебе не по вкусу то, чем мы занимаемся. Как и мне. Но это наша работа и долг. Ты все знала, когда поступала к нам.

– Мне было семнадцать лет, когда я пришла. И не от большого желания.

Леандро улыбнулся, как гордый наставник, глядя на своего лучшего ученика.

– У тебя зрелая душа. Тебе никогда не было семнадцати лет.

– Мы остановились на том, что я решила уйти. У нас был договор. Две недели ничего не меняют.

Улыбка Леандро остыла, как и его кофе.

– В последний раз окажи мне любезность, а потом поступай как хочешь.

– Нет.

– Мне нужно твое участие в данном расследовании, Алисия!

– Поручите дело Ломане. Уверена, он мечтает выслужиться.

– Ты опоздала с советом. Я никогда толком не понимал, почему вы не ладите с Рикардо.

– Не сошлись характером.

– Суть в том, что Рикардо Ломана – именно тот оперативник, которого я одолжил коллегам из полиции несколько недель назад, и мне его до сих пор не вернули. Утверждают, будто он пропал.

– Не повезло. Во что он вляпался?

– Факт исчезновения подразумевает, что Ломана не смог дать подробных объяснений.

– Ломана не из тех, кто пропадает. Должна быть серьезная причина, почему он не подает признаков жизни. Он что-то нашел.

– Я тоже так думаю, но пока мы не получили от него никаких известий, можно лишь предполагать. А нам платят не за это.

– За что же нам платят?

– За решение проблем. И последняя проблема весьма серьезна.

– А я не могу тоже исчезнуть?

Леандро покачал головой, смерил Алисию долгим взглядом, напустив на себя горестный вид:

– За что ты меня ненавидишь? Разве я не был тебе вместо отца? Не был тебе другом?

Она смотрела на своего наставника широко открытыми глазами. Целых две недели Алисия пыталась отделаться от мыслей о нем, стереть его из памяти, но теперь, встретившись с ним снова, осознала важную для себя вещь. Сидя в большом зале под изумительным куполом «Паласа», она вновь на время превратилась в несчастную девочку, почти не имевшую шансов дожить до двадцати лет, если бы Леандро не вытащил ее из ямы.

– Я не питаю к вам ненависти.

– Возможно, ты ненавидишь себя, и то, чем занимаешься, и тех, кому служишь, и весь мусор, который нас окружает и разлагает изнутри, исподволь, каждый день понемногу. Я хорошо тебя понимаю, поскольку сам через это прошел.

Леандро тепло улыбнулся, как человек все понимающий и прощающий. Он положил ладонь на руку Алисии, крепко сжав ее.

– Помоги мне решить последнюю проблему, и обещаю, что потом ты сможешь уйти. Исчезнуть навеки.

– Так просто?

– Да. Даю слово.

– В чем подвох?

– Никаких подвохов.

– Подвох есть всегда.

– Не на сей раз. Я не могу постоянно удерживать тебя, если ты не хочешь быть рядом. Как бы меня ни печалило расставание.

Леандро протянул ей руку:

– Друзья?

Поколебавшись, Алисия протянула свою, он поднес ее кисть к губам и поцеловал.

– Мне будет тебя не хватать, когда все закончится, – с сожалением произнес Леандро. – А тебе меня, хотя в настоящий момент ты считаешь иначе. Мы с тобой составляем отличную команду.

– Бог создал, а черт свел.

– Ты решила, что будешь делать дальше?

– Когда?

– Когда освободишься. Исчезнешь, как ты выражаешься.

Алисия пожала плечами:

– Я пока не придумала.

– Мне казалось, я научил тебя врать лучше.

– Возможно, больше я для этого не гожусь.

– Тебе всегда нравилось сочинять, – напомнил Леандро. – Новая Лафорет²⁰?

Алисия сделала равнодушное лицо. Ее собеседник усмехнулся:

– Напишешь о нас?

– Нет.

Леандро посмотрел на нее с одобрением:

– Как ты догадываешься, это было бы негодной затеей. Мы работаем в тени. Как невидимки. Что является частью услуг, какие мы предлагаем.

– Разумеется, я это знаю. Нет необходимости напоминать.

– Жаль, поскольку тебе есть о чем рассказать, правда?

– Увидеть мир, – негромко сказала Алисия.

– Что?

– Больше всего мне хочется путешествовать и посмотреть мир. Найти свое место. Если оно существует.

– Одна?

– Разве мне кто-то нужен?

– Наверное, нет. Для людей вроде нас одиночество может стать лучшей компанией.

– Меня оно вполне устраивает.

– Когда-нибудь ты полюбишь.

– Какое красивое название для самообмана!

– Пожалуй, тебе пора идти. Полагаю, Варгас уже ждет тебя внизу.

– Это ошибка.

– Навязанная опека тревожит меня больше, чем тебя, Алисия. Ясно, что нам не доверяют. Ни тебе, ни мне. Веди себя корректно и ничего не бойся. Ради меня.

– Я всегда так и делаю. И никого не боюсь.

– Ты понимаешь, о чем я. И кроме того, мы не соперничаем с полицией. Не будем даже пытаться. У них свое следствие, методы и делопроизводство.

– Чем мне тогда заниматься? Улыбаться и перебирать камешки?

– Я хочу, чтобы ты делала то, что умеешь. Замечала детали, на которые полиция и не подумает обратить внимание. Чтобы следовала своей интуиции, а не процедуре. Чтобы выполняла то, что не сделает полиция, поскольку это лишь полиция, а не моя Алисия Грис.

– Это комплимент?

– Да, а также приказ.

²⁰ Лафорет Кармен (1921–2004) – испанская писательница.

Алисия взяла со стола конверт с досье и встала. Леандро заметил, что поднимаясь, она тронула рукой бедро и стиснула зубы, преодолевая боль.

– Сколько ты принимаешь? – спросил он.

– Нисколько за последние две недели. Пару таблеток время от времени.

Леандро вздохнул:

– Мы ведь уже говорили. Ты не можешь обходиться без этого.

– Однако обхожусь.

Он тихо выругался.

– Я распоряжусь, чтобы тебе в гостиницу доставили сегодня четыреста граммов.

– Не нужно.

Алисия повернулась и пошла прочь от столика. Она не хромала, кусая губы и глотая боль и слезы ярости.

6

Проливной дождь прекратился, когда Алисия вышла из «Паласа», и от мостовых волной поднималась туманная дымка. Широкие снопы солнечного света, пробиваясь сквозь пелену бегущих облаков, расчерчивали центральные улицы Мадрида не хуже мощных прожекторов, которые прочесывают тюремный двор. Тугой луч полоснул по площади Кортесов, задев кузов «форда», припаркованного в нескольких метрах от входа в отель. Рядом с машиной, опираясь на капот, стоял мужчина в черном пальто, с волосами, обильно посеребренными сединой. Он курил, незаметно наблюдая за прохожими. Алисия дала ему навскидку лет пятьдесят, хотя он выглядел моложавым и мускулистым, сохранив прекрасную физическую форму. Мужчина держался прямо и уверенно, как человек, прошедший военную службу и редко садившийся за письменный стол. Словно уловив ее интерес, он перевел взгляд на Алисию и улыбнулся, как заправский повеса.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, сеньорита?

– Моя фамилия Грис.

– Это вы – Грис?

– Алисия Грис. Из подразделения Леандро Монтальво. А вы, полагаю, Варгас?

Мужчина сдержанно кивнул:

– Мне не сказали...

– Неожиданный сюрприз! Вам необходимо время, чтобы опомниться?

Полицейский глубоко затянулся и подверг молодую женщину придирчивому осмотру сквозь завесу дыма, который он выпустил изо рта.

– Нет.

– Чудесно. С чего начнем?

– Нас ждут на вилле в Самосагуас. Если у вас нет возражений.

Варгас выбросил окурочку на обочину и обошел машину. Алисия устроилась на пассажирском сиденье. Он уселся за руль, уставившись прямо перед собой и положив автомобильные ключи на колени.

– Я много слышал о вас, – наконец произнес Варгас. – Но не подозревал, что вы столь... молоды.

Алисия холодно посмотрела на него.

– Это ведь не создаст проблем, не так ли? – спросил полицейский.

– Проблем?

– Между вами и мной, – уточнил Варгас.

– С какой стати?

Он поглядел на нее, скорее заинтересованно, нежели недоверчиво. Алисия одарила его вкрадчивой кошачьей улыбкой, которая обычно выводила из себя Леандро. Варгас щелкнул языком и завел мотор, чертыхнувшись себе под нос.

– Хорошая машина, – заметила Алисия.

– Любезность начальства. Насколько я понимаю, это признак того, что наверху считают дело очень серьезным. Вы умеете водить?

– В этой стране я с большим трудом могу открыть собственный счет в банке без разрешения отца или мужа.

– Ясно.

В молчании они кружили по городу. Варгас искоса посматривал на нее, Алисия делала вид, будто не замечает этого. Методично и как бы эпизодически наблюдая за ней, полицейский сериями провел полный курс «рентгеновского осмотра», пользуясь остановками на светофорах и пешеходных переходах. Когда автомобиль застрял в пробке на Гран-Виа, Варгас достал изящный серебряный портсигар и, раскрыв его, протянул Алисии. Светлый импортный табак. Она отказалась. Варгас поднес сигарету к губам и прикурил ее от позолоченной зажигалки. Алисия готова была держать пари, что на ней стоит товарный знак «Дюпон». Варгасу явно нравились дорогие красивые вещи. Алисия заметила, что, прикуривая, полицейский взглянул на ее руки, сложенные на коленях. Вероятно, проверял, носит ли она обручальное кольцо. У самого Варгаса на пальце сверкало кольцо довольно крупных размеров.

– У вас есть семья? – спросил он.

Алисия покачала головой.

– А у вас?

– Я повенчан с Испанией, – ответил Варгас.

– Очень патриотично. А кольцо?

– Дело минувших дней.

– Вы не собираетесь спросить, чем занимается женщина вроде меня на службе у Леандро?

– Это меня касается?

– Нет.

– Значит, нет.

В салоне вновь повисло напряженное молчание. Тем временем они покинули забитый транспортом центр и направились в сторону парка Каса-де-Кампо. Варгас продолжал изучать свою спутницу. Его холодный взгляд отливал металлом, серая радужка блестела, как новенькие, недавно отчеканенные монеты. Алисии стало любопытно, к какой категории чиновников относился навязанный ей напарник до того, как впал в немилость: прислужников или обычных наемников? Первые заполонили все уровни власти и размножались, как гноеродные бактерии за ширмой знамен и ораторских выступлений. Вторые отмалчивались и лишь поддерживали работу государственного механизма. Алисия хотела бы знать, скольких людей он ликвидировал за время службы в Корпусе национальной полиции. Давно ли сбился со счета и как уживается с угрызениями совести. А может, с возрастом его замучило раскаяние, что и разрушило карьеру.

– О чем вы думаете? – поинтересовался Варгас.

– Задаюсь вопросом, нравится ли вам работа.

Он усмехнулся.

– Вы не собираетесь спросить, нравится ли мне моя? – уточнила Алисия.

– Меня это касается?

– Пожалуй, нет.

– Значит, нет.

Признав, что беседа не складывается, Алисия достала из конверта досье, которое ей выдал Хиль де Партера, и принялась листать материалы. На первый взгляд ничего примечательного в них не было. Рапорты агентов. Заявление личной секретарши министра. Несколько

страниц, посвященных попытке неудавшегося покушения на Вальса. Стандартные протоколы, оформленные инспекторами, заводившими дело, выдержки из послужного списка Висенте Кармоны, телохранителя Вальса. Или Хиль де Партера доверял им еще меньше, чем предполагал Леандро, или его лучшие оперативники всю прошлую неделю валялись дурака.

– Вы ожидали большего? – спросил Варгас, словно прочитав ее мысли.

Алисия задумчиво посмотрела на рошу Каса-де-Кампо.

– Я не ожидала найти так мало, – пробормотала она. – К кому мы едем?

– К Мариане Седо, личному секретарю Вальса. Дама занимала эту должность последние двадцать лет. Она первой подняла тревогу из-за пропажи министра.

– Очень долгий срок службы для простой секретарши, – заметила Алисия.

– Злые языки утверждают, что она не совсем простая секретарша.

– Любовница?

Варгас покачал головой:

– Мне кажется, интересы доньи Марианы лежат в иной области. Говорят, именно она рулит судом и без ее согласия в кабинете Вальса ничего не делается и не обсуждается.

– За спиной каждого злодея всегда стоит роковая женщина. Это тоже говорят.

Варгас улыбнулся:

– Ну, ничего такого я не слышал. Меня предупреждали, что вы склонны дерзить.

– О чем еще вас предупреждали?

Варгас повернулся и подмигнул ей.

– Кто такой Эндайя? – спросила Алисия.

– Родриго Эндайя?

– Наверное.

– Зачем вам знать?

– Знание лишним не бывает.

– Монтальво упоминал об Эндайя в связи с нашим делом?

– Его имя упоминалось во время разговора. Кто он?

Варгас тяжело вздохнул:

– Эндайя – мясник. Чем меньше вы о нем знаете, тем лучше.

– Вы с ним знакомы?

Варгас не ответил. За оставшуюся часть пути они не перемолвились ни словом.

7

Минут пятнадцать Алисия с Варгасом колесили по бульварам предместья, безупречно вылизанным большой армией садовников в форменной одежде. Наконец перед ними открылась широкая аллея, засаженная кипарисами, которая упиралась в украшенные пиками кованые ворота виллы «Мерседес». Небо налилось свинцом, и ветровое стекло автомобиля оросили мелкие капли дождя. Лакей, дожидавшийся у ворот поместья, поспешил открыть решетку, чтобы пропустить гостей. Сбоку, у въезда на территорию, находилась будка, где нес службу охранник, вооруженный винтовкой. Он ответил кивком на приветствие Варгаса.

– Вы тут уже бывали? – спросила Алисия.

– Пару раз, начиная с прошлого понедельника. Вам понравится.

Машина покатила по засыпанной тонким гравием дорожке, которая петляла среди деревьев, лужаек и водоемов. Алисия внимательно разглядывала сады, украшенные скульптурами, пруды и фонтаны. Увядавшие розарии осыпались на осеннем ветру. Среди кустарников и пожухших цветов чернели рельсы игрушечной железной дороги. В глубине парковой территории виднелись очертания миниатюрной копии вокзала. У перрона под моросящим дождем стоял паровоз с двумя вагончиками.

– Игрушка для дочери, – пояснил Варгас.

Вскоре впереди показался силуэт главного дома. Особняк был апофеозом излишества, похоже, специально спроектированный так, чтобы лишить гостя присутствия духа, заставив осознать свое ничтожество. Основной корпус с двух сторон обрамляли большие флигели, отстоявшие от него метров на сто каждый. Варгас притормозил у широких ступеней, поднимавшихся к центральному входу. У подножия лестницы машину дожидался дворецкий в униформе, державший наготове зонты. Он направил гостей к строению, находившемуся примерно в пятидесяти метрах от дома. Варгас выехал на дорожку, которая вела к гаражам, и Алисия получила возможность осмотреть главную резиденцию по периметру.

– Кто платит за все это? – поинтересовалась она.

Варгас пожал плечами:

– Полагаю, мы с вами. И, возможно, сеньора де Вальс, унаследовавшая состояние отца, сеньора Энрике Сармиенто.

– Банкира?

– Одного из банкиров крестового похода, если верить сообщениям газет, – уточнил Варгас.

Алисия вспомнила, что Леандро упоминал Сармиенто в числе банкиров, финансировавших националистов во время гражданской войны, на взаимовыгодных условиях ссужая им в основном деньги побежденных.

– Насколько я поняла, супруга министра болеет.

– Болеет, пожалуй, не то слово...

Охранник в гараже открыл перед ними ворота и махнул рукой, предлагая заезжать. Варгас опустил стекло, и охранник узнал его.

– Оставьте машину где хотите, шеф. И ключи в замке зажигания, пожалуйста...

Варгас кивнул, и автомобиль въехал в гараж, необъятных размеров помещение, стены которого терялись во мгле. Его фундаментальные перекрытия опирались на кованые металлические колонны. Сверкая хромом, тянулась в бесконечность шеренга роскошных автомобилей класса «люкс». Варгас нашел свободное место между «испано-сюизой» и «кадиллаком». К месту выбранной стоянки подошел механик гаража и жестом выразил Варгасу свое одобрение.

– Хорошая тачка у вас нынче, шеф, – похвалил он, когда пассажиры вышли из салона.

– Поскольку я сегодня вез сеньориту, начальство разрешило мне взять «форд», – произнес Варгас.

Механик выглядел как гомункулус с чертами мелкого грызуна. Он тонул в недрах синей спецовки и, казалось, держался на ногах только благодаря куче грязных тряпок, заткнутых за пояс, а также равномерному слою машинного масла, защищавшего его кожу от внешнего воздействия природных стихий. Подвергнув Алисию тщательному техосмотру, мастер изобразил поклон и, подумав, что она отвернулась, по-свойски подмигнул Варгасу.

– Отличный малый этот Луис, – сообщил Варгас. – По-моему, он живет здесь же, в гараже, в сарае за мастерской.

По пути к выходу они прошли мимо коллекции раритетных экспонатов на колесах из музейной коллекции Вальса, а Луис принялся наводить глянец на «форд» тряпкой, предварительно поплевав на нее. При этом он ни на мгновение не упускал из виду Алисию, восхищаясь плавным движением ее бедер и формой лодыжек.

Дворецкий встретил гостей у ворот, и Варгас галантно уступил Алисии место под зонтиком, раскрытым над ними слугой.

– Надеюсь, вы благополучно доехали из Мадрида, – церемонно промолвил дворецкий. – Донья Мариана примет вас.

В улыбке дворецкого сквозило легкое высокомерие, свойственное профессиональной прислуге. С годами домашние слуги постепенно проникаются уверенностью, будто на службе

у родовитых хозяев их собственная кровь тоже приобретает голубой оттенок, что ставит их в привилегированное положение и дает право смотреть на ближних свысока. Алисия заметила, что всю дорогу от гаража к дому дворецкий незаметно поглядывал на нее, пытаясь определить по одежде и манере держаться, какую ступеньку она занимает в чиновничьей иерархии.

– Сеньорита – ваша секретарша? – спросил дворецкий, не сводя глаз с Алисии.

– Моя начальница, – отозвался Варгас.

Спесь слуги сдулась, и оставшуюся часть пути он шагал, не размыкая губ и не поднимая головы от мысков начищенных ботинок. Парадная дверь вела в просторный холл с мраморным полом. Оттуда в разные стороны расходились лестницы, коридоры и галереи. Дворецкий проводил Алисию и Варгаса в библиотеку. Ожидавшая их дама средних лет стояла спиной к двери и смотрела в сад, поникший под осенним дождем. Услышав, что гости вошли, дама повернулась, одарив их холодной улыбкой. Дворецкий закрыл дверь и отправился в одиночестве переживать свою оплошность.

– Я Мариана Седо, личный секретарь дона Маурисио.

– Варгас из Центрального управления и моя коллега сеньорита Грис.

Мариана подвергла Алисию придирчивому осмотру. Начав с лица, она мазнула взглядом по губам, отметив цвет помады, перешла к покрою одежды и закончила туфлями, удостоив их снисходительной и полупрезрительной улыбки, которую быстро скрыла под маской собранности и беспокойства. Мариана предложила гостям сесть, они расположились на кожаном диване, сама же она выбрала стул, подвинув его к столику, где был приготовлен поднос с горячим чайником и тремя чашками. Хозяйка принялась разливать чай. Алисия оценила фальшивую улыбку, за которой донья Мариана прятала свои истинные чувства, и подумала, что бессменная надзирательница Вальса производила отталкивающее впечатление: на шкале эволюции она занимала место между сводней и ненасытной самкой богомола.

– Чем я могу помочь? В последние дни я столько раз отвечала на вопросы ваших коллег, что, по-моему, рассказала уже все, что знала.

– Мы признательны вам за терпение, донья Мариана, и понимаем, насколько трудно сейчас членам семьи и вам, – произнесла Алисия.

Собеседница кивнула с кротким видом и улыбкой, не нарушая образа идеально вышколенной служащей. Выдавали ее глаза, в них сквозило раздражение из-за того, что она вынуждена вести беседу с обычными полицейскими. Дополнительно ее пренебрежение выражалось в том, что она предпочитала смотреть на Варгаса, лишь изредка поглядывая в сторону Алисии. И Алисия решила предоставить инициативу напарнику, от которого также не ускользнул этот нюанс.

– Донья Мариана, из свидетельских показаний и вашего заявления в полицию следует, что вас первую насторожило отсутствие дона Маурисио Вальса...

– В день бала дон Маурисио дал выходной некоторым работникам из числа постоянного персонала. Я воспользовалась отпуском, чтобы навестить в Мадриде свою приемную дочь и провести с ней время. На следующий день, хотя дон Маурисио не предупреждал накануне, что мои услуги понадобятся, я вернулась рано утром, примерно около восьми часов, и стала разбирать почту и составлять рабочий график дона Маурисио, как делаю всегда. В девять я поднялась в кабинет и увидела, что министра там нет. Вскоре горничная рассказала, что Мерседес, его дочь, утверждает, будто дон Маурисио на рассвете уехал на машине с сеньором Висенте Кармоной, начальником личной охраны. Меня это удивило, поскольку, просматривая повестку дня, я заметила, что дон Маурисио собственноручно добавил к списку дел неофициальную встречу с коммерческим директором «Ариадны» Пабло Каскосом, назначив ее на десять утра здесь.

– «Ариадна»? – переспросил Варгас.

– Так называется издательство, принадлежащее дону Маурисио, – пояснила секретарша.

– Эта подробность отсутствует в вашем заявлении в полицию, – заметила Алисия.

– Простите?

– Встреча, которую дон Маурисио лично запланировал на то утро. Вы о ней не упомянули в полиции. Можно узнать, почему?

Донья Мариана натянуто улыбнулась, давая понять, что считает вопрос несерьезным.

– Поскольку встреча не состоялась, мне она не показалась существенным фактом. А я должна была сообщить о ней?

– Главное, что вы сделали это теперь, – миролюбиво произнес Варгас. – Невозможно держать в голове все подробности, вот поэтому мы злоупотребляем вашей любезностью и задаем так много вопросов. Продолжайте, пожалуйста, донья Мариана.

Секретарша Вальса приняла извинение, глядя исключительно на Варгаса и игнорируя Алисию.

– Я уже говорила, мне показалось странным, что министр уехал, не поставив меня в известность. Я опросила прислугу, и мне сказали, что сеньор министр не ночевал в своей спальне, а провел бессонную ночь в кабинете.

– Вы тоже ночуете здесь, в главном здании? – спросила Алисия.

Донья Мариана с оскорбленным видом поджала губы.

– Естественно, нет.

– Прошу прощения. Продолжайте, будьте любезны.

– После девяти часов сеньор Ревуэльта, начальник службы безопасности дома, подтвердил, что не располагает сведениями, будто Висенте Кармона и сеньор министр планировали куда-то ехать тем утром, и обстоятельство, что они отправились вдвоем, без дополнительного сопровождения, необычно. Сеньор Ревуэльта по моей просьбе связался сначала со служащими министерства, а затем навел справки в правительстве. О доне Маурисио никто ничего не знал, но нас обещали оповестить, как только найдут его. Наверное, около получаса мы ждали новостей. А вскоре ко мне пришла Мерседес, дочь дона Маурисио. Она плакала, и когда я спросила, что случилось, то ответила, что отец уехал и никогда не вернется...

– Мерседес объяснила, почему она так подумала? – поинтересовался Варгас.

Донья Мариана пожала плечами.

– Что вы сделали потом?

– Позвонила главному секретарю кабинета министров и поговорила сначала с доном Хесусом Морено, а позднее с директором полиции сеньором Хилем де Партера. Остальное вам известно.

– Именно тогда вы упомянули об анонимных письмах, которые регулярно получал министр.

Донья Мариана помедлила с ответом:

– Именно так. Тема возникла в разговоре с сеньором Хилем де Партера и его помощником Гарсией...

– Гарсией Новалесом, – закончил Варгас.

Секретарша кивнула:

– Полиция, разумеется, знала о существовании писем и давно располагала их копиями. Сыграло свою роль и обстоятельство, что именно тем утром, когда занималась рабочим графиком министра, в его кабинете я наткнулась на папку, куда он их складывал.

– Вы знали, что он хранил эти письма?

Донья Мариана покачала головой:

– Я думала, он уничтожил их, показав полиции сразу после происшествия в Обществе изящных искусств, но ошибалась, и дон Маурисио держал оригиналы под рукой. Я рассказала об этом вашему начальству.

– Как вам кажется, почему дон Маурисио долго не сообщал в полицию или службам безопасности о том, что получает анонимные письма? – задала вопрос Алисия.

Донья Мариана на мгновение отвела глаза от Варгаса и обратила хищный взгляд на молодую женщину.

– Сеньорита, вы должны понять, что человек, занимающий столь важный пост, как дон Маурисио, получает огромное количество корреспонденции. Невозможно сосчитать, сколько людей и организаций решаются обратиться к министру, и часто попадаются эксцентричные, а порой и просто безумные письма. Я выбрасываю их пачками, дон Маурисио их даже не видит.

– Однако эти письма вы не выбросили!

– Нет.

– Вы знали человека, который, по мнению полиции, посылал их? Себастьяна Сальгадо?

– Нет, – проговорила секретарша.

– Но вы знали о его существовании?

– Да, когда министр начал ходатайствовать о помиловании Сальгадо. Позднее он упоминался в отчете полиции по результатам расследования истории с письмами.

– Понятно, но еще раньше вы не слышали, чтобы при каких-либо обстоятельствах дон Маурисио упоминал имя Сальгадо? Может, много лет назад?

Донья Мариана погрузилась в долгое молчание.

– Вероятно. Я не уверена.

– То есть, возможно, упоминал?

– Мне так кажется.

– Когда это произошло?

– В марте 1948 года.

Алисия нахмурилась, не скрывая удивления.

– Вы точно запомнили дату, но не уверены, что прозвучало имя Сальгадо?

Донья Мариана покраснела:

– В марте 1948 дон Маурисио попросил меня устроить неформальную встречу с Луисом Болеа, его преемником на посту коменданта тюрьмы Монтжуик.

– С какой целью?

– По-моему, речь шла о неформальной встрече, в порядке вежливости.

– А вы лично присутствовали на этой неформальной встрече вежливости, как вы выразились?

– Очень недолго. Беседа была приватной.

– Но у вас была возможность услышать часть разговора? Случайно? Когда вы входили в комнату, или выходили из нее, или подавали кофе? С вашего рабочего места у дверей кабинета дона Маурисио?

– Мне не нравятся ваши намеки, сеньорита.

– Все, что вы расскажете, поможет нам в поисках министра, донья Мариана, – вмешался Варгас.

Секретарша заколебалась:

– Дон Маурисио расспрашивал сеньора Болеа о заключенных, находившихся в тюрьме в тот период, когда он служил комендантом. Его интересовали подробности их дальнейшей судьбы. Отбывали ли они еще срок или вышли на свободу, умерли или же были переведены в другую тюрьму. Он не объяснил, зачем ему это понадобилось.

– Вы помните, какие имена он назвал?

– Их было много. И много лет прошло с тех пор.

– В том числе фигурировало имя Сальгадо?

– Да.

– А еще?

– Я точно помню только одно имя: Давид Мартин.

Алисия и Варгас переглянулись. Варгас сделал пометку в записной книжке.

– Еще кого-нибудь вспомните?

– Кажется, произносили фамилию, которая звучала на французский лад, по-иностранному. Я ее не помню. Ведь действительно прошло много лет. Какое значение это может иметь теперь?

– Мы не знаем, донья Мариана, но обязаны рассмотреть все варианты. Возвращаясь к анонимным письмам... Когда передали министру первое из них, вы не помните, как онотреагировал? Сказал нечто такое, что привлекло ваше внимание?

Секретарша покачала головой:

– Ничего особенного он не говорил. И будто не придавал ему большого значения. Министр положил конверт в ящик и распорядился, что если придут похожие письма, чтобы я вручала ему их лично.

– Не вскрывая?

Донья Мариана кивнула.

– Дон Маурисио просил вас ни с кем не обсуждать анонимки?

– В этом не было необходимости. У меня нет привычки обсуждать дела дона Маурисио с людьми, которых они не касаются.

– Донья Мариана, министр имел обыкновение напоминать, что вы должны сохранять конфиденциальность? – уточнила Алисия.

Секретарша Вальса сжала губы и не ответила.

– У вас есть еще вопросы, капитан? – надменно спросила она, нетерпеливо обратившись к Варгасу.

Алисия проигнорировала явное желание доньи Марианы уклониться от дальнейших расспросов. Подавшись вперед, чтобы находиться в зоне прямой видимости дамы, она продолжила:

– Вы знали о намерении дона Маурисио испросить помилование для Себастьяна Сальгадо у главы государства?

Секретарша смерила ее взглядом, уже не прилагая усилий, чтобы скрыть неприязнь и враждебность, которые Алисия вызывала у нее. Донья Мариана повернулась к Варгасу в надежде получить поддержку, но тот уткнулся в свою записную книжку.

– Разумеется, знала.

– Вы не удивились?

– Почему мне следовало удивляться?

– Министр говорил вам о причинах столь неординарного решения?

– Он поступил так из милосердия. Ему сообщили, что Себастьян Сальгадо тяжело болен и долго не проживет. Министр не хотел, чтобы тот умер в тюрьме, пожелав дать ему возможность навестить близких и отойти в иной мир в окружении своей семьи.

– По данным полиции, Себастьян Сальгадо не имел официальной семьи и у него не осталось близких после двадцати лет, проведенных в тюрьме! – бросила Алисия.

– Дон Маурисио горячо поддерживает идею национального примирения и считает необходимым способствовать излечению ран, нанесенных в прошлом. Вероятно, вам такие вещи недоступны, однако существуют люди, наделенные истинно христианским милосердием и великодушием.

– Известны ли вам другие примеры, когда дон Маурисио ходатайствовал о помиловании осужденного, учитывая, что вы работаете у него очень давно? Может, он хлопотал об освобождении кого-либо еще? Хотя бы одного человека из сотен или тысяч политических заключенных, отбывавших срок в тюрьме, которой он руководил несколько лет?

Донья Мариана послала ей разящую, как отравленный кинжал, ледяную улыбку:

– Нет.

Алисия и Варгас посмотрели друг на друга. Варгас взглядом намекал ей, что тему лучше оставить, поскольку, действуя в таком духе, они ничего не добьются. Алисия снова наклонилась вперед, притягивая к себе внимание секретарши.

– Мы уже почти закончили, донья Мариана. Спасибо за проявленное терпение. Встреча, о какой вы упоминали ранее, с коммерческим директором издательства «Ариадна»...

– Сеньором Каскосом.

– Сеньором Каскосом, благодарю. Вам известно, о чем они собирались поговорить?

Донья Мариана выразительно посмотрела на нее, не оставляя сомнений, что считает вопрос абсурдным.

– Об издательстве, как нетрудно догадаться.

– Для министра было в порядке вещей проводить совещания со служащими своих частных предприятий в этой резиденции?

– Не понимаю, о чем речь.

– Вы можете вспомнить, когда он проводил подобное мероприятие в последний раз?

– Вообще-то нет, если честно.

– А о встрече с сеньором Каскосом договаривались вы?

Она покачала головой:

– Я уже сказала, что министр сам, собственноручно, внес данный пункт в расписание.

– Дон Маурисио имел обыкновение готовить встречи или совещания без вашего ведома? «Собственноручно»?

– Нет.

– И все же в заявлении полиции вы не упомянули об этом факте.

– Как я уже говорила, я не придавала ему значения. Сеньор Каскос – служащий и сотрудник дона Маурисио. В их запланированной встрече я не увидела ничего необычного. Она была далеко не первой.

– Не первой?

– Нет. Они виделись и раньше. Несколько раз.

– В этом доме?

– Насколько я знаю, нет.

– А первые встречи организовывали вы или сам дон Маурисио?

– Не помню. Мне нужно посмотреть свои записи. И какая разница, кто их готовил?

– Прошу прощения за настойчивость, но вы, наверное, сообщили сеньору Каскосу, что министр собирался поговорить с ним? Ведь в то утро он явился на встречу?

– Нет. Тогда главной заботой было найти министра. И мне в голову не пришло заниматься в первую очередь служащим среднего уровня.

– Значит, сеньор Каскос – служащий среднего уровня? – уточнила Алисия.

– Да.

– Для сравнения, чтобы уяснить критерии оценки, каков ваш уровень, донья Мариана?

Варгас незаметно толкнул Алисию ногой. Секретарша решительно поднялась, давая понять, что продолжать разговор она не намерена и аудиенция окончена.

– Надеюсь, вы простите меня, но поскольку я больше ничем не могу помочь... – произнесла она, указывая на дверь, вежливо, но твердо предлагая покинуть поместье. – Даже в отсутствие дона Маурисио дела министра требуют моего внимания.

Варгас встал с дивана и поклонился, собираясь последовать за доньей Марианой к выходу. Сделав пару шагов в заданном направлении, он спохватился: Алисия спокойно продолжала сидеть на диване и пить чай, хотя во время разговора даже не притронулась к чашке. Варгас и секретарша с недоумением повернулись к ней.

– Остался последний вопрос, в решении которого вы безусловно можете помочь, донья Мариана, – заявила Алисия.

Под предводительством доньи Марианы сыщики миновали лабиринт коридоров, направляясь к лестнице в башню. Секретарша Вальса шествовала впереди молча, не оглядываясь. Тянувшийся за ней густой шлейф враждебности, казалось, можно было потрогать руками. Потоки дождя, омывавшие стены, нагнетали уныние сквозь окна и гардины, порождая иллюзию, будто вилла «Мерседес» погрузилась на дно озера. По пути им встретилась армия слуг и работников маленькой империи Вальса. Завидев донью Мариану, они опускали голову и, посторонившись, изображали нечто вроде поклона. Наблюдая за церемониальными играми и ритуалом чинопочитания в исполнении обслуживающего персонала министра, Варгас с Алисией удивленно переглядывались.

На площадке у винтовой лестницы, ведущей в башню и в кабинет, донья Мариана сняла висевший на стене масляный фонарь и подкрутила фитиль, прибавив пламя. Они поднимались, окутанные ореолом янтарного света, отбрасывавшим их искаженные тени на стенные панели. У дверей кабинета секретарша резко повернулась и, для разнообразия проигнорировав Варгаса, мрачно уставилась на Алисию. Та, невозмутимо улыбаясь, протянула руку, подставив раскрытую ладонь. Поджав губы, донья Мариана вложила в нее ключ.

– Ничего не трогайте. Оставьте вещи на своих местах. Когда закончите, перед уходом верните ключ дворецкому.

– Большое спасибо, – сердечно произнес Варгас.

Не дослушав, донья Мариана развернулась и стала спускаться с лестницы, забрав с собой фонарь и оставив сыщиков в кромешной темноте.

– Лучше нам бы не соваться сюда, – ворчливо заметил Варгас. – Интересно, сколько этой даме потребуется времени, чтобы созвониться с Гарсией Новалесом и облить нас помоями, особенно вас.

– Менее минуты, – предположила Алисия.

– Интуиция подсказывает, что работа с вами сулит сплошное удовольствие.

Он достал зажигалку и поднес язычок пламени к замочной скважине, позволив Алисии вставить ключ. Поворачиваясь, дверная ручка издала металлический щелчок.

– Звук, как у мышеловки.

Алисия одарила его ехидной улыбкой. Варгас предпочел сделать вид, будто не заметил ее.

– Оставь надежду, всяк сюда входящий! – продекламировала она.

Он задул огонек и толкнул дверь кабинета.

8

Помещение наполняло сероватое свечение. Свинцовое небо и капли дождя заплombировали окна. Алисия и Варгас вошли в комнату, напоминавшую каюту на корме роскошной яхты. Кабинет имел овальную форму. Посредине возвышался письменный стол из ценных пород дерева. Вокруг, занимая почти всю площадь стен, по спирали располагалась библиотека: замыкая петлю, стеллажи поднимались к застекленному фонарю, подпиравшему вершину башни. Лишь небольшой участок стены оставался свободным. Эту секцию, находившуюся напротив стола, заполняли десятки маленьких рамок с фотографиями. Алисия с Варгасом приблизились к стене, чтобы рассмотреть их. На всех снимках было запечатлено одно лицо. Галерея отражала в фотопортретах подробную биографию, с младенческих лет вплоть до отрочества и ранней юности. Девушка с нежной прозрачной кожей и светлыми волосами выросла на глазах зрителей – из сотни коротких фрагментов, подобно мозаике, складывалась картина жизни.

– Оказывается, существует на свете человек, которого министр любит больше своей персоны, – промолвила Алисия.

Варгас помедлил, рассматривая портретную галерею, а Алисия тем временем шагнула к столу Вальса, отодвинула массивное кресло и уселась в него. Положив руки на обтянутую кожей столешницу, она обвела взглядом комнату.

– И как оттуда выглядит мир? – полюбопытствовал Варгас.

– Маленьким.

Она зажгла настольную лампу. Теплый приглушенный свет залил комнату. Алисия открыла верхний ящик стола и нашла внутри резную деревянную шкатулку. Варгас присел на край стола.

– Если это сигарный ящик, то я предпочитаю «Монтекристо» первый номер, – заявил он.

Алисия открыла шкатулку. Она была пустая. На ее внутренней поверхности, обтянутой синим бархатом, остался рельефный отпечаток, напоминавший след от револьвера. Наклонившись, Варгас провел пальцами по краю шкатулки, понюхал их и кивнул, подтверждая догадку.

Алисия открыла следующий ящик стола. Коллекция пеналов была разложена очень аккуратно, как на выставочной витрине.

– Похоже на гробики, – усмехнулась Алисия.

– Дайте взглянуть на покойника!

Она взяла наугад один пенал и открыла его. В футляре лежала черная продолговатая лакированная торпеда с колпачком, увенчанным эмблемой – белой звездочкой. Алисия вынула торпеду из пенала и с улыбкой подержала на ладони, будто взвешивая, потом сняла колпачок и слегка подкрутила вершину. В руках у нее засверкало перышко из золота и платины, изысканное, как и полагается волшебному плоду слияния науки и ювелирного искусства.

– Волшебная ручка Фантомаса? – с иронией осведомился Варгас.

– Почти. Это первая авторучка фирмы «Монблан», – пояснила Алисия. – 1905 года. Невежливо дорогая вещь.

– А вам откуда известно?

– У Леандро есть такая же.

– Она больше подошла бы вам.

Алисия вернула ручку в пенал и закрыла ящик.

– Знаю. Леандро обещал мне подарить ее в тот день, когда я уйду со службы.

– Когда это произойдет?

– Скоро.

Попробовав открыть третий ящик, Алисия обнаружила, что он заперт. Она посмотрела на Варгаса, но тот покачал головой.

– Если вам нужен ключ, спуститесь вниз и попросите его у вашей приятельницы доньи Марианы.

– Не хотелось бы лишний раз беспокоить такую занятую особу, отвлекая ее «от дел дон Маурисио»...

– Что вы предлагаете?

– Мне казалось, что в уголовной полиции на подготовительных курсах обучают всяким трюкам и силовым приемам.

Варгас тяжело вздохнул:

– Отойдите в сторону.

Он встал на колени перед тумбой с ящиками, вытащил из кармана пиджака складной нож с рукояткой из слоновой кости и, нажав на пружину, выбросил клинок со скошенным обухом и двусторонней заточкой.

– Не воображайте, будто только вы разбираетесь в коллекционных экспонатах, – усмехнулся Варгас. – Подайте мне нож для бумаж.

Алисия протянула ему канцелярский нож. Вставив резак для бумаги в щель между ящиком и столом, он принялся вскрывать замок с помощью навахи.

– Что-то мне подсказывает, вы не новичок в этом деле, – заметила Алисия.

– Одни играют в футбол, другие взламывают замки. У человека должно быть какое-то увлечение...

Процесс занял чуть более двух минут. Раздался металлический щелчок, замок поддался, и нож для бумаг провалился в ящик. Варгас извлек из замка клинок навахи. На лезвии не осталось ни единой царапины или зазубрины.

– Закаленная сталь? – поинтересовалась Алисия.

Варгас ловко сложил нож, уперев кончик клинка в пол, и положил обратно во внутренний карман пиджака.

– Вы обязаны разрешить мне как-нибудь поупражняться с вашим тесаком, – сказала Алисия.

– Если будете хорошо себя вести, – пообещал он, открывая ящик.

Они с любопытством заглянули в него и ровным счетом ничего не увидели.

– Только не говорите, что я напрасно взламывал стол министра.

Алисия опустилась на колени рядом с Варгасом и ощупала внутренние поверхности ящика, ногтями выстукивая дощечки, из которых он состоял.

– Прочный дуб, – заметил Варгас. – Теперь такую мебель больше не делают.

Алисия нахмурилась.

– Тут мы ничего не найдем, – сказал он, поднимаясь. – Поехали лучше в управление, познакомимся с письмами Сальгадо.

Алисия пропустила мимо ушей его слова. Она продолжала исследовать недра ящика и основание стола под ним. Между дном ящика и краем тумбы обнаружилась щель шириной примерно в два пальца.

– Помогите вынуть его, – попросила Алисия.

– Вам мало испортить замок, теперь вы хотите разобрать весь стол, – проворчал Варгас.

Он подал ей знак отойти в сторону и полностью вытащил ящик.

– Видите? Пусто.

Алисия схватила ящик и перевернула его. К днищу с обратной стороны была прикреплена книга, приклеенная к дереву крест-накрест изолентой. Она осторожно отлепила эластичные полосы, освобождая находку. Варгас потрогал клеевую сторону изоленты:

– Свежая.

Алисия положила книгу на письменный стол. Снова заняв кресло, она придвинулась поближе к свету. Варгас присел рядом на корточки и вопросительно посмотрел на нее.

Объем книги, переплетенной в черную кожу, составлял около двухсот страниц. На корешке и обложке название отсутствовало. Единственным отличительным знаком являлась тисненая золотом символическая спираль на переплете. Изображение создавало необычную оптическую иллюзию: читателю, который брал этот том в руки, чудилось, будто он спускается по винтовой лестнице в глубину книги.

На первых трех страницах не было ничего, кроме трех нарисованных пером шахматных фигур – слона, пешки и ферзя. Фигуры обладали отдаленным сходством с человеческими существами. Черные глаза королевы с прорезями вертикальных зрачков напоминали змеиные. Алисия перевернула страницу и увидела титульный лист с заглавием книги:



После заголовка целый разворот занимала превосходная иллюстрация, выполненная черной тушью. На картине предстал город-фантазмагория, где дома имели лица, а тучи ящерицами скользили по крышам. На улицах горели костры, столбы густого дыма коптили небо, а на вершине горы над городом возносился крест, объятый пламенем. Алисия узнала на рисунке Барселону. Но эта, другая, Барселона отличалась от реальной как день и ночь. В ее искаженном облике нашли воплощение все страхи и кошмары, какие могут привидеться ребенку. Перелистывая книгу, Алисия остановилась на иллюстрации с изображением храма Святого Семейства. На рисунке незаконченный собор оживал, превращаясь в дракона, который лениво потягивался. Четыре башни фасада Рождества раскачивались на фоне сернистого неба, увенчанные головами, изрыгавшими пламя.

– Вы видели раньше что-нибудь подобное? – спросил Варгас.

Алисия задумчиво покачала головой. На короткий промежуток времени она погрузилась в удивительный мир, отраженный как в зеркале на этих страницах. Чередой тянулись тревожные, завораживающие образы. Бродячий цирк населяли существа, не выносившие света. Тьма мавзолеев вырастала из земли, раскинувшись бесконечным кладбищем, и души роем устремлялись к небесам, пронзая облака, словно стрелы. У кромки берега, усыпанного обломками кораблекрушения, сидело на мели судно, и человеческие тела – множество тел – придавило толщей воды. На вершине купола собора в тунике, стелившейся по ветру, с лицом ангела и глазами волка стоял, созерцая бурлившие у ног улицы, тот, кто царствовал над мистической Барселоной: Алый принц.

Алисия закрыла книгу, опаленная жарким дыханием странной и порочной силы, исходящей от рисунков. И лишь тогда она сообразила, что держит в руках детскую сказку.

9

Когда они покидали башню, Варгас остановил на лестнице Алисию, мягко взяв ее за локоть.

– Следовало бы предупредить донью Мариану, что мы нашли эту книгу и забираем ее.

Она строго посмотрела на руку Варгаса, и тот убрал ее с виноватым видом.

– Насколько я поняла, дама предпочитает, чтобы мы ее больше не беспокоили.

– Нужно хотя бы включить книгу в предварительный отчет...

Алисия ответила ему непроницаемым взглядом. Варгас подумал, что в темноте ее зеленые глаза блестят, как монеты на дне пруда, придавая хозяйке облик потустороннего существа.

– В качестве доказательства, я имею в виду, – добавил он.

– Доказательства чего? – От резкого тона Алисии повеяло арктическим холодом.

– Того, что полиция обнаружила в процессе расследования.

– Формально книгу нашла вовсе не полиция. Ее нашла я. Вы лишь помогли справиться с замком.

– Послушайте...

Она скользнула вниз по ступеням, не дав ему договорить. Варгас последовал за ней, практически продвигаясь на ощупь.

– Алисия...

В саду их встретил мелкий морозящий дождь, оседавший на одежде, как стеклянная пыль. Одна из горничных одолжила гостям зонтик. Варгас не успел даже раскрыть его: не дожидаясь напарника, Алисия двинулась к гаражу. Он поспешил за ней и, догнав, накрыл ее зонтом.

– Не стоит благодарности, – сказал он.

От Варгаса не ускользнуло, что Алисия хромает и кусает губы.

– Что с вами?

– Ничего. Старая травма. Сырость ей не на пользу. Не обращайтесь внимания.

– Если хотите, подождите тут, а я подгоню машину, – предложил он.

Но Алисия будто не услышала его, уставившись вдаль и пытаясь разглядеть среди деревьев, за пологом дождя, смутные очертания какого-то сооружения.

– Что там? – спросил Варгас.

Алисия пошла вперед, оставив его стоять с зонтиком в руке.

– Боже ты мой, – пробормотал Варгас, снова пустившись вдогонку за капризной спутницей.

Когда он поравнялся с ней, Алисия лишь указала ему на строение, напоминавшее зимнюю оранжерею, которое пряталось в глубине сада.

– Там кто-то был, – пояснила она. – И наблюдал за нами.

– Интересно, кто?

Алисия остановилась в нерешительности:

– Вы идите в гараж. Я к вам присоединюсь через минуту.

– Уверены?

Она кивнула.

– Возьмите хотя бы зонт...

Варгас смотрел ей вслед, а Алисия шла прихрамывая под дождем, пока не исчезла в дымке, затерявшись среди теней в саду.

10

Алисия выбралась на дорожку, вымощенную светлым тесаным камнем. Сквозь щели между плитами прорастал мох. Она подумала, что аллея имеет такой вид, будто ее выложили из надгробий, украденных с кладбища. Тропинка вела в глубину сада среди зарослей ракитника. Ветви сочились каплями дождя и обнимали за плечи, словно пытаясь удержать, когда она проходила мимо. В конце тропы виднелось сооружение, то самое, какое Алисия издалека приняла за оранжерею. Вблизи оно выглядело как парковый павильон, выдержанный в стиле неоклассицизма. Строение огибали рельсы миниатюрной железной дороги, которые тянулись по периметру поместья. Прямо у главного входа была устроена станция с настоящим перроном. Алисия переступила через рельсы и поднялась по лестнице к приоткрытой двери. Бедро свело мучительной судорогой, боль была настолько пронзительной, что Алисия представила колючую проволоку с большими острыми шипами, которая наматывалась вокруг ее костей. Она постояла немного, чтобы перевести дух, потом толкнула дверь, открывшуюся внутрь помещения с тихим скрипом.

В первое мгновение Алисия решила, что очутилась в бальном зале, пустовавшем много лет. Под двумя люстрами из хрустальных шариков, висевших под потолком, как кисти заиндевевших цветов, расстился наборный пол, выложенный ромбами. Его покрывал слой пыли, по нему вилась дорожка четких следов, оставленных совсем недавно.

– Эй! – окликнула Алисия.

Ее голос эхом разнесся по залу. Цепочка следов пересекала зал и терялась в сумерках. Поодаль виднелся шкаф-витрина во всю стену из темного дерева, разделенный на маленькие ниши, как в колумбарии. Алисия двинулась вперед по отпечаткам следов на полу, сделала несколько шагов и остановилась, почувствовав на себе посторонний взгляд. В полумраке мерцали стеклянными блеском глаза, обрамленные личиком из слоновой кости, улыбавшимся лукаво и дерзко. К рыжим волосам куклы прилагался черный шелковый туалет. Приблизившись на пару метров, Алисия увидела, что кукла не одинока. Каждую из ячеек витрины занимала фигурка в нарядном платье. Коллекция насчитывала более сотни игрушек, и все улыбались и смотрели в упор не мигая. Ростом с ребенка, куклы были сделаны с подлинным

мастерством. Даже плохое освещение не мешало оценить тщательную проработку деталей, начиная с блестящих ногтей и мелких белых зубов, видневшихся за румяными губами, и заканчивая цветом радужной оболочки глаз.

– Вы кто?

Голос прозвучал из глубины зала. Алисия различила человека, сидевшего в углу на стуле.

– Меня зовут Алисия Грис. Я не хотела испугать тебя.

Фигура выпрямилась и начала медленно приближаться. Когда она вышла из-под сени сумерек и вступила в полосу неяркого света, падавшего от входной двери, Алисия узнала девушку, чей портрет был запечатлен на всех фотографиях в кабинете Вальса.

– У тебя красивая коллекция кукол.

– Они не нравятся почти никому. Отец говорит, что мои куклы похожи на вампиров. Многих они просто пугают.

– Потому они мне и понравились, – произнесла Алисия.

Мерседес пристально рассматривала необычную гостью. В ее внешности она уловила даже мимолетное сходство с куклами из своей коллекции. Словно одна из кукол, не захотев навсегда оставаться девочкой из слоновой кости, выросла и превратилась в женщину из плоти, крови и тени. Алисия улыбнулась и подала ей руку:

– Мерседес, да?

Девушка кивнула и пожала протянутую руку. Холодоватый и пронизательный взгляд гостьи успокаивал и внушал доверие. Мерседес дала бы ей чуть менее тридцати лет, однако чем внимательнее она смотрела на женщину, тем труднее становилось определить ее возраст – как с куклами. Хрупкого телосложения, она была одета в стиле, который втайне нравился Мерседес. Она с удовольствием одевалась бы так сама, если бы не уверенность, что отец с доньей Ирене никогда не позволят ей этого. От дамы исходила тончайшая аура. Почувствовав ее, дочь Вальса поняла, что гостья околдовывала мужчин, заставляя их облизываться при ее приближении, и провоцировала на безрассудные поступки, которые могут совершать только мальчишки или старики. Мерседес видела, что она приехала вместе с полицейским и заходила в дом. Мысль, что кому-то в высших сферах пришло в голову поручить поиски отца именно этой женщине, посчитав ее идеальной кандидатурой, казалась столь же невероятной, сколь и обнадёживающей.

– Вы приехали из-за отца?

Алисия кивнула:

– Не говори мне «вы». Я лишь немного старше тебя.

Мерседес пожала плечами:

– Меня учили обращаться на «вы» ко всем.

– А меня учили вести себя как подобает девушке из хорошей семьи. И вот она я.

Мерседес застенчиво хихикнула. Алисия подумала, что девочка не привыкла смеяться и смех в полной мере отражал ее мироощущение. Она смотрела на реальность как ребенок, спрятанный в теле женщины, или как женщина, которая всю жизнь прожила в путях детской сказки, населенной слугами и куклами со стеклянным нутром.

– Вы из полиции?

– Вроде того.

– По виду не скажешь.

– Все мы кажемся не теми, кем являемся в действительности.

– Наверное, вы правы.

– Мы можем присесть? – спросила Алисия.

– Конечно...

Мерседес поспешно вытащила два стула из угла и поставила на то место, куда падал свет от двери. Алисия села, соблюдая осторожность в движениях. Девочка заметила гримасу

боли, исказившую лицо гостьи, и бросилась помогать. Алисия слабо улыбнулась. На лбу у нее выступил холодный пот. Поколебавшись мгновение, Мерседес принялась вытирать его носовым платком, извлеченным из кармана. Прикасаясь к лицу Алисии, она нашла кожу гостьи восхитительно нежной и белой, и ей даже захотелось погладить ее пальцами. Неуместное желание родилось спонтанно, застигнув врасплох, и Мерседес почувствовала, что покраснела.

– Вам лучше? – спросила она.

Алисия кивнула.

– Что с вами случилось?

– Старая рана. Она у меня с детства. Иногда, если идет дождь или очень сыро, она болит.

– Несчастный случай?

– Нечто подобное.

– Сочувствую.

– Ничего страшного. Не возражаешь, если я задам тебе несколько вопросов?

В глазах Мерседес мелькнула тревога.

– Об отце?

Алисия кивнула.

– Вы его найдете?

– Попробую.

Мерседес посмотрела на нее с мольбой:

– Полиция не сможет разыскать его. Это должны сделать вы.

– Почему ты так считаешь?

Дочь Вальса потупилась.

– Мне кажется, он не хочет, чтобы его нашли.

– Почему ты так решила?

Мерседес по-прежнему сидела с поникшей головой.

– Не знаю...

– Со слов доньи Марианы, тем утром, когда твой отец уехал, ты поделилась опасениями, что он ушел навсегда и больше не вернется.

– Да.

– Отец что-то сказал тебе в ту ночь? Что привело тебя к такому выводу?

– Не знаю.

– Ты разговаривала с ним после бала?

– Я поднялась к нему в кабинет. Отец не стал спускаться к гостям. Он находился с Висенте.

– Это телохранитель?

– Да. Отец был печальным. Станным.

– Он не объяснил, почему?

– Нет. Сказал лишь то, что, как ему казалось, я хотела услышать.

Алисия улыбнулась:

– Все отцы ведут себя одинаково.

– Ваш тоже так делает?

Алисия промолчала, и Мерседес не стала допытываться.

– Помню, он просматривал какую-то книгу, когда я вошла в кабинет.

– Эта была книга в черной обложке?

На лице Мерседес отразилось удивление.

– По-моему, да. Я спросила его, о чем она. А он ответил, что это не подходящее чтение для девочек. Отец не хотел, чтобы я ее трогала. Наверное, это была запрещенная книга.

– У твоего отца есть запрещенные книги?

Мерседес кивнула, вновь зардевшись.

– В запертом шкафу в его кабинете в министерстве. Он не знает, что мне об этом известно.

– Ну, я его тоже просвещать не собираюсь. Скажи, отец часто приводил тебя к себе в министерский кабинет?

– Я была там только два раза.

– А в городе?

– В Мадриде?

– Да, в Мадриде.

– Дома у меня есть все, что может понадобиться.

– Наверное, мы с тобой иногда можем съездить в город вместе. Погулять. Или в кино.

Ты любишь кино?

Мерседес прикусила губу:

– Я никогда не ходила в кинотеатры. Но я с удовольствием пошла бы с вами.

Алисия похлопала ее по руке, улыбнувшись как можно беззаботнее:

– Мы ходим на Кэри Гранта.

– Я не знаю, кто он.

– Идеальный мужчина.

– Почему?

– Потому, что в жизни таких не бывает.

Мерседес опять рассмеялась, как и прежде, стесненно и невесело.

– Что еще говорил отец в последний вечер? Помнишь?

– Почти ничего. Сказал, что любит меня. И будет всегда любить, что бы ни случилось.

– Еще что-нибудь?

– Он нервничал. Пожелал мне спокойной ночи, а сам остался в кабинете, чтобы поговорить с Висенте.

– Тебе удалось услышать хотя бы часть беседы?

– Некрасиво подслушивать у двери...

– Я всегда считала, что только так можно услышать самое интересное, – провокационно заметила Алисия.

Мерседес лукаво улыбнулась:

– Отец полагал, что кто-то побывал там. Во время праздника. В его кабинете.

– Он не называл имени?

– Нет.

– Еще что? Нечто, что привлекло твое внимание?

– Отец упоминал список. Мол, у кого-то есть список. Не знаю, у кого.

– О каком списке шла речь?

– По-моему, там были цифры. Извините. Я с радостью помогла бы вам больше, но это все, что мне удалось услышать...

– Ты очень помогла мне, Мерседес.

– Правда?

Алисия улыбнулась и ласково потрепала ее по щеке. Мерседес была лишена подобного отношения с тех пор, как десять лет назад мать слегла окончательно и руки у нее скрючились, превратившись в клешни.

– Как ты думаешь, что имел в виду твой отец, заявив «что бы ни случилось»?

– Не знаю.

– Ты не слышала, чтобы он высказывался так раньше?

Мерседес молча уставилась на собеседницу.

– Мерседес!

– Мне не хочется вспоминать об этом.

– О чем?

– Отец запретил мне рассказывать об этом.

Алисия наклонилась и взяла ее за руку. Мерседес дрожала.

– Но ведь я не посторонняя. Мне ты можешь довериться...

– Если отец узнает, что я вам разболтала...

– Он не узнает.

– Клянетесь?

– Клянусь. Чтоб мне умереть на месте, если я лгу.

– Не говорите так.

– Поделись со мной. И все, что ты скажешь, останется между нами. Обещаю.

Мерседес посмотрела на нее затуманенными от слез глазами. Алисия сжала ее руку.

– Мне было лет семь или восемь, точно не помню. И случилось это в Мадриде, в монастырской школе, колледже Черных дам. По вечерам охрана отца заезжала за мной после уроков. Мы, ученицы, обычно ждали в кипарисовом дворике, когда нас заберут родители или прислуга. В пять тридцать. Сеньора приходила часто. Она всегда останавливалась на улице за оградой. Порой улыбалась мне. Я не знала, кто она. Но сеньора приходила каждый вечер. Знаками подзывала меня, но я ее боялась. Однажды охранники задержались. Что-то случилось в центре Мадрида. Помню, что автомобили разъезжались, увозя других девочек, пока я не осталась в одиночестве. Не знаю, как это получилось, но, когда одна из машин выезжала, сеньора проникла за ограду. Она подошла и опустилась передо мной на колени. Она меня обняла и заплакала. И стала целовать. Я испугалась и закричала. Во двор вышли монахини. Тут появилась охранники, и мне запомнилось, что двое схватили ее за руки и стали оттаскивать. Сеньора кричала и плакала. Еще я помню, как один из телохранителей отца ударил ее кулаком в лицо. Тогда она вытащила предмет, лежавший у нее в сумочке. Пистолет. Телохранители отскочили от нее, и она бросилась ко мне. Лицо у нее было залито кровью. Она обняла меня и сказала, что любит и не забудет никогда.

– Что произошло потом?

Мерседес с усилием проглотила слюну.

– Подошел Висенте и выстрелил ей в голову. Сеньора упала к моим ногам, натекла лужа крови. Одна монахиня схватила меня на руки и стянула с меня туфли, испачканные кровью сеньоры. Она передала меня охраннику, который отнес меня в машину, где уже сидел Висенте. Тот завел двигатель, и мы сорвались с места. Но в окно я успела увидеть, как двое оставшихся телохранителей волоком тащат тело сеньоры...

Мерседес заглянула в лицо Алисии, и та поспешно обняла ее.

– Вечером отец объяснил, что та сеньора была сумасшедшей. Полиция задерживала ее несколько раз за то, что она пыталась похитить детей из разных школ в Мадриде. Он пообещал, что никто и никогда не причинит мне вреда, и я не должна волноваться. И еще предупредил, чтобы я не рассказывала о происшествии. Что бы ни случилось. В колледж я больше не вернулась. Донья Ирене стала моей гувернанткой, и образование я заканчивала дома...

Алисия гладила ее по голове, давая выплакаться в своих объятиях. Позднее, когда Мерседес затихла в тоскливой безысходности, она услышала, как вдалеке сигналиит машина Варгаса, и встала.

– Мне пора идти, Мерседес. Но я вернусь. И мы обязательно погуляем по Мадриду и сходим в кино. А вот до тех пор дай честное слово, что с тобой все будет в порядке.

Мерседес закивала, схватив Алисию за руки:

– Вы найдете отца?

– Обещаю.

Алисия поцеловала ее в лоб и, хромая, поспешила к выходу. Мерседес села на пол, обняв колени, и погрузилась в сумерки своего кукольного мира, безвозвратно разрушенного.

11

Дождь и гробовое молчание создавали гнетущую атмосферу в салоне машины на обратном пути в Мадрид. Алисия ехала с закрытыми глазами, прислонившись головой к запотевшему стеклу, и мысленно находилась за тысячи километров от этой дороги. Варгас искоса поглядывал на нее и время от времени пытался вовлечь ее в беседу, чтобы нарушить паузу, длившуюся с той минуты, как они выехали из ворот виллы «Мерседес».

– Вы сурово обошлись с секретаршей Вальса, – произнес Варгас. – Мягко говоря.

– Она гарпия, – пробурчала Алисия.

– Если угодно, давайте поговорим о погоде.

– Идет дождь, – отозвалась она. – О чем тут еще говорить?

– Вы могли бы рассказать о том, что произошло в садовом домике.

– Ничего особенного.

– Но вы находились в павильоне целых полчаса. Надеюсь, вы там не взяли в оборот еще какого-нибудь свидетеля? Было бы хорошо не перессориться со всеми в первый же день. Я так считаю.

Алисия не ответила.

– Послушайте, мы получим результат, только если будем работать согласованно, – воззвал к ее здравому смыслу Варгас. – И делиться информацией. Поскольку я вам не шофер.

– А возможно, и не получим. Я буду ездить на такси, что меня вполне устраивает. Так я всегда и делала.

Варгас вздохнул.

– Не обращайтесь на меня внимания, ладно? – попросила она. – Я неважно себя чувствую.

Варгас присмотрелся к ней внимательнее. Алисия сидела, закрыв глаза, и держалась за бедро.

– Хотите, заедем в аптеку?

– Зачем?

– Не знаю. Вы плоховато выглядите.

– Благодарю.

– Я могу помочь вам чем-нибудь, чтобы облегчить боль?

Алисия покачала головой. Дыхание ее было прерывистым.

– Давайте ненадолго остановимся? – предложила она.

Варгас увидел в ста метрах впереди придорожный ресторанчик рядом с автозаправкой, где припарковались грузовики. Он свернул с шоссе и остановил машину у входа в заведение. Выбрался из салона, обошел автомобиль и, открыв переднюю дверцу, подал Алисии руку.

– Я сама.

После двух неудачных попыток Варгас подхватил Алисию и извлек из машины. Забрав оставленную на сиденье сумку, он повесил ее на согнутый локоть.

– Идти сможете?

Алисия кивнула, и они направились к двери. Варгас деликатно поддерживал ее под руку, и Алисия на сей раз не сопротивлялась. Переступив порог бара, он по привычке бегло осмотрел помещение, отмечая входы, выходы и количество посетителей. Компания дальнобойщиков сидела за одним столом, застеленным бумажной скатертью, и пила вино и газировку. Некоторые водители повернулись, проявив интерес к вошедшей паре, но, встретившись со взглядом Варгаса, переключили внимание на косидо²¹ у себя в тарелках. Официант, напоминавший опереточного трактирщика, выплыл с подносом, уставленным чашками с кофе. Он показал новым

²¹ Блюдо испанской кухни: похлебка с разными видами мяса, овощами, фасолью или нутом.

посетителям куда сесть, предложив, наверное, самое лучшее место в зале, отгороженное от посетителей – и с видом на дорогу.

– Я подойду к вам через секунду, – заверил он.

Варгас проводил Алисию к столику и усадил на стул, а сам занял место напротив и вопросительно посмотрел на нее:

– Вы меня пугаете.

– Не придумывайте.

Стремительно подлетел официант с лучезарной улыбкой, выражая готовность обслужить столь достойных и неожиданных гостей:

– Добрый день. Сеньоры желают пообедать? Сегодня у нас в меню изумительное косидо, которое готовит моя супруга, но можем предложить все, что пожелаете. Филейчик...

– Принесите воды, пожалуйста, – попросила Алисия.

– Сию минуту.

Официант побежал за бутылкой минеральной воды и вернулся, прихватив два экземпляра меню – ламинированную картонку с отпечатанным текстом. Он налил воду в бокалы и с поклоном ретировался, почувствовав, что гости ждут, когда он освободит их от своего присутствия.

– Я оставлю меню, может, вы захотите выбрать.

Варгас поблагодарил его, с беспокойством наблюдая за Алисией, которая пила воду с жадностью человека, только что совершившего паломничество по пустыне.

– Вы голодны?

Она взяла сумочку и встала.

– Я загляну в дамскую комнату. Сделайте за меня заказ. – Проходя мимо Варгаса, Алисия положила руку ему на плечо и слабо улыбнулась: – Не волнуйтесь.

Он проводил спутницу взглядом: дохромав до туалета, она исчезла за дверью. Официант следил за ее действиями из-за стойки, недоумевая, какие отношения связывали этого видного мужчину со столь необычным созданием.

Алисия захлопнула дверь туалета и закрылась на щеколду. В помещении едко пахло чистящим средством «Зоталь», стены, облицованные выцветшей плиткой, покрывали непристойные рисунки и надписи. В узкое окошко был вмонтирован вентилятор, и между его лопастями в комнатушку проникали клинья подслеповатого света. Она приблизилась к раковине и оперлась на нее, чтобы не упасть. Открыв кран, пустила воду, издававшую запах ржавчины. Дрожащими руками Алисия вытащила из сумки металлическую коробку, из которой извлекла шприц и стеклянный флакон с резиновой пробкой. Воткнув иглу во флакон, она наполнила шприц до половины. Постучав по цилиндру пальцами, плавно нажала на поршень, выдавив на конце иглы густую блестящую каплю. Шагнув к унитазу, Алисия опустила крышку, села, привалившись спиной к стене, и левой рукой задрала подол юбки до пояса. Ощупав внутреннюю часть бедра, она глубоко вздохнула, ввела иглу на два пальца выше чулка и опустошила шприц. Через несколько секунд Алисия ощутила, как по венам растекается холод, и ее охватила эйфория. Шприц выпал из рук, сознание заволокло туманом. Наверное, Алисия на мгновение лишилась чувств, потому что, открыв глаза в вонючей мрачной клетушке, не могла вспомнить, как там очутилась. В себя ее привел звук, доносившийся будто издалека, – кто-то стучал в дверь.

– Алисия! С вами все в порядке?

Голос принадлежал Варгасу.

– Да, – с трудом выговорила она. – Я уже иду.

Он в сомнении потоптался у двери, а потом послышались удалявшиеся шаги. Алисия стерла с кожи на бедре потек крови и опустила юбку. Подобрал разбившийся шприц, спрятала его в железную коробку, умылась над раковиной и промокнула лицо обрывком упаковочной

бумаги, висевшей на гвозде, вбитом в стену. Прежде чем выйти, Алисия посмотрела на себя в зеркало и подумала, что напоминает куклу из коллекции Мерседес. Она подкрасила губы и привела в порядок одежду. Набрав в легкие побольше воздуха и расправив плечи, Алисия приготовилась к возвращению в мир живых.

Вновь усаживаясь за столик напротив Варгаса, она постаралась улыбнуться ему как можно беззаботнее. Он держал стакан пива, которое, похоже, так и не пригубил, и смотрел на нее с тревогой.

– Я заказал филе, – наконец сообщил он. – Быстро готовится. Много белка.

Алисия кивнула, давая понять, что считает его выбор превосходным.

– Я не знал, что попросить принести, но потом мне пришло в голову, что вы наверняка предпочитаете мясо.

– Я ем только мясо с кровью, – уточнила она. – Желательно невинных созданий.

Шутка его не развеселила. Алисия догадалась, что у него на уме.

– Можете сказать.

– Что именно?

– То, о чем думаете.

– О чем же я думаю?

– Что я похожа на невесту Дракулы.

Варгас нахмурился.

– Так обычно говорит Леандро, – усмехнулась Алисия. – Мне безразлично. Я привыкла.

– Но я этого не думаю.

– Простите меня за сегодняшнее поведение.

– Не за что извиняться.

Официант принес два блюда.

– Филе для сеньориты, домашнее косидо для кабальеро. Что-нибудь еще желаете? Добавить хлеба? Или кооперативного винца?

Варгас покачал головой. Алисия покосилась на свою тарелку с бифштексом, обложенным ломтиками картофеля, и вздохнула.

– Ели хотите, я принесу добавки... – поспешно предложил официант.

– Этого достаточно, спасибо.

Они приступили к обеду молча, изредка обмениваясь взглядами и примирительными улыбками. Алисии совсем не хотелось есть, но, сделав над собой усилие, она притворилась, будто мясо пришлось ей по вкусу.

– Очень неплохо. А ваше косидо? Пока не готовы жениться на кухарке?

Варгас отложил ложку и подался вперед. Алисия поняла, что от его внимания не ускользнули ни ее расширившиеся зрачки, ни заторможенность.

– Сколько вы приняли?

– Вас не касается.

– Какого типа ваша рана?

– Такого, о котором воспитанные девушки не рассуждают вслух.

– Если мы собираемся вместе работать, то я должен знать, с чем придется иметь дело.

– Мы не жених с невестой. Наше сотрудничество продлится дня два, не более. Нет необходимости знакомить меня с вашей мамой.

На лице Варгаса не отразилось даже намека на улыбку.

– Я получила ее в детстве. В войну, во время бомбардировки. Врач, оперировавший бедро, сутки провел без сна и сделал, что мог. Думаю, я до сих пор ношу в ноге парочку «сувениров», подаренных итальянской авиацией.

– В Барселоне?

Алисия кивнула.

– Один мой сослуживец был родом оттуда. Он прожил двенадцать лет с куском металла величиной со спелую оливку, засевшим в аорте, – произнес Варгас.

– И все-таки умер?

– Его сбил разносчик газет напротив вокзала Аточа.

– Газетчикам нельзя доверять. Обязательно подведут под монастырь. А где вы находились во время войны?

– В разных местах. В основном в Толедо.

– Внутри Алькасара или за его пределами?²²

– Какая разница?

Варгас расстегнул рубашку и показал ей круглый шрам на правой стороне груди.

– Можно? – спросила Алисия.

Варгас разрешил. Она наклонилась и потрогала шрам. Официант за стойкой уронил на пол бокал, который усердно протирал.

– Это из серьезных, – уважительно заметила Алисия. – Болит?

– Только когда смеюсь.

– У себя на службе вы, наверное, даже на аспирин не зарабатываете?

Варгас улыбнулся. Алисия подняла стакан минеральной воды:

– Тост за наши горести!

Он взял свой бокал, и они выпили. Вскоре вернулись к еде, и разговор опять прервался. Варгас опустошал тарелку, Алисия клевала понемногу бифштекс. Как только она отставила блюдо в сторону, Варгас принялся таскать с него картошку, которая осталась почти нетронутой.

– Итак, какая у нас программа на вечер? – бодро спросил он.

– Вы могли бы заскочить в управление и получить копии писем Сальгадо, а заодно узнать, не появилось ли новостей по нашему делу. И если останется время, нанести визит типу по имени Каскос в издательстве «Ариадна». В истории с ним концы с концами не сходятся.

– Вы не хотите, чтобы мы навестили его вместе?

– У меня другие планы. Я собиралась повидать своего старого друга. Вероятно, он сумеет нам помочь. Но мне лучше пойти одной. Он своеобразный человек.

– Это *sine qua non*²³, чтобы стать вашим другом. Хотите навести справки о книге?

– Да.

Варгас попросил официанта принести счет.

– Заказать вам кофе, десерт или еще что-нибудь?

– В машине можете угостить меня своими импортными сигаретами, – ответила Алисия.

– Надеюсь, это не уловка, чтобы избавиться от меня при первом удобном случае?

Она покачала головой.

– В семь часов встретимся в «Хихоне» и поделимся информацией.

Варгас строго посмотрел на нее. Алисия торжественно подняла руку:

– Клянусь!

– Ловлю на слове. Где вас посадить?

– Бульвар Реколетос. Вам по дороге.

²² Этот эпизод из истории гражданской войны в Испании относится к осени 1936 года. Сторонники Национального фронта (франкисты), закрывшись в крепости Алькасар в Толедо, несколько месяцев оборонялись от осаждавших их республиканцев. В конце сентября 1936 года осада была прорвана армией Франко.

²³ Обязательное условие (*лат.*).

Много лет назад, когда Алисия Грис только переехала в Мадрид, Леандро Монтальво, ее наставник и кукловод, объяснил ей простую истину: каждому человеку, кто стремится сохранить рассудок, необходимо найти себе место, где он сможет и захочет расслабиться. Заповедное место, которое становится оазисом душевного покоя, где в тяжелые минуты, когда мировая комедия абсурда терпит фиаско, человек обретает надежное убежище, чтобы заново провести тонкую настройку Вселенной. Леандро всегда оказывался прав, это являлось одним из самых возмутительных его качеств. Убедившись со временем, что и в данном случае он тоже не ошибся, Алисия поняла, что настала пора подыскать себе тихую пристань, поскольку мировой спектакль абсурда перестал казаться комедией, превратившись в унылую обыденность. Неожиданно судьба сдала ей козырные карты. И произошло это совершенно случайно, как в жизни обычно и бывает с самыми ценными приобретениями.

Той далекой осенью, первой из проведенных Алисией в Мадриде, во время прогулки по бульвару Реколетос ее застиг ливень. Среди деревьев она заметила дворец классической архитектуры и, приняв здание за музей, решила переждать под его крышей непогоду. Промокнув до костей, Алисия поднялась по широкой лестнице, вдоль которой стояли на часах великолепные изваяния. Разумеется, она не обратила внимания на крупную надпись, красовавшуюся на фронтоне. Из дверей выглядывал господин флегматичного вида с глазами филина, он вышел посмотреть на дождь. Заметив приближение Алисии, он впился в нее хищным взором, словно завидел мелкого грызуна.

– Что тут за экспозиция? – выпалила она.

Господин подверг ее внимательному изучению под увеличительным стеклом выпуклых глаз и явно вынес неблагоприятное заключение.

– Мы демонстрируем терпение, сеньорита, и порой изумление бездумным нахальством невежества. Это Национальная библиотека.

Из жалости или от скуки кабальеро с глазами филина сообщил, что она ступила на порог одной из величайших библиотек планеты, в стенах которой ее ждут более двадцати пяти миллионов изданий. Если же она явилась, собираясь воспользоваться туалетом или полистать журналы мод в большом читальном зале, то может разворачиваться и идти обратно, рискуя подхватить пневмонию.

– Могу я узнать, ваше благородие, кто вы? – спросила Алисия.

– Благородия мне за много лет тут не встречались вовсе, но если вы подразумеваете мою скромную персону, я скажу коротко, что служу директором этого учреждения. И занимаюсь в том числе и тем, что с удовольствием выставляю на улицу деревенщину и назойливых прохожимцев.

– Но я хотела бы записаться в библиотеку.

– А я – написать «Дэвида Копперфильда», но застрял тут, дожил до седых волос и не приобрел сколько-нибудь примечательной библиографии. Как вас звать, милочка?

– Алисия Грис к услугам вашим и Испании.

– То обстоятельство, что я не оставил классического литературного наследия, не мешает мне оценить иронию или дерзость. За Испанию ответить не могу, адвокатов у нее и так хватает, ну а что касается меня, то ума не приложу, какую службу вы можете мне сослужить. Если только еще раз напомнить, насколько я стар. Однако не считайте меня зверем. Если искренне выражаете желание стать читательницей библиотеки, то могу ли я оставить вас прозябать во мраке фундаментального невежества? Меня зовут Бермео Пумарес.

– Очень приятно. Я полностью доверяюсь вам, чтобы пройти надлежащее обучение. Оно вызовет меня из невежества и откроет врата Аркадии, которая находится под вашим началом.

Бермео Пумарес поднял брови и с любопытством посмотрел на нее:

– Я начинаю смутно подозревать, что вы способны вызволить себя самостоятельно, без посторонней помощи, откуда угодно, и ваше невежество намного уступает масштабами вашей решительности, сеньорита Грис. Осознаю, что чрезмерное пристрастие к академическому стилю повлекло нежелательные последствия, сделав мою речь витиеватой, однако совершенно необязательно насмехаться над старым профессором.

– Мне в голову ничего подобного не приходило.

– Неужели? По словам узнаете их. Алисия, вы мне понравились, хотя вам, возможно, показалось иначе. Заходите и ступайте к стойке регистрации. Скажите Пури, что Пумарес велел оформить вам абонемент.

– Не знаю, как мне вас благодарить.

– Приходите к нам и читайте хорошие книги, которые нравятся лично вам, а не те, какие настоятельно рекомендовали прочитать – я или кто-либо другой. Конечно, я зануда, но не педант.

– Не сомневайтесь, так я и сделаю.

В тот день Алисия получила читательский билет Национальной библиотеки и провела первый вечер (из многих, следовавших за ним) в огромном читальном зале, выборочно приглашая на медленный танец сокровища, созданные разумом, который накопило человечество за сотни лет своего существования. Не раз, оторвавшись от книги, она встречала совиный взгляд дона Бермео Пумареса. Тот любил пройти по залу, подсматривая, что читают посетители, и безжалостно изгоняя тех, кто пришел поспать или пошутиться, поскольку, по его словам, для дремлющих умов и бестолковых дружеских посиделок доступен весь мир за пределами библиотеки.

Наблюдая за Алисией целый год, Бермео Пумарес убедился, что она питает неподдельный интерес к литературе и расположена к серьезному, вдумчивому чтению. Однажды он пригласил ее в служебное помещение громадного дворца, где распахнул перед ней двери секции, закрытой для обычных посетителей. В этом отделе, как он объяснил, хранилась самая ценная часть фондов библиотеки, и доступ к нему получали только счастливые обладатели специального пропуска, который выдавался академикам и ученым – и то не всем – для научной работы.

– Вы не объяснили, чем занимаетесь в мирской жизни, но сдаётся мне, что в вас есть исследовательская жилка. Заметьте, я говорю не об изобретении производных пенициллина или поисках утраченных стихов Архипресвитера из Иты²⁴.

– Пожалуй, вы на правильном пути и не так уж далеки от истины.

– В жизни я всегда выбираю правильный путь. Но в нашей замечательной стране проблемой являются дороги, а не путники.

– Мои тропы определяет не Господь, а то, что вы, ваше превосходительство, назвали бы системой государственной безопасности.

Бермео Пумарес ошеломленно покачал головой:

– Вы как шкатулка с сюрпризом, Алисия! Из тех, что лучше не открывать, оставаясь в неведении, что в ней спрятано.

– Мудрое решение.

Пумарес протянул Алисии читательский билет на ее имя.

– В любом случае, перед уходом я хочу убедиться, что у вас тоже есть пропуск научного сотрудника, чтобы вы могли свободно воспользоваться нашим особым фондом, если вдруг возникнет такая необходимость.

– Что значит «перед уходом»?

Пумарес помрачнел:

²⁴ Хуан Руис (ок. 1283 – ок.1350) – испанский гуманист, поэт, священник; автор поэмы «Книга благой любви».

– Секретарь министра Маурисио Вальса изволил уведомить меня об отставке, подписанной задним числом. На этом основании мой последний рабочий день был вчера, в среду. Похоже, что решение господина министра продиктовано несколькими соображениями, среди которых особое место занимает то, что я не проявлял бурного энтузиазма по поводу священных принципов Движения, какой бы смысл в них ни вкладывался. Это с одной стороны. А с другой – родственник какого-нибудь видного патриота высказал заинтересованность в кресле директора Национальной библиотеки, многим кажется, будто звучное название должности принимается в определенных кругах с тем же пиететом, что и приглашение в правительственную ложу на матч мадридского «Реала».

– Мне очень жаль, дон Бермео.

– Не переживайте. Редкий случай в истории страны, когда культурное учреждение возглавлял бы квалифицированный специалист или хотя бы не безнадежно дремучий. Существуют жесткие рамки и большой штат людей, в чьи обязанности входит не допустить подобного казуса. Меритократия²⁵ не совместима со средиземноморским климатом. Полагаю, это цена, какую мы платим за то, что у нас растут лучшие в мире оливки. И факт, что Национальной библиотекой Испании руководил опытный библиотекарь, пусть лишь на протяжении четырнадцати месяцев, был непреднамеренной случайностью, которую лучшие умы, управляющие нашей судьбой, поспешили исправить, тем более в их распоряжении несметное количество друзей и родственников, чтобы заполнить вакансию. Но, признаюсь, мне будет вас недоستать, Алисия. Вас лично, ваших секретов и колкостей.

– Я тоже буду скучать.

– Я возвращаюсь в свой прекрасный Толедо, если от него что-то оставили. Надеюсь, сумею арендовать жилье в одной из вилл на холме с видом на город, где проведу, увядая, остаток дней, поплеывая с берегов Тахо и перечитывая Сервантеса, а также всех его недругов. Большинство из них обитали тут неподалеку, но никому не удалось изменить курс гордого судна, невзирая на все золото и поэзию того века.

– Я могу вам помочь? Поэзия – не моя стихия, но вас удивило бы обилие стилистических приемов, которыми я владею, это позволяет замахнуться на нечто из ряда вон выходящее, грандиозное.

Пумарес пристально посмотрел на нее:

– Нет, я не удивился бы. Скорее испугался бы, поскольку лично я осмеливаюсь только на всякие безделицы. Кроме того, сами того не сознавая, вы уже изрядно мне помогли. Удачи, Алисия.

– И вам удачи, маэстро.

Бермео Пумарес улыбнулся – искренне, от души. В первый и последний раз Алисия видела его улыбку. Крепко пожав ей руку, он вдруг спросил, понизив голос:

– Алисия, не откажите в любезности, удовлетворите мое любопытство. Что на самом деле привело вас сюда, оставляя в стороне вашу преданность Парнасу, знаниям и прочей метафизике?

– Воспоминания, – просто ответила она.

Библиотекарь вскинул брови, заинтригованный.

– Воспоминания детства. Нечто, что приснилось мне в тот момент, когда я находилась на пороге смерти. Очень давно. Собор, сложенный из книг...

– Где это произошло?

– В Барселоне, во время войны.

Библиотекарь степенно кивнул, улыбаясь своим мыслям.

²⁵ Принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансовых возможностей.

– Говорите, вам это приснилось? Вы уверены?

– Почти.

– Уверенность утешает, но лишь сомнение служит источником знаний. Еще одно. Настанет день, когда вам потребуется разворошить то, что трогать не следует, и поднять тину со дна мутного пруда. Я знаю это, ведь вы не первая и не последняя, кто приходил сюда с тенью в глазах. И когда такой день наступит – а он наступит, – вы должны помнить, что в этом дворце скрыто многое, намного больше, чем кажется. И персонажи вроде нас с вами приходят и уходят, но здесь есть человек, который однажды, может, сослужит вам службу.

Пумарес указал на черную дверь в глубине пространной арочной галереи, заставленной стеллажами с книгами:

– За этой дверью находится лестница, она ведет в подвалы Национальной библиотеки. Множество ярусов бесконечных коридоров, где хранятся миллионы книг, причем среди них изрядную долю составляют инкунабулы²⁶. Только в военное время коллекция пополнилась полумиллионом изданий, что спасло их от сожжения. Но это далеко не все, что есть там, внизу. Полагаю, вы никогда не слышали легенду о вампире дворца на Реколетос?

– Нет.

– Но признайтесь, что вы заинтригованы, хотя бы потому, что сюжет отдает бульварным романом.

– Не отрицаю. Однако... Неужели вы говорите серьезно?

Пумарес подмигнул ей:

– В свое время я предупреждал, что внешность обманчива, и я ценю иронию. Считайте, что я дал вам пищу для размышлений. Надеюсь, вы продолжите посещать это место или другое с аналогичным содержанием.

– Ради вас – непременно.

– Лучше во имя мира, который ныне переживает не лучшие времена. Берегите себя, Алисия. Желаю вам найти путь, ускользнувший от меня.

И вот так, не промолвив больше ни слова, дон Бермео Пумарес в последний раз прошел через научный отдел, затем сквозь огромный читальный зал, оставил позади двери библиотеки и продолжил путь, не обернувшись, пока не оказался в начале бульвара Реколетос. Он зашагал дальше, ступив на прямую дорогу к забвению, – еще одна капля в безбрежном море судеб, потерпевших крушение в сером тумане, накрывшем Испанию той эпохи.

И вот по какой причине через несколько месяцев, когда любопытство положило на обе лопатки благоразумие, Алисия решила перешагнуть порог черной двери и погрузиться в сумерки подвалов, скрывавшихся под Национальной библиотекой. Она горела желанием узнать секрет дворца на Реколетос.

13

Легенда – обман, придуманный для истолкования универсальной истины. И там, где иллюзии и обман пропитали землю, создается особенно благоприятная среда для созревания мифов. В первый раз, когда Алисия Грис отправилась блуждать по мрачным коридорам Национальной библиотеки в поисках пресловутого вампира с его легендой, она нашла лишь подземный город, населенный сотнями тысяч книг, тихо дремавших в ожидании читателей среди паутины и отголосков эха.

Очень редко жизнь проявляет щедрость, позволяя наяву прогуляться по тропинкам своих снов и прикоснуться рукой к истертым воспоминаниям. Путешествуя по этому городу, Алисия часто замирала в темноте, со страхом ожидая услышать вновь взрывы бомб и металли-

²⁶ Книги или отдельные листы, отпечатанные в Европе от начала книгопечатания и до 1 января 1501 г.

ческий рев самолетов. Часа два она обходила ярус за ярусом и не встретила ни одного живого существа, не считая мелких бумажных червячков, ползавших по корешку сборника поэм Шиллера в предвкушении обеда. Во время второго набега, к которому Алисия хорошо подготовилась, купив фонарик в скобяной лавке на площади Кальяо, она не увидела даже червячков. Однако после полуторачасовой экспедиции она обнаружила на двери приколотую булавкой записку:

Чудесный фонарик.

Вы всегда ходите в одном и том же жакете?

В этой стране такое постоянство выглядит почти эксцентричным.

Искренне ваши, Вирхилио.

На следующий день Алисия снова заглянула в скобяную лавку, чтобы приобрести такой же фонарик, какой купила накануне для себя, и дополнительно – упаковку батареек. Надев бессменный жакет, из-за которого подверглась критике, она спустилась на последний ярус хранилища. Алисия забралась в самый дальний угол и устроилась рядом с собранием романов сестер Бронте, которых нежно любила со времен жизни в патронате Рибас. Достала бутерброд с маринованной свиной и пиво, приготовленные для нее в кафе «Хихон», и принялась за еду. Пообедав, охваченная сытой истомой, Алисия задремала.

Ее разбудили шаги, легкие, как шуршание перьев в пыли. Открыв глаза, она увидела тонкие лучи янтарного света, пробивавшиеся в щелки между переплетами книг из смежного коридора. Пятно света медленно разрасталось, как медуза. Алисия встала и стряхнула крошки хлеба с лацканов жакета. Через несколько мгновений из-за угла показалась фигура человека, который приближался к ней, теперь ускорив шаг. Прежде всего Алисия обратила внимание на его глаза – голубые, привычные к сумеркам. Бледная кожа незнакомца оттенком напоминала страницы книги, только выпущенной из типографии, прямые волосы были гладко зачесаны назад.

– Я принесла вам фонарь, – произнесла Алисия. – И батарейки.

– Как мило.

Голос у него был сиплым и на удивление высоким.

– Меня зовут Алисия Грис. Подозреваю, что вы Вирхилио.

– Он самый.

– Всего лишь небольшая формальность, но я обязана спросить: вы не вампир?

Вирхилио, явно не ожидавший такого вопроса, улыбнулся. Алисия подумала, что в этот момент он стал похож на мурену.

– Если бы я был вампиром, то давно бы скончался от запаха чеснока, которым несло от вашего бутерброда.

– Значит, вы не пьете человеческую кровь?

– Предпочитаю «Тринаранхус». Тему вопросов вы сами придумали или вас кто-то надумил?

– Боюсь, я стала жертвой злой шутки, – призналась Алисия.

– Кто застрахован от подобного? В этом соль жизни. Итак, чем я могу быть вам полезен?

– Сеньор Бермео Пумарес говорил мне о вас.

– Представляю. Схоластический склад ума.

– Он предположил, что вы, вероятно, сумели бы помочь мне, когда возникнет необходимость.

– Она возникла?

– Не уверена.

– Значит, пока нет. Можно посмотреть фонарик?

– Он ваш.

Вирхилио принял подарок.

– Сколько лет вы тут работаете? – осмелилась спросить Алисия.

– Лет тридцать пять. Я начинал как помощник отца.

– Отец тоже обитал в глубине подвалов?

– Мне кажется, вы путаете нас с колонией моллюсков.

– Это и положило начало легенде о библиотекаре- вампире?

Вирхилио весело рассмеялся. Его смех был скрежещущим, как наждачная бумага.

– Такой легенды никогда не существовало, – заявил он.

– То есть сеньор Пумарес выдумал ее, чтобы разыграть меня?

– Формально легенды придумал не он. Просто позаимствовал историю из романа Хулиана Каракса.

– Не слышала о нем.

– Мало кто слышал. Жаль. А вещичка замечательнейшая. Об одержимом дьяволом убийце, который тайно жил в подвалах Национальной библиотеки Парижа и кровью своих жертв писал демоническую книгу. Надеялся с ее помощью вызвать самого Сатану. Прелестный роман. Если мне удастся разыскать его, я вам одолжу. Кстати, вы из полиции или чего-то вроде?

– Скорее «чего-то вроде».

* * *

Весь год, среди сомнительных дел и скользких заданий, которые поручал ей Леандро, Алисия выкраивала любую возможность, чтобы навестить Вирхилио в его подземном царстве. Со временем библиотекарь сделался ее единственным настоящим другом в Мадриде. Он всегда подбирал к ее приходу книги, чтобы дать почитать, и обычно попадал в точку.

– Послушайте, Алисия, не поймите меня превратно, но не хотите ли на днях сходить со мной в кино?

– В любое время, но только не на фильм про святых или образцовую жизнь.

– Пусть меня на месте сразит бессмертный дух дона Мигеля де Сервантеса, если мне придет в голову пригласить вас на эпическую картину о величии человека.

– Аминь!

Иногда, если у Алисии не было никакой особой миссии, они вместе ходили на последний сеанс в один из кинозалов на Гран-Виа. Вирхилио восхищался цветным кинематографом, а также любил библейские новеллы и сюжеты из римской истории, поскольку получал возможность радоваться солнцу и наслаждаться видом мускулистых торсов гладиаторов. Однажды вечером, провожая Алисию до отеля «Испания», он засмотрелся на нее, когда она остановилась около витрины книжного магазина на Гран-Виа.

– Алисия, будь вы мальчиком, я попросил бы вашей руки для незаконного сожительства.

Она подала ему руку, и Вирхилио поцеловал ее.

– Какие чудные слова вы говорите, Вирхилио!

Он улыбнулся, и во взоре его отразилась вселенская печаль.

– Ничто не дается даром. Начитанность ведет к тому, что человек знает наперечет все прелести и уловки судьбы.

В субботу Алисия купила «Тринаранхус» и отправилась в библиотеку послушать рассказы Вирхилио о неизвестных писателях, о ком никто ничего не слышал и чьи биографии были преданы забвению и похоронены в библиографическом склепе на самом дне подвала.

– Алисия, понимаю, что это не мое дело, но ваше бедро... Что с ним?

– Война.

– Расскажите.

– Я не люблю вспоминать об этом.

– Понимаю. Но именно по этой причине расскажите. Вам станет легче.

Алисия ни с кем не делилась историей о том, как незнакомец спас ей жизнь в ту ночь, когда авиация Муссолини, посланная на помощь армии националистов, безжалостно бомбила Барселону. Она слушала себя с удивлением, убеждаясь, что ничего не забыла и до сих пор способна чувствовать наполнявший воздух запах серы и горелого мяса.

– Вы так и не узнали, кем был тот человек?

– Друг моих родителей. Человек, действительно их любивший.

Она не осознавала, пока Вирхилио не протянул ей платок, что горько плачет. Алисия стыдилась слез и злилась на себя из-за них, но не могла остановиться.

– Ни разу не видел, как вы плачете.

– Не только вы, никто не видел. И больше не увидите.

Вернувшись в Мадрид после поездки на виллу «Мерседес», Алисия послала Варгаса на разведку в полицейское управление, а сама отправилась в Национальную библиотеку. Ее там знали в лицо, ей даже не пришлось показывать пропуск. Она пересекла общий читальный зал и направилась в секцию, отведенную для научных работников, где в тот момент собралось много академиков, грезивших наяву за письменным столом. Алисия незаметно проскользнула к черной двери в конце галереи. С годами она выучила распорядок дня Вирхилио и предполагала, что ближе к вечеру он скорее всего на третьем уровне расставляет по местам инкунабулы, с которыми с утра работали ученые. Там Алисия и нашла его. Вооружившись подаренным ею фонариком, Вирхилио напевал популярную песенку, которая часто звучала по радио, и слегка раскачивался в такт худым бледным телом. Неповторимое зрелище.

– Мне нравится ваш знойный танец, Вирхилио.

– Главная музыка играет, когда поет душа. Вы сегодня рано освободились или я перепутал день недели?

– Я пришла с полуофициальным визитом.

– Только не говорите, что я арестован.

– Нет, но ваша обширная эрудиция подлежит временной реквизиции на благо государству.

– В таком случае объясните, что от меня требуется.

– Мне хотелось бы, чтобы вы кое-что посмотрели.

Алисия достала книгу, найденную в тайнике в столе у Вальса, и протянула библиотекарю. Вирхилио взял томик в руки и зажег фонарь. Увидев на обложке тисненую эмблему в виде винтовой лестницы, он перевел на Алисию удивленный взгляд:

– Вы хотя бы отдаленно представляете, что это такое?

– Я надеялась, что вы просветите меня.

Вирхилио оглянулся через плечо, словно опасался кого-то увидеть в коридоре, и кивком пригласил следовать за собой.

– Идемте лучше в мою контору.

Конторой Вирхилио служила небольшая узкая комнатка, приткнувшаяся в конце одного из проходов на самом нижнем уровне. Ее словно выдавливали из стен тяжесть миллионов и миллионов книг, сложенных ярус за ярусом. По сути это была мастерская, заполненная книгами, папками и прочими специфическими атрибутами реставратора – от стаканов с кистями и швейных игл до очков и наборов луп и колбочек с красителями. Алисия знала, что именно в своей камере Вирхилио проводил срочные хирургические операции по спасению и восстановлению изданий. Главным предметом обстановки являлся крошечный холодильник. Вирхилио открыл его, и Алисия увидела, что он забит бутылками «Тринаранхуса». Достав две бутылки напитка, он вооружился очками с увеличительными стеклами, бережно положил книгу на красный бархатный коврик и натянул тонкие шелковые перчатки.

- Судя по совершенному вами торжественному ритуалу, это очень редкая книга...
- Тихо, – прервал ее Вирхилио.

Алисия наблюдала, как библиотекарь с восторгом изучал сочинение Виктора Маташа, млея над каждой страницей, поглаживая иллюстрации и наслаждаясь гравюрами, как особыми яствами бесовской кухни.

- Вирхилио, я начинаю волноваться. Скажите же что-нибудь, черт возьми.

Он повернул к ней голову, уставившись голубыми ледышками глаз, увеличенных линзами очков часовщика:

- Уверен, вы не объясните мне, как к вам это попало.
- Нет.

– Это коллекционное издание. Если хотите, могу подсказать, кому его можно всучить за хорошую цену. Только действовать нужно осмотрительно, поскольку книга запрещена не только государством, но и церковью.

– Как и сотни других. В этой части вы едва ли сообщите мне что-либо новое, о чем я не догадываюсь.

Вирхилио снял очки с увеличительными стеклами и одним глотком наполовину опустошил бутылочку «Тринаранхуса».

– Простите, я очень взволнован, – признался он. – Лет двадцать, по меньшей мере, я не видел подобного...

Устраиваясь поудобнее, Вирхилио откинулся на спинку кресла с дырявой обивкой. Его глаза блестели от возбуждения, и Алисия поняла, что настал день, предсказанный Бермео Пумаресом.

14

– Насколько мне известно, – произнес Вирхилио, – с 1931 по 1938 год в Барселоне было издано восемь книг из серии «Лабиринт призраков». О Викторе Маташе, их авторе, я вряд ли расскажу много. Я знаю, что от случая к случаю он работал иллюстратором детских книг. Также опубликовал под псевдонимом несколько романов в дрянном издательстве «Барридо и Эскобильяс», ныне прекратившем существование. Ходили слухи, что он был внебрачным сыном «индейца»²⁷ и предпринимателя из Барселоны, который бросил ребенка и его мать, относительно известную в свое время актрису, выступавшую в театрах Параллели²⁸. Кроме того, Маташ работал постановщиком декораций и делал каталоги продукции для фабриканта из Игуалады, изготавливавшего детские игрушки. В 1931 году выпустил первый роман серии «Лабиринт призраков» под названием «Ариадна и затонувший собор». Его напечатало издательство «Орбе», если не ошибаюсь.

- Фраза «вход в лабиринт» вам говорит о чем-нибудь?

Вирхилио склонил голову:

- Пожалуй, в данном случае под лабиринтом подразумевается город.
- Барселона?
- Другая, мистическая Барселона. Из его романов.
- Аллегория преисподней.
- Вроде того.
- Где находится вход?

Вирхилио пожал плечами:

²⁷ «Индейцами» называли эмигрантов, разбогатевших в Америке в начале XX в.

²⁸ На проспекте Параллель в Барселоне находится много театров и концертных залов. Параллель – каталанский аналог Монмартра или Бродвея.

– Их в городе несколько. Не знаю.

Алисия кивнула:

– И вопрос насчет Ариадны. Кто это?

– Прочитайте книгу. Она того стоит.

– Предварительно скажите хотя бы в общих чертах.

– Ариадна – девочка, главная героиня всех романов цикла. Ариадной звали старшую дочь Маташа, для которой он, предположительно, писал свои истории. Его дочь стала прообразом героини. Отчасти Маташа вдохновила на этот труд любимая книга дочери – «Приключения Алисы в Стране чудес». Вы не находите это восхитительным?

– Разве вы не видите, что я вся дрожу от восторга?

– Когда вы так себя ведете, то становитесь нестерпимы.

– Но вы все же меня терпите, Вирхилио, за что я вас и люблю. Расскажите еще.

– За что мне такой крест? Холостяк, и счастье мне светит не больше, чем Кармилле у Ле Фаню²⁹.

– Книга, Вирхилио, мы говорим о книге...

– В сущности, Ариадна стала его Алисой, но вместо Страны чудес Маташ придумал жуткую, инфермальную Барселону ночных кошмаров. Город в романе – не менее важное действующее лицо, чем Ариадна. А может, и главное. Так вот, с развитием сюжета, в каждом новом выпуске эпопеи атмосфера нагнеталась. Само место действия, как и персонажи, встреченные Ариадной во время странствий, становилось все более зловещим. В последнем из известных романов серии, опубликованном уже в разгаре войны под заглавием «Ариадна и адские машины», по сюжету в осажденный город вторглась вражеская армия. В сравнении с описанной затем бойней падение Константинополя показалось бы комедией Толстого и Тонкого³⁰.

– Вы сказали, в последнем из известных романов?

– Существует версия, что после войны, накануне своего исчезновения, Маташ завершил девятую и последнюю книгу цикла. На самом деле, маститые коллекционеры уже давно предлагают солидное вознаграждение тому, кто раздобудет рукопись, но ее так и не нашли, насколько я знаю.

– А как исчез Маташ?

Вирхилио пожал плечами:

– Барселона после войны... Было ли более подходящее место, чтобы исчезнуть?

– А можно ли достать другие книги цикла?

Он допил «Тринаранхус» и медленно покачал головой.

– Это трудная задача. Я слышал, что десять или двенадцать лет назад два-три экземпляра обнаружили на дне ящика в неразобранных фондах библиотеки Сервантеса в Севилье, и за них дали отличную цену. В настоящий момент я предположил бы, что есть небольшой шанс найти кое-что в букинистическом магазине Косты в Вике или же в Барселоне. Прежде всего у Густаво Барсело и, если повезет, у Семпере, но я не стал бы обольщаться.

– Магазин «Семпере и сыновья»?

Вирхилио удивленно посмотрел на Алису:

– Вы его знаете?

– Понаслышке.

– Я бы начал с Барсело, поскольку он в основном работает с уникальными антикварными вещами и имеет хорошие связи с коллекционерами высокого уровня. Например, если у Косты есть такая книга, Барсело об этом известно точно.

²⁹ В готической новелле ирландского писателя Дж. Шеридана Ле Фаню «Кармилла» женщина-вампир испытывает безнадежную страсть к девушке Лоре.

³⁰ Стэн Лорел и Оливер Харди – популярный в Америке и Европе комедийный дуэт первой половины XX в.

- А упомянутый сеньор Барсело соизволит поговорить со мной?
- Частично он отошел от дел, но всегда найдет время для симпатичной девушки.
- Я сделаюсь красавицей!
- Жаль, что меня в этот момент не будет рядом, чтобы увидеть это. Вы не хотите рассказывать мне, в чем проблема?
- Я пока сама не понимаю.
- Могу попросить вас об одолжении?
- Разумеется.
- Когда история, которую вы раскручиваете, завершится, если она завершится, и вы из нее выберетесь невредимой, и книга все еще останется у вас, принесите ее мне. Я хотел бы провести некоторое время с ней наедине.
- Почему вы считаете, что я могу не уцелеть?
- Все, что связано с книгами серии «Лабиринта» Маташа, обычно заканчивается плохо.
- Еще одна легенда?
- Нет. На сей раз это правда.

В конце XIX века планетарный рельеф земли претерпел изменения. От материка отделился остров, принявший форму литературного кафе или салона единомышленников. С той поры, не подвластный времени, он скитался, став игрушкой течений в океане истории, по прекрасным бульварам иллюзорного Мадрида, пока не сел на мель, сверкая вывеской кафе «Хихон», в двух шагах от дворцового здания Национальной библиотеки. Там его можно найти и теперь. И он ждет, охотно предоставляя спасительный берег всем, кому грозит крушение и кто стремится к нему, обуреваемый жаждой духовной или земной пищи. Он подобен большим песочным часам, где за чашку кофе самые искушенные могут взглянуть в зеркало памяти и на мгновение поверить, что жизнь будет вечной.

Сгушались сумерки, когда Алисия пересекла бульвар, направляясь к дверям «Хихона». Варгас занял пост за столиком у окна, наслаждаясь своими иностранными сигаретами и наблюдая наметанным взглядом полицейского за прохожими. Заметив Алисию в дверях, он поднял голову и помахал ей рукой. Алисия села за столик и позвала официанта, пробежавшего мимо, заказав чашку кофе с молоком, мечтая с помощью горячего напитка изгнать холод, пробравший ее до костей в подвальных хранилищах библиотеки.

- Давно меня ждете? – спросила она.
- Всю жизнь, – отозвался Варгас. – Время потратили не зря?
- Пока не знаю. А вы?
- Не могу пожаловаться. Высадив вас, я поехал в издательство Вальса и нанес визит небезызвестному Пабло Каскосу Буэндиа. Вы были правы: в истории с ним определенно что-то нечисто.
- То есть?
- Сам Каскос оказался обыкновенным болваном. Однако с большим гонором.
- Чем глупее человек, тем он больше хорохорится.
- Для начала дружище Каскос устроил мне по высшему разряду турне по издательству, а затем принялся нахваливать дона Маурисио и его добродетели с таким жаром, будто от этого зависела его жизнь.
- Вероятно, вы недалеки от истины. Вокруг персон вроде Вальса всегда тучами роятся дармоеды и подхалимы.
- В нашем случае хватает с избытком каждой твари по паре. Каскоса я нашел встревоженным. Он что-то почуял и засыпал меня вопросами.
- Объяснил, зачем Вальс вызывал его в свою резиденцию?
- Мне пришлось надавить на него, поскольку Каскос не желал откровенничать.

– А вы еще меня укоряли!

– К чему лукавить, с сопляками и прохвостами я не церемонюсь.

– Дальше.

– Подождите, я взгляну на записи, там есть кое-что важное, – произнес Варгас. – Вот, нашел. Как выяснилось, в пору нежной юности дон Паблито был помолвлен с девушкой из хорошей семьи по имени Беатрис Агилар. Нареченная Беатрис дала ему отставку, когда бедняга служил в армии, и вышла замуж, как поговаривали, по причине грядущего материнства, за некоего Даниэля Семпере, сына владельца букинистической лавчонки в Барселоне «Семпере и сыновья». Той самой, которую почтил вниманием Себастьян Сальгадо, посетив ее несколько раз вскоре после освобождения из тюрьмы. Несомненно, он хотел наверстать упущенное, узнав обо всех литературных новинках, изданных за последние два десятка лет. Если помните, согласно рапорту, приложенному к досье, двое служащих упомянутого антикварного магазина, причем одним из них был Даниэль Семпере, следили за Сальгадо от дверей лавочки до Северного вокзала в день его кончины.

Глаза Алисии вспыхнули:

– Продолжайте, пожалуйста!

– Вернемся к разлюбезному сеньору Каскосу. Дело в том, что наш отвергнутый герой Каскос Буэндиа, младший лейтенант и рогоносец, надолго потерял связь со своей *paramour*³¹, прекрасной Беатрис. Кстати, Паблито клянется и божится, что она писаная красавица и в мире, где существует справедливость, она должна была достаться ему, а не оборванцу вроде Даниэля Семпере.

– Осли медом не кормят, – усмехнулась Алисия.

– Хотя я и не знаком лично с доньей Беатрис, но, проговорив полчаса с Каскосом, искренне рад за нее. Но это была преамбула. Теперь совершим путешествие во времени и вернемся к середине 1957 года, когда Пабло Каскос, в поисках работы разославший *curriculum vitae*³² и семейные рекомендации почти по всем испанским издательствам, получил неожиданное приглашение из издательского дома «Ариадна». Дон Маурисио Вальс, основавший предприятие в 1947 году, по сей день является его мажоритарным акционером и президентом. Каскоса вызвали на собеседование и предложили место в коммерческом отделе, а точнее, должность представителя в Арагоне, Каталонии и на Балеарских островах. С хорошей зарплатой и перспективами служебного роста. Пабло Каскос с восторгом согласился и приступил к работе. Через несколько месяцев в его кабинете вдруг появился Маурисио Вальс и пригласил пообедать в «Хоргер».

– Известное место!

– Каскосу показалось странным, что президент издательского дома и прославленный деятель испанской культуры приглашает на обед служащего среднего звена, как выразилась донья Мариана, в знаковый для славной Фасции ресторан, в подвалах которого, по слухам, погребена мумия Дуче. За аперитивами Вальс был весьма любезен и заметил, что слышал исключительно похвальные отзывы о человеческих качествах Каскоса и об его успешной работе в коммерческом отделе.

– И Каскос купился?

– Нет. Он придурок, но все же не настолько глуп. Каскос почуял неладное, заподозрив, что приглашение на работу, которое он принял с таким энтузиазмом, имеет тайную подоплеку. Вальс продолжал разыгрывать спектакль, пока не подали кофе. И тут, когда они уже стали друзьями не разлей вода и министр посулил Каскосу золотые горы и признался, что подумывает сделать его коммерческим директором издательства, был сделан ход конем.

³¹ Возлюбленная (англ.).

³² Ход жизни (лат.), а также резюме или краткая биография с упоминанием профессиональных навыков.

- Маленькое одолжение?
- Точно. Неожиданно Вальс изъяснился в любви к книжным магазинам в целом, как к столпам и заповедным храмам литературы, и к лавочке Семпере в частности. К ней он якобы питал сентиментальную привязанность.
- Не пояснил причин своей симпатии?
- Нет, однако проявил нескрываемый интерес к семейству Семпере, в особенности к давнему другу Исабеллы, супруги владельца магазина и матери Даниэля.
- Вальс был знаком с этой дамой, Исабеллой Семпере?
- Насколько понял Каскос, не только с Исабеллой, но также и с ее близким другом. Угадайте, кто он? Некий Давид Мартин.
- Невероятно.
- Любопытно, правда? Загадочный персонаж, которого министр обсуждал в давнем разговоре со своим преемником на посту коменданта крепости Монтжуик. Именно его имя вспоминала донья Мариана.
- Продолжайте!
- Далее Вальс доходчиво объяснил, что именно ему нужно. Министр был бы весьма признателен, если бы Каскос, пустив в ход обаяние, находчивость и прежнюю любовь к Беатрис, возобновил с ней отношения и, скажем так, навел сожженные мосты.
- То есть соблазнил ее?
- Образно говоря.
- Для чего?
- Чтобы выяснить, жив ли еще человек по имени Давид Мартин и не пытался ли он хоть раз связаться с семьей Семпере за истекшие двадцать лет.
- А почему Вальс не захотел узнать это непосредственно у Семпере?
- Такой же вопрос задал ему и Каскос.
- Что же министр ответил?
- Мол, дело отличается деликатностью. По причинам, не имеющим отношения к теме беседы, он предпочел бы сначала прозондировать почву, чтобы понять, насколько основательны его предположения, что Мартин тихо живет себе где-то.
- Что же случилось дальше?
- А дальше Каскос, не теряя времени даром, принялся сочинять высокопарные письма своей бывшей возлюбленной.
- Он дождался ответа?
- Ах, проказница, как вас занимают хитросплетения любви...
- Варгас, сосредоточьтесь!
- Извините. Отвечаю. Сначала нет. Беатрис, молодая мать и жена, игнорировала авансы незадачливого донжуана. Но Каскос не сдавался, вообразив, будто ему представилась уникальная возможность вернуть то, что у него отняли.
- Брак Даниэля и Беатрис дал трещину?
- Кто знает? Супруги еще почти дети. Поженились поспешно, обременив себя ребенком до посещения священника... Хрупкое основание для идиллии. Но тянулись недели, а Беатрис не отвечала на цветистые излияния Каскоса. И Вальс стал проявлять нетерпение. Каскос занервничал. Вальс, изъясняясь намеками, выставил ему ультиматум. И тогда Каскос написал последнее письмо, вызвав Беатрис на тайное свидание в апартаменты отеля «Ритц».
- Беатрис пришла?
- Нет. Зато явился Даниэль.
- Ее муж?
- Он самый.
- Беатрис рассказала ему о письмах?

– Или он их нашел самостоятельно... Несущественно. А существенно то, что Даниэль Семпере явился в «Ритц». И когда Каскос кокетливо встретил его в надушенном банном халате, тапочках и с бокалом шампанского в руке, наш дружок Даниэль отделал его до неузнаваемости.

– Мне нравится этот Даниэль!

– Не спешите. По словам Каскоса, у которого еще побаливает личико, Даниэль едва его не прикончил и несомненно преуспел бы в своем начинании, если бы экзекуцию не прервал местный полицейский, вовремя заглянувший в номер.

– Как это?

– Последний факт настораживает. Лично мне кажется, что полицейского изобразил сообщник Даниэля Семпере.

– А потом?

– Каскос бежал в Мадрид, поджав хвост, с лицом, напоминавшим пасхальную торриху, и содрогаясь от ужаса при мысли о грядущем докладе Вальсу.

– Что сказал министр?

– Он выслушал его молча, а затем заставил поклясться, что Каскос не расскажет никому о неприятном происшествии, а тем более о его просьбе.

– Этим дело и закончилось?

– Вроде бы. Однако за несколько дней до исчезновения Вальс назначил Каскосу новую встречу в своей частной резиденции. Он не уточнил тему беседы, но, вероятно, речь опять зашла бы о семействе Семпере, Исабелле и неуловимом Давиде Мартине.

– В результате встреча не состоялась.

– Вот и весь улов, – заключил Варгас.

– Что мы знаем о Давиде Мартине? Вы успели что-нибудь раскопать о нем?

– Мало. Но то, что мне удалось выяснить, обнадеживает. Забытый ныне писатель и, обратите внимание, заключенный, находившийся в замке Монтжуик с 1939 по 1941 год.

– То есть он там был одновременно с Вальсом и Сальгадо, – произнесла Алисия.

– Сокамерники, как говорится.

– Что произошло с Давидом Мартином после 1941 года, когда он вышел из тюрьмы?

– В полицейской картотеке он значится как пропавший без вести и убитый при попытке к бегству.

– Что это означает в переводе?

– Возможно, Мартин был казнен без суда и похоронен в ближайшей канаве или братской могиле.

– По приказу Вальса?

– Скорее всего. В то время только он имел право и возможность отдать подобное распоряжение.

Алисия несколько мгновений обдумывала полученную информацию.

– Зачем Вальсу понадобилось разыскивать умершего человека, которого он сам отправил на тот свет?

– Порой мертвые не успокаиваются. Перечитайте Сиду.

– Значит, Вальс считает, будто Мартин жив...

– Наверное.

– Жив и жаждет мести. Похоже, он был кукловодом, управлявшим из тени Сальгадо, подкарауливая момент, чтобы взять реванш.

– Старая дружба, завязавшаяся в тюрьме, не забывается легко, – заметил Варгас.

– Но что могло связывать Мартина с семьей Семпере?

– Что-то такое было, тем более что сам Вальс не позволил полиции потянуть за эту ниточку, предпочитая подключить к частному расследованию Каскоса.

– Вдруг «что-то» и есть ключ к разгадке?

– Ну, разве мы не прекрасная команда?

Алисия заметила усмешку, притаившуюся в уголках губ Варгаса.

– Что еще?

– Вам мало?

– Выкладывайте.

Варгас закурил и с наслаждением затянулся, созерцая, как колечки дыма скользят между его пальцев.

– Итак, пока вы укрепляли дружеские связи и после того, как моими усилиями дело было практически раскрыто, чтобы вам достался лавровый венок, я зашел в управление и забрал письма заключенного Себастьяна Сальгадо. Затем позволил себе смелость проконсультироваться с моим приятелем Сигесом, который служит в нашей конторе графологом. Не беспокойтесь, я не сообщал ему, в чем проблема, да он и не спрашивал. Я показал ему четыре записки, выбранные наугад. Внимательно изучив тексты, Сигес сделал вывод, что автор не может быть праворуким, судя по особенностям в написании тильды³³, примерно четырнадцати букв и свя-зок. Как-то такие вещи определяют по наклону, нажиму, изменению яркости чернил на бумаге и прочее.

– Ну и что это нам дает?

– Факт, что человек, писавший Вальсу письма с угрозами, левша.

– И что?

– А то, что если вы улучите минутку, чтобы прочитать отчет о наружном наблюдении за Себастьяном Сальгадо, которое за ним вела полиция Барселоны после досрочного освобождения из тюрьмы в январе прошлого года, то там черным по белому написано, что объект потерял левую руку во время заключения и носил фарфоровый протез. Похоже, кто-то распускал руки на допросах, если позволите небольшой каламбур.

Варгасу показалось, что Алисия собиралась что-то ответить, но промолчала. Взгляд у нее стал отсутствующим. Она побледнела, и Варгас заметил, что ее лоб покрылся испариной.

– В любом случае, Сальгадо не мог написать анонимки. Алисия, вы меня слушаете? С вами все в порядке?

Она вдруг встала и надела пальто.

– Алисия!

Она взяла со стола папку с письмами, предположительно написанными Сальгадо, и перевела на Варгаса остекленевший взор.

– Алисия!

Она повернулась и направилась к выходу, а Варгас растерянно смотрел ей вслед.

15

Боль сделалась невыносимой, как только Алисия вышла на улицу. Она не хотела, чтобы Варгас увидел ее в столь жалком и беспомощном состоянии. И не только он. Начинавшийся приступ был из самых тяжелых. Проклятый мадридский холод. Дневная доза лекарства позволила лишь выиграть немного времени. Алисия попыталась притерпеться к первым волнам боли, обжигавшим бедро. Медленно и глубоко втягивая воздух, она продолжала идти, примириваясь к каждому шагу, но не добралась даже до площади Сибелес. Пришлось остановиться, ухватившись за фонарный столб, и переждать, пока отпустит скрутившая ногу судорога, при-

³³ Один из диакритических знаков; имеет вид волнистой черты. В испанском языке употребляется надстрочная тильда в букве Энье – Бñ. Соответствует звуку «нь».

чинявшая невыносимые муки, будто сквозь кости пропускали электрический ток. Алисия ощущала присутствие других людей – они проходили мимо, искоса поглядывая на нее.

– Вам нехорошо, сеньорита?

Она покачала головой. Немного отдышавшись, Алисия остановила такси и попросила отвезти ее к гостинице «Испания». Водитель взглянул на нее с легким беспокойством, но промолчал. Стемнело, и свет от фонарей на Гран-Виа уже разливался на все четыре стороны среди безликой толпы – служащих, покидавших унылые конторы и возвращавшихся домой, и тех, кому идти было некуда. Алисия прижалась лицом к стеклу и закрыла глаза.

Машина притормозила у подъезда «Испании», и Алисия попросила таксиста помочь ей выйти. Она дала ему щедрые чаевые и побрела в холл, опираясь на стену. Едва увидев, как Алисия вошла, Маура, портье, моментально вскочил и бросился к ней. На его лице отразилась тревога. Он обнял ее за пояс, поддерживая, и довел до лифтов.

– Что, опять? – спросил Маура.

– Сейчас пройдет. Это все погода...

– Вы очень плохо выглядите. Вызвать вам врача?

– Нет. В комнате у меня есть нужное лекарство.

Маура кивнул, хотя ее заверения его не успокоили. Алисия похлопала его по руке:

– Вы верный друг, Маура. Я буду скучать.

– Переезжаете в другое место?

Она улыбнулась и скользнула в лифт, пожелав портье спокойной ночи.

– Кстати, у вас гости! – сообщил Маура, когда двери уже закрылись.

Хромая и хватаясь за стены, Алисия заковыляла к себе в комнату по длинному темному коридору. С двух сторон его обрамляли десятки запертых дверей пустовавших номеров. В такие вот мрачные вечера ее одолевали подозрения, что она осталась последней живой обитательницей этажа. При этом не покидало ощущение, будто за ней наблюдают. Порой, замирая в сумраке, Алиса словно ощущала кожей дыхание вечных жильцов отеля и прикосновение бестелесных пальцев к лицу. У дверей своего номера, расположенного в конце коридора, она помедлила, пытаясь справиться с дыханием.

Открыв дверь, Алисия не стала зажигать свет. Неоновые афиши кинотеатров и театров на Гран-Виа заливали комнату волнистым голубоватым маревом, подсвечивая сумерки и создавая атмосферу кинозала, где показывают цветной фильм. В кресле, спиной к двери, сидел человек. В его руке тлела сигарета, и спирали дыма сплетались в воздухе причудливыми арабесками.

– Я надеялся, что ты придешь ко мне на исходе вечера, – произнес Леандро.

Пошатываясь, Алисия добралась до кровати и рухнула на нее, полностью обессиленная. Леандро повернулся и вздохнул, покачивая головой:

– Приготовить тебе лекарство?

– Я ничего не хочу.

– Это форма искупления за грехи или ты получаешь удовольствие от напрасных страданий?

Он поднялся и подошел к ней:

– Позволь, я посмотрю.

Наклонившись, бесстрастно, как дипломированный врач, Леандро ощупал ее бедро.

– Когда ты кололась в последний раз?

– Сегодня днем. Десять миллиграммов.

– Ради такой дозы не следовало даже братья за шприц.

– Возможно, двадцать.

Он негромко выругался и направился в ванную комнату. Достав из аптечного шкафчика металлическую коробку, вернулся к Алисии. Присев на край кровати, Леандро открыл стерилизатор и принялся готовить инъекцию.

– Мне не нравится, когда ты ведешь себя так неосмотрительно.

– Это моя жизнь.

– Когда ты жестоко истязал себя, она становится и моей. Повернись.

Алисия зажмурилась и перекатилась на бок. Леандро поднял ей до пояса юбку, расстегнул пружки ортопедического бандажа и снял его. Алисия застонала от боли. Крепко зажмурившись, она тяжело и прерывисто дышала.

– От подобного зрелища мне еще хуже, чем тебе, – сказал Леандро.

Он надавил рукой на искалеченное бедро, прижимая к постели. Алисию сотрясала дрожь. Она глухо взвыла, когда Леандро воткнул иголку в зажившую рану, и тело ее напряглось, как натянутая струна. Он медленно вытянул иглу и бросил шприц на кровать. Постепенно ослабив давление на больную ногу, плавно перевернул Алисию на спину. Поправив платье, Леандро мягко уложил ее голову на подушку. Лоб у Алисии взмок от пота. Он достал платок и вытер ей лицо. Она посмотрела на него остекленевшим взглядом:

– Который час?

Леандро погладил ее по щеке:

– Скоро пройдет. Отдохни.

16

Проснувшись в затененной комнате, Алисия увидела силуэт Леандро, выделявшийся в кресле рядом с кроватью. Он держал в руках роман Виктора Маташа и читал его. Алисия почти не сомневалась, что, пока она спала, Леандро тщательно обследовал ее карманы, сумку и, вероятно, все ящики в номере, от первого до последнего.

– Тебе лучше? – спросил он, не отрывая взгляда от страницы.

– Да, – кивнула она.

Пробуждение всегда сопровождалось удивительной ясностью мыслей и ощущением, будто по венам в ее теле медленно растекается студеное желе. Леандро укрыл Алисию пледом. Ощупав себя, она определила, что лежит в том платье, в каком проходила весь день. Приподнявшись, села и прислонилась спиной к изголовью кровати. Боль давала о себе знать слабым и тупым покалыванием, скованным холодом. Наклонившись вперед, Леандро протянул ей стакан. Алисия сделала два глотка и сообразила, что он дал ей какое-то питье, а не воду.

– Что это?

– Выпей.

Алисия проглотила напиток. Леандро закрыл книгу и положил ее на стол.

– Я по-прежнему не понимаю твоих литературных вкусов, Алисия.

– Я нашла эту книгу в тайнике письменного стола в кабинете Вальса.

– Тебе кажется, что она имеет отношение к нашему делу?

– В настоящий момент я не исключаю любую вероятность.

– Ты заговорила как Хиль де Партера. Как тебе новый напарник?

– Варгас? Вроде толковый.

– Ему можно доверять?

Алисия пожала плечами.

– Начали мы с того, что ты не доверяла даже собственной тени. Неужели твое нынешнее сомнение следует расценивать как сигнал, что ты постепенно укрепляешься в вере в нашу государственную систему?

– Понимайте как хотите, – отозвалась она.

– Мы все еще в состоянии войны?

Алисия со вздохом покачала головой.

– Я пришел не со светским визитом. Меня ждут дела и люди, собравшиеся к ужину в «Паласе». Что ты можешь рассказать?

Алисия лаконично описала основные события минувшего дня и предоставила Леандро возможность в тишине тщательно проанализировать все детали, подводя итог, как он обычно делал. Леандро встал и приблизился к окну. Она смотрела на неподвижный силуэт, отчетливо вырисовывавшийся на фоне огней Гран-Виа. Бесформенное туловище с хилыми руками и ногами добавляло ему сходства с пауком, затаившимся в своей паутине. Алисия не мешала размышлениям шефа, давно усвоив, что Леандро нравилось тянуть время, неторопливо складывая разрозненные фрагменты картины воедино и выстраивая версии. Он наслаждался каждой мелочью и прикидывал, как обратить ее во вред с наибольшим эффектом.

– Полагаю, ты не уведомила секретаршу Вальса, что нашла эту книгу и намерена забрать ее, – наконец произнес Леандро.

– Нет. Только Варгасу известно, что она у меня.

– Было бы хорошо, если бы такой расклад сохранился. Как тебе кажется, ты сможешь уговорить его не сообщать о находке начальству?

– Да. По крайней мере несколько дней.

Леандро усмехнулся с оттенком раздражения. Отойдя от окна, он вернулся в кресло. Удобно устроившись и положив ногу на ногу, Леандро потратил некоторое время, изучая Алисию взглядом патологоанатома.

– Мне бы хотелось, чтобы тебя посмотрел доктор Вальехо.

– Мы уже говорили об этом.

– Он лучший специалист в стране.

– Нет.

– Пожалуйста, сделай, как я прошу. Речь лишь о консультации, без всяких обязательств.

– Нет.

– Если ты и дальше собираешься изъясняться односложно, скажи хотя бы что-то другое для разнообразия.

– Ладно.

Леандро снова взял со стола книгу и, перелистывая ее, улыбнулся.

– Вам смешно?

– Нет. На самом деле у меня волосы встают дыбом. Я лишь подумал, что эта книга в твоём духе, как на заказ.

Леандро листал роман со скептическим выражением лица, временами задерживая внимание то на одной странице, то на другой. Вскоре он вернул томик Алисе и в упор посмотрел на нее. Взгляд у него сделался иезуитским, как у тех священников, кто чувствует грех раньше, чем он оформился в мыслях, и налагает епитимью не моргнув глазом.

– Столь важный ужин в «Паласе», наверное, уже остыл, – заметила Алисия.

И заслужила индульгенцию от Леандро.

– Лучше не вставай, отдохни. Я оставил тебе десять флаконов по сто миллиграммов в аптечке в ванной.

Она гневно сжала губы, но промолчала. Леандро кивнул и двинулся к двери. Прежде чем покинуть комнату, задержался и погрозил ей пальцем.

– Не делай глупостей! – предупредил он.

Алисия молитвенно сложила руки и улыбнулась.

Освободившись от общества Леандро и исходившей от него властной силы, которая всегда выводила ее из равновесия, Алисия задвинула щеколду, встала под душ и минут сорок расслаблялась в клубах теплого пара под струями горячей воды. Смывая с себя усталость и дневные заботы, она не удосужилась включить электричество, довольствуясь слабым светом, проникавшим сквозь окошко ванной комнаты. Наверное, котлы «Испании» были погребены где-то в недрах преисподней, и гудевшие металлические трубы за стенами выводили гипнотическую мелодию. Почувствовав, что скоро кожа начнет слезать с нее лоскутами, Алисия закрыла воду и постояла немного в ванной, прислушиваясь к звукам капли из крана и шуму проезжавших по Гран-Виа машин.

Позднее, завернувшись в полотенце и взяв бокал белого вина, она растянулась на кровати с пухлым досье, которое вручил ей утром Хиль де Партера, и папкой с угрожающими письмами министру Вальсу, возможно, написанными Себастьяном Сальгадо или погибшим, по неподтвержденным данным, Давидом Мартином.

Алисия начала с изучения досье, сопоставляя все, что увидела и услышала за день, с официальной версией полицейского управления. Как обычно, когда речь шла о полицейских рапортах, их содержание представляло небольшую ценность. Интереснее всего было то, что оставалось за скобками. Официальный отчет по делу о предполагаемом покушении на министра в Обществе изящных искусств был в своем роде шедевром, полностью скроенным из диковинных предположений, не подкрепленных фактами. В донесении не было зафиксировано ни одного бесспорного подтверждения слов Вальса, который якобы заметил среди публики в зале неизвестного человека, угрожавшего расправиться с ним. Особый колорит делу придавали так называемые показания одного из предполагаемых свидетелей предполагаемого покушения о предполагаемом злоумышленнике, которого предположительно видели за кулисами, причем половину его лица закрывало подобие маски. Алисия фыркнула с отвращением.

– Вот только Зорро нам не хватало, – пробормотала она.

Вскоре ей надоело возиться с документами, явно сфабрированными, чтобы придать досье пристойный вид, выдав его за материалы оперативного расследования. Она отложила папку в сторону и решила познакомиться с анонимными посланиями.

Алисия насчитала около дюжины листков желтоватой бумаги с россыпью витиеватых каракуль. Письма были короткими – самое пространное из них состояло всего из двух скупых абзацев. Их писали старой ручкой: перо выпускало чернила неравномерно, из-за чего толстые, насыщенные линии тесно соседствовали с едва заметными штрихами, порой напоминавшими царапины на бумаге. Нетвердая рука, наверное, мешала выводить слоги слитно, и потому казалось, будто текст набирали буква за буквой. По содержанию, смыслу и стилю письма повторялись практически дословно. Автор напоминал о «правде», «детях смерти» и встрече у «входа в лабиринт». Вальс получал анонимки много лет, и лишь недавно нечто побудило его к действию.

– Но что? – прошептала Алисия.

Ответ почти всегда нужно искать в прошлом. Простая истина стала одной из первых, вынесенных ею из уроков Леандро. Однажды, возвращаясь с похорон кого-то из руководителей Бригады социальных расследований, наставник произнес эту фразу. Алисия сопровождала Леандро по его настоянию, поскольку он рассматривал подобный опыт как часть профессиональной подготовки. Основная мысль Леандро заключалась в том, что прошлое человека, начиная с определенного момента в жизни, безусловно предопределяет его будущее.

– Разве это не очевидно? – с недоумением спросила тогда она.

– Ты удивилась бы, узнав, как часто люди ищут в своем настоящем или будущем ответы, которые находятся в прошлом.

Леандро питал склонность к сентенциям. В тот момент Алисия решила, что он имел в виду покойного или даже самого себя и ту темную волну, какая вынесла его на берег власти, как и многих других почтенных людей, авторов мрачной архитектуры государственной системы. Избранных, как их стали называть со временем. Тех, кто вечно плывал в мутной воде, подобно отбросам. Плеяду победителей, казалось, рожденных не женщиной, а появившихся из гнили, толстым слоем растекавшейся по городам и весям, – как река крови, хлеставшая из водосточных труб. Алисия осознавала, что позаимствовала образ из книги, найденной в кабинете Вальса: кровь, сочившаяся из водостоков, постепенно затопила улицы. *Лабиринт*.

Алисия уронила письма на пол и закрыла глаза. Холод в венах от ядовитого лекарства всегда открывал мрачные тайники в ее сознании. Такую цену она платила за избавление от боли. Леандро знал об этом. Понимал, что под покровом холода, куда не проникала боль, она обретала особые способности видеть сквозь сумрак, слышать и ощущать то, что прочие не могли даже вообразить, прикасаться к тайнам, которые другие считали надежно погребенными. Леандро чувствовал, что всякий раз, когда Алисия погружалась в глубину черного омута и возвращалась с трофеем в руках, она оставляла там, на дне, часть души и кожи. И ненавидела его за это. Ненавидела с яростью, со страстью существа, знающего, кто его создал и кому оно обязано своими страданиями.

Алисия резко встала и направилась в ванную комнату. Открыв маленький шкафчик за зеркалом, увидела ряд флаконов, выстроенных как по ниточке, которые оставил ей Леандро. Его награда. Алисия сгребла в горсть склянки и с силой швырнула их в раковину. Прозрачная жидкость вытекла из разбитого стекла.

– Сукин сын, – пробормотала она.

И почти сразу затрезвонил телефон в комнате. Несколько мгновений Алисия разглядывала свое отражение в зеркале. Она ждала звонка. Вернувшись в спальню, подняла трубку и, не сказав ни слова, стала слушать.

– Нашли машину Вальса, – сообщил Леандро.

Алисия хранила молчание.

– В Барселоне, – наконец произнесла она.

– Да.

– И никаких следов Вальса.

– Как и его телохранителей.

Алисия присела на кровать, отрешенно уставившись на рассеянный свет, проникавший сквозь стекло с улицы.

– Алисия! Ты еще слушаешь?

– Я выезжаю первым утренним поездом. Кажется, он уходит с вокзала Аточи в семь часов.

Она услышала вздох Леандро и представила, как он вальяжно разлегся на кровати в апартаментах «Паласа».

– Я не уверен, что это хорошая идея, Алисия.

– Вы предпочитаете полностью предоставить дело полиции?

– Меня беспокоит, что ты будешь одна в Барселоне. Не самое безопасное место для тебя.

– Ничего страшного не случится.

– Где ты остановишься?

– Где мне еще останавливаться?

– Квартира на улице Авиньон... – со вздохом произнес Леандро. – Почему бы не поселиться в хорошем отеле?

– Там – мой дом.

– Твой дом здесь.

Алисия обвела взглядом комнату, служившую ей тюрьмой последние годы. Только Леандро могло прийти в голову назвать этот облезлый саркофаг домом.

- Варгас уже в курсе?
- Новость поступила из полицейского управления. Если он пока не знает, то наверняка услышит рано утром.
- Еще что-нибудь?
- В трубке раздалось тяжелое дыхание Леандро.
- Я хочу, чтобы ты обязательно звонила мне каждый день.
- Договорились.
- Обязательно.
- Хорошо. Спокойной ночи.
- Алисия собиралась положить трубку, когда из микрофона вновь раздался голос Леандро.
- Она опять поднесла трубку к уху.
- Алисия!
- Что?
- Будь осторожна!

18

Алисия всегда знала, что когда-нибудь вернется в Барселону. И то, что это произойдет под занавес службы у Леандро, добавляло сюжету оттенок иронии, что наверняка не ускользнуло от внимания наставника. Она живо представила, как он задумчиво бродит по роскошным апартаментам «Паласа», поглядывая на телефон и преодолевая искушение снова позвонить ей и запретить уезжать из Мадрида. Леандро не нравилось, когда марионетки пытались разорвать свои путы. Многие из тех, кто стремился освободиться, на собственном опыте убедились: эта стезя не для любителей историй со счастливым концом. Но Алисия всегда находилась на особом положении. Она была любимицей Леандро. Его шедевром.

Налив себе второй бокал белого вина, Алисия улеглась на кровать в ожидании звонка, испытывая соблазн отключить телефон. В последний раз, когда она это проделала, две его куклы незамедлительно возникли у нее на пороге, чтобы отконвоировать в холл гостиницы, где ее встретил Леандро. В таком состоянии Алисия прежде его не видела: он осунулся и, утратив обычное спокойствие, сильно волновался. Тогда Леандро посмотрел на нее с жарким чувством, к которому примешивалось подозрение, словно разрываясь между желанием обнять и приказывать своим прихвостням забить ее на месте прикладами. «Больше со мной так не поступай», – предупредил он в тот вечер, два года назад.

Алисия ждала звонка Леандро до глубокой ночи, но он не перезвонил. Наверное, действительно очень хотел найти Вальса, чтобы угодить важным персонам в высших государственных сферах, если согласился приоткрыть дверцу ее клетки. Зная точно, что оба они не сомкнут глаз нынешней ночью, Алисия решила спрятаться в единственном на свете уголке, где Леандро не мог до нее дотянуться. На страницах книги. Взяв со стола черный томик, вызволенный из тайника в кабинете Вальса, она открыла его, решив познакомиться с внутренним миром Виктора Маташа.

Почитав первый абзац, Алисия забыла, что держит в руках вещественное доказательство. Одурманенная фимиамом слов, вскоре она растворилась в литературном пространстве романа, наслаждаясь богатством образов и тончайшими оттенками смыслов, которыми изобиловала история приключений Ариадны в недрах другой, зачарованной Барселоны. Произведение как будто строилось по канонам музыкальной метрики. Художественная ткань повествования, сотканная из ювелирной вязи слов, позволяла воображению рисовать объемные картины, насыщенные красками и полутонами. Алисия читала около двух часов, не в силах оторваться, упиваясь каждой фразой и мечтая, чтобы книга не заканчивалась. Перевернув последнюю страницу, она увидела иллюстрацию с изображением занавеса, опускавшегося на сцену, где рас-

творялся в зернистых сумерках текст. Алисия закрыла книгу, прижала ее к груди и прилегла в темноте, все еще мысленно блуждая вместе с Ариадной по лабиринту.

Не избавившись до конца от власти чар удивительной истории, она закрыла глаза и попробовала задремать. Ее воображение будоражила картина, как Вальс у себя в кабинете прячет книгу под ящиком в недрах дубового стола и выбрасывает ключ. Из множества вещей, которые мог бы положить в тайник накануне исчезновения, Вальс выбрал именно эту книгу. Постепенно тело наливалось тяжестью – накопившаяся усталость давала о себе знать. Размотав полотенце, Алисия нагая скользнула под простыни. Она улеглась на бок, свернувшись калачиком и стиснув коленями сплетенные руки. Неожиданно Алисии пришло в голову, что она, возможно, в последний раз ночует в комнате, которая долгие годы служила ей темницей. Она тихо лежала, замерев в ожидании, прислушиваясь к шорохам и стенаниям отеля, уже предчувствовавшего разлуку.

Алисия встала незадолго до рассвета, как раз вовремя, чтобы успеть сложить в чемодан самые необходимые вещи. Остальное имущество она оставляла в дар невидимым обитателям отеля. Окинув взглядом свою маленькую крепость из книг, лежавших вдоль стен, она грустно улыбнулась. Маура не даст пропасть ее друзьям.

Ранним утром Алисия прошла через холл, не желая прощаться с заблудшими душами «Испании». Она уже приближалась к двери, когда услышала за спиной голос Мауры:

– Значит, это правда. Вы уезжаете.

Алисия повернулась. Маура стоял, опираясь на швабру, которая была длиннее, чем он сам, и улыбался сквозь слезы. В его глазах отражалась бесконечная печаль.

– Я еду домой, Маура.

Портье кивнул:

– Правильно делаете.

– Я оставила наверху свои книги. Возьмите себе.

– Я их сохранию.

– И одежду тоже. Кому-нибудь она придется впору.

– Я отнесу ее в Каритас, поскольку тут полно бессовестных сопляков, а я не хотел бы, чтобы прохвост Валенсуэла сунулся ко мне и вынюхивал, чего не следует.

Алисия шагнула к нелепому человечку и обняла его.

– Спасибо за все, – шепнула она ему на ухо. – Вас мне будет не хватать.

Маура бросил швабру на пол и обхватил Алисию дрожащими руками.

– Забудьте о нас, как только приедете домой, – посоветовал он.

Алисия собиралась поцеловать его в щеку на прощание, но Маура, рыцарь печального образа и старой закалки, протянул ей руку. Она пожала ее.

– Наверное, позвонит человек по имени Варгас и спросит меня...

– Не беспокойтесь. Я вас не подведу. Идите, уезжайте!

Алисия села в такси, дежурившее у дверей, и велела водителю отвезти ее на вокзал Аточа. Город окутывала свинцово-серая пелена, и стекла в машине были покрыты инеем. Таксист, выглядевший как человек, просидевший всю ночь – или даже целую неделю – за рулем и не выпавший из реальности только благодаря окурку, зажатому в зубах, взглянул на пассажирку в зеркальце заднего обзора.

– Поездка туда и обратно? – спросил он.

– Не знаю, – призналась она.

Приехав на вокзал, Алисия убедилась, что Леандро опередил ее. Он сидел за столиком в одном из кафетериев рядом с билетными кассами и читал газету, поигрывая кофейной ложечкой. В нескольких метрах от него у колонн заняли наблюдательный пост два его цербера. Заметив Алисию, Леандро сложил газету и добродушно улыбнулся.

– Крик петуха утра не делает, – заметила она.

– Балагурить тебе не к лицу. Садись. Ты позавтракала?

Алисия покачала головой и присела за столик. Она не хотела начинать препирательство с Леандро именно в тот момент, когда перед ней замаячила реальная перспектива очутиться от него на расстоянии в шестьсот километров.

– Смертным свойственно обзаводиться простыми привычками, которые и тебе не повредили бы. Например, завтракать или иметь друзей.

– У вас много друзей, Леандро?

От Алисии не ускользнул стальной блеск, появившийся в глазах шефа, – молчаливое предостережение. Она опустила голову и послушно взяла песочный коржик и чашку кофе с молоком, поданные официантом по просьбе Леандро. Под его пристальным взглядом пригубила кофе.

Шеф вынул из-под пальто конверт и передал его Алисии:

– Я забронировал одноместное купе первого класса. Надеюсь, ты оценишь комфорт. Тут также немного денег. Остальную сумму переведу на счет «Испано». Если понадобится еще, дай мне знать.

– Спасибо.

Алисия откусила кусочек от коржика, сухого и жесткого. Проглотила она его с трудом. Леандро внимательно наблюдал за ней. Алисия покосилась на висевшие под потолком часы.

– Еще десять минут, – произнес он. – Успокойся.

Пассажиры потянулись в сторону перрона. Алисия обхватила чашку обеими руками. Обоюдное молчание было мучительным.

– Спасибо, что пришли попрощаться, – выдавила она.

– Значит, мы сейчас прощаемся?

Алисия качнула головой. Так, не обменявшись ни словом, они просидели еще несколько минут. Наконец, когда она думала, что чашка, которую сжимала в ладонях, разлетится на мелкие осколки, Леандро встал, застегнул пальто и спокойно завязал шарф. Натянув кожаные перчатки и доброжелательно улыбнувшись, он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. Его губы были прохладными, а дыхание отдавало мятой. Алисия не пошевелинулась, не осмеливаясь даже вздохнуть.

– Я хочу, чтобы ты звонила каждый день. Как часы. Начиная с нынешнего вечера, сразу, как приедешь, чтобы я знал, что все в порядке.

Она не ответила.

– Алисия!

– Каждый день, как часы, – повторила она.

– Излишняя ирония.

– Прошу прощения.

– Как твоя нога? Болит?

– Лучше. Намного лучше.

Леандро извлек из кармана пальто флакон и протянул ей.

– Знаю, ты не любишь пить лекарства, но ты еще скажешь мне спасибо. Оно полегче, чем то, что предназначено для инъекций. Одну пилюлю, не более. Не принимать на голодный желудок. И не употреблять с алкоголем.

Алисия взяла флакон и положила в сумочку. Она не собиралась вступать с Леандро в спор.

– Спасибо.

Он кивнул ей на прощание и направился к выходу, вышагивая между своими телохранителями.

Поезд замер в ожидании под сводчатой крышей вокзала. Молоденький проводник, лет двадцати, проверил у Алисии билет у выхода на перрон и отвел к вагону первого класса, нахо-

дившемуся в начале поезда и пустовавшему. Заметив, что пассажирка прихрамывает, молодой человек помог ей подняться в вагон и проводил до купе. Там он положил чемодан на багажную полку и поднял шторку на окне. Стекло запотело, и проводник протер его рукавом форменного пиджака. Пассажиры скользили по перрону, превратившемуся в зеркало от влажного дыхания раннего утра. Алисия дала проводнику чаевые, и он удалился с поклоном, закрыв за собой дверь купе.

Она упала на сиденье, в прострации глядя на огни вокзала. Вскоре поезд тронулся, и Алисия расслабилась, почувствовав мягкое покачивание вагона. В ее воображении возник Мадрид, утонувший в плотном тумане, сквозь который пробиваются первые лучи рассвета. И тут она увидела его: Варгас бежал по перрону, пытаясь догнать поезд. В отчаянном и безнадежном порыве он почти дотянулся пальцами до железного бока вагона и встретился с непроницаемым взглядом Алисии, равнодушно смотревшей на него из окна. Наконец Варгас сдался. Задышавшись, он остановился, согнувшись и уперевшись руками в колени, с горькой усмешкой на губах.

Столица исчезала вдаль, и вскоре поезд выехал на бескрайний простор равнины, терявшейся за горизонтом. Алисия ощутила, что там, за стеной темноты, Барселона уже почуяла ее запах, принесенный ветром. Она представила, как город раскрывается навстречу, подобно лепесткам черной розы. На мгновение ею овладело покорное смирение перед лицом неизбежности, которое служит утешением проклятым. «А может, – подумала она, – лишь сказывается усталость». Это уже было неважно. Алисия закрыла глаза и отдалась во власть сна, в то время как поезд, разрывая сумерки, мчался к лабиринту призраков.

Город миражей

Барселона, декабрь 1959

1

Холод. Холод, безжалостно жаливший кожу, впивался в тело и пронизывал кости. Влажный холод, от которого сводило мускулы и обжигало внутренности. Холод. Очнувшись, Вальс не мог думать ни о чем другом.

Темнота вокруг была почти полной. Лишь сверху намечался слабый просвет – будто тусклый блик, попав в омут сумрака, растворился в нем, искрящейся пылью обозначив пределы окружающего пространства. Глаза Вальса приспособились к потемкам, и он различил очертания помещения размером с чулан. Голые каменные стены сочились сыростью, и влага матово поблескивала во мгле. Казалось, камни обливаются черными слезами. Пол представлял собой сплошную скальную плиту, покрытую лужами застоявшейся субстанции, к воде не имевшей никакого отношения. Воздух был пропитан смрадом. Впереди угадывалась решетка из толстых ржавых прутьев, а за ними – ступени лестницы, поднимавшейся вверх и пропадавшей в темноте.

Он находился в камере.

Вальс предпринял попытку встать, однако ноги его не держали. Удалось сделать один шаг, затем колени подогнулись, и он рухнул на бок. Ударившись головой об пол, выругался. Восстанавливая дыхание, Вальс лежал несколько минут, прижавшись щекой к липкой корке, покрывавшей пол тонким слоем и распространявшей сладковатый железистый запах. Рот пересох, словно он наелся песка, губы потрескались. Вальс потянулся ко рту правой рукой, но выяснилось, что он ее не чувствует, будто ниже локтя ничего не было.

Вальс с трудом сел, опираясь на левую руку. Поднес кисть правой к глазам, порываясь рассмотреть ее на туманный просвет, который окрашивал воздух в желтоватый цвет. Рука дрожала. Он это видел, но не чувствовал. Вальс попробовал сжать и разжать кулак, однако мышцы не слушались. И только теперь он заметил отсутствие двух пальцев, среднего и указательного. На их месте чернели два безобразных пятна, из которых свисали лоскуты кожи и мяса. Вальс закричал, вернее попытался, но голос изменил ему, и из горла вырвался лишь хриплый протяжный стон. Он упал на спину и закрыл глаза, стараясь дышать ртом, чтобы не ощущать омерзительной вони, отравлявшей атмосферу. Неожиданно он вспомнил эпизод из своего раннего детства, случившийся однажды летом в предместьях Сеговии. Старый пес заполз в подвал, чтобы там издохнуть. По воспоминаниям Вальса, тошнотворный запах, заполонивший дом, ничем не отличался от смрада, от которого у него теперь першило в горле. Этот был даже омерзительнее, полностью лишая его способности думать. Вскоре усталость одолела его, и он впал в тяжелое оцепенение, балансируя на тонкой грани между сном и бодрствованием.

Вальсу снилось, будто он едет в поезде, где не было ни одного пассажира, кроме него. Паровоз, оседлав клубы черного дыма, стремительно приближался к цитадели с лабиринтом фабричных зданий, похожих на кафедральный собор, башен со шпилями и нагромождением мостов и крыш, сплетавшихся под немыслимым углом, создавая причудливый ансамбль на фоне багрового неба. Перед тем как поезд втянулся в тоннель (казалось, что он бесконечен), Вальс высунулся из окошка и увидел, что подступы к нему охраняли скульптуры двух ангелов

с расправленными крыльями и острыми хищными зубами, торчавшими изо рта. Полустертая надпись над зевом тоннеля гласила: «Барселона».

Поезд ворвался в тоннель с адским грохотом, и, когда выскочил из-под земли с противоположной стороны, впереди выросла гора Монтжуик. На ее вершине отчетливо виднелся силуэт крепости, окутанной красным сиянием. Вальс почувствовал, что внутри у него похолодело. По проходу к нему приближался проводник, скрюченный, как ствол старого дерева, расщепленного бурей. Около купе Вальса он задержался. К униформе проводника была прикреплена бляха с фамилией: «Сальгадо».

– Ваша станция, сеньор комендант...

Поезд поднялся к вершине по извилистой дороге, которую Вальс помнил до последнего камешка, и въехал во двор крепости. Остановился состав в каком-то темном коридоре, и Вальс вышел из вагона. Поезд вновь тронулся и скрылся во мраке. Вальс осмотрелся по сторонам и обнаружил, что очутился в одной из тюремных камер. Черная фигура наблюдала за ним из-за железных прутьев. Вальс попытался объяснить, что произошла чудовищная ошибка, он должен находиться по ту сторону решетки, поскольку является комендантом тюрьмы, но голос пропал.

А потом возникла боль, грубо прервав сон, словно его ударило током.

Смрад разложения, темнота и холод никуда не исчезли, но теперь Вальс почти не обращал внимания на эти неприятности. Он мог думать лишь о боли. Такой адской боли Вальс не только не испытывал прежде, но даже не мог представить, что она существует. Правая рука горела огнем. Ему чудилось, будто он окунул кисть в открытое пламя и не в состоянии вытащить ее. Здоровой рукой он приподнял искалеченную. Даже в сумраке Вальс разглядел, что из черных каверн, появившихся там, где полагалось находиться пальцам, вытекает густой кровянистый гной. Он беззвучно закричал.

От боли к нему вернулась память.

Перед мысленным взором разворачивались картины недавнего прошлого. Вальс вспомнил мгновение, когда на закате вдаль возникли очертания Барселоны. Сквозь лобовое стекло он следил, как она вырастала из земли, словно исполинская декорация для спектакля в ярмарочном балагане, и былая ненависть к этому месту оживала. Его верный телохранитель Висенте молча вел автомобиль, сосредоточившись на дороге. Если даже он испытывал страх, то не показывал его. Они прокатились по улицам и бульварам города, где пешеходы, кутаясь в пальто, ускоряли шаг, запорошенные снегом, который кружил и искрился в воздухе, как хрустальный туман. Машина вырулила на бульвар, направляясь в сторону Верхнего города, и вскоре они уже ехали по шоссе, которое поднималось, выписывая сотни поворотов, к уступам Вальвидеры. Вальс узнавал удивительный район с фасадами домов, словно парившими между небом и землей. Барселона раскинулась у подножия холма ковром, сотканным из тени, который сливался с морем. Фуникулер скользил к вершине, отмечая извилистый путь золотистым сиянием, в его свете проступали контуры больших особняков в модернистском стиле, подпиравших склон горы. Там, утопая в деревьях, виднелся внушительный старый дом. Вальс проглотил комок в горле. Висенте взглянул на него, и Вальс соорудил гримасу. Очень скоро все закончится. Он взвел курок револьвера, который сжимал в руке. Уже стемнело, когда они приблизились к ограде виллы. Ворота были открыты. Машина углубилась в сад, заросший кустарником, и обогнула фонтан, пересохший и увитый плющом. Висенте остановил автомобиль у парадной лестницы, поднимавшейся к входной двери. Заглушив мотор, он вынул револьвер. Висенте никогда не пользовался пистолетом, предпочитая револьвер. «Они не дают осечек», – повторял он.

– Который час? – тихо спросил Вальс.

Висенте не успел ответить. Все произошло мгновенно. Едва телохранитель вытащил ключ из замка зажигания, Вальс заметил фигуру за стеклом. Висенте, не теряя времени, оттолкнул Вальса и выстрелил. Оконное стекло разлетелось вдребезги в паре сантиметров от

его физиономии. Вальс почувствовал, как лицо обдало мелкими осколками, поранив кожу. От грохота выстрела он оглох, в ушах пронзительно зазвенело. И прежде чем в салоне рассеялись клубы порохового дыма, дверца рядом с водителем резко распахнулась. Висенте повернулся с револьвером на изготовку, но выстрелить второй раз помешало нечто, вонзившееся ему в горло. Он схватился за шею. Темная кровь ручьями потекла сквозь пальцы. На мгновение их взгляды встретились: в глазах телохранителя застыло удивление. Через секунду Висенте рухнул грудью на руль, надавив на гудок, зазвучавший пронзительно и протяжно. Вальс попробовал поднять его, но тело грузно завалилось в противоположную сторону и свесилось из машины. Вальс вскинул револьвер, удерживая рукоять обеими руками, и прицелился в темноту за открытой дверцей водителя. Чужое дыхание коснулось затылка. Резко повернувшись с намерением выстрелить, Вальс тотчас ощутил резкий леденящий удар по пальцам. Металл прошел до кости, и у Вальса потемнело в глазах от накотившей дурноты. Револьвер упал на колени, и он увидел кровь, стекавшую по руке. Фигура приблизилась вплотную к автомобилю, вооруженная ножом с окровавленным лезвием. Вальс попытался открыть дверцу, однако замок, поврежденный первым выстрелом, заклинило. Его схватили за шиворот и яростно дернули. Он отстраненно отметил, что его выволокли из салона через разбитое стекло и потащили по усыпанной гравием дорожке к потрескавшимся мраморным ступеням лестницы. Прошелестели легкие шаги. В лунном свете возникло существо, которое Вальс сначала принял в бреду за ангела, а потом подумал, что за ним явилась смерть. Встретившись с ним взглядом, Вальс понял, что ошибался.

– Над чем ты смеешься, ублюдок? – раздался голос.

Вальс улыбался.

– Ты выглядишь так... – пробормотал он.

Закрыв глаза, Вальс ждал удара милосердия, но его не последовало. Ангел просто плюнул ему в лицо. Шаги удалились. Бог или дьявол смилостивился над ним, и он потерял сознание.

Вальс не мог сообразить, сколько прошло времени с тех пор, как разыгралась эта драма, – несколько часов, дней или недель. В камере времени не существовало. Окружающий мир превратился в холод, боль и темноту. Внезапно Вальса охватила ярость. Он подобрался к решетке и принялся колотить холодный металл, пока не ободрал кожу. Он все еще цеплялся за железные прутья, когда под потолком забрезжил свет, обозначив в темноте ступени лестницы, спускавшейся к камере. Услышав шаги, Вальс с надеждой поднял голову и с мольбой протянул руку, продев ее сквозь решетку. Тюремщик замер в полумраке, наблюдая за пленником. Лицо у него было закрыто, а застывшая поза придавала сходство с манекенами в витринах магазинов на Гран-Виа.

– Мартин? Это вы? – спросил Вальс.

Тюремщик не издал ни звука и по-прежнему лишь смотрел на него. Вальс склонил голову, словно давая понять, что принимает правила игры.

– Дайте воды, пожалуйста, – простонал он.

Тюремщик долго простоял на одном месте без движения. Вальс почти поверил, что ему померещилось и человек, притаившийся в темноте, – порождение галлюцинаций, которые начались у него от боли и заражения крови, съедавших его заживо. И в этот момент тюремщик сделал несколько шагов, приближаясь к камере. Вальс жалко улыбнулся.

– Воды! – взмолился он.

Струя мочи окатила лицо Вальса, и порезы, покрывавшие кожу, полыхнули жгучей болью. Вальс взвыл и отпрянул от решетки. Он отползал назад, пока не уперся спиной в стену, и съежился, сжавшись в комок. Тюремщик поднялся по лестнице, скрывшись из виду, гулко захлопнулась дверь, и свет снова погас.

И лишь тогда Вальс заметил, что в камере он не один. Висенте, преданный телохранитель, сидел, привалившись к стене в углу каземата. Он не шевелился. Ладони и пальцы раздулись и приобрели багровый оттенок.

– Висенте!

Вальс пополз к нему, но остановился, сообразив, что приближается к источнику смрада. Он забился в противоположный угол и уткнулся лицом в колени, пытаясь избавиться от чудовищного запаха. Постарался воссоздать в памяти образ своей дочери Мерседес. Вальс представил, как она играет в кукольном доме, подъехав к нему на личном поезде. Он видел ее ребенком, который смотрел зачарованно ему в лицо с выражением, искупавшим все и приносившим свет туда, где его сроду не было.

Вскоре холод, боль и усталость одержали над ним верх, и Вальс почувствовал, что снова теряет сознание. Он с надеждой подумал, что, возможно, пришла его смерть.

2

Фермин Ромеро де Торрес проснулся внезапно. Сердце билось со скоростью пулемета, и у Фермина появилось навязчивое ощущение, будто в груди звучит вагнеровское сопрано. Он открыл глаза в бархатной темноте и с трудом перевел дух. Стрелки будильника подтвердили худшие опасения: даже полночь не наступила. Фермину удалось поспать какой-то жалкий час, прежде чем бессонница опять налетела на него, словно разогнавшийся трамвай. Под боком посапывала, как теленок, Бернарда, блаженно улыбаясь в объятиях Морфея.

– Фермин, кажется, ты станешь отцом.

Беременность сделала ее еще соблазнительнее, красота расцвела, и вся она состояла из аппетитных округлостей, которыми он был готов полакомиться без промедления. Фермин испытывал острое искушение довести до конца благое дело под названием «полночный экспресс», однако не осмелился разбудить Бернарду, нарушив небесный покой, озарявший ее лицо. Он отдавал себе отчет в последствиях подобного шага. А варианта просматривалось всего два: либо последует термоядерный взрыв гормонов, буквально сочившихся у жены сквозь поры, и Бернарда превратится в дикую тигрицу, растерзав его на мелкие кусочки; либо огонь страсти разгорится, но тогда благоверную будут обуревать разнообразные фобии, и в особенности боязнь, что всякая попытка разгрузить трюмы повредит малышу. Фермин не винил супругу. Бернарда потеряла первого ребенка, которого они зачали незадолго до женитьбы. Жена так сильно горевала, что Фермин стал опасаться, что потеряет ее навсегда. Но вскоре, как предсказал врач, Бернарда вновь очутилась в интересном положении и вернулась к жизни. Правда, теперь ее постоянно преследовал страх вновь лишиться младенца, и порой Фермину казалось, что жена даже дышит с осторожностью.

– Любовь моя, но ведь доктор сказал, что ничего страшного не случится.

– Он бесстыдник. Как и ты.

Мудрый человек знает, как опасно будить вулканы, революции и беременных женщин. Фермин тихо выскользнул из супружеской постели и на цыпочках пробрался в столовую скромной квартирки на улице Хоакина Косты, где они с женой поселились после возвращения из свадебного путешествия. Он надеялся утолить печаль и похоть «Сугусом», но беглая ревизия кладовой выявила, что стратегический запас на нуле. Фермин почувствовал, что настроение у него упало ниже тапочек. Это была катастрофа. Но затем вспомнил, что в вестибюле Французского вокзала всегда стоял с передвижным прилавком продавец закусок и сигарет. Слепой Диего работал до глубокой ночи и обычно предлагал богатейший выбор карамели и непристойных шуток. Стоило представить лимонный «Сугус», как рот наполнился слюной в предвкушении, и, не теряя ни секунды, Фермин сбросил пижаму и закутался в теплое пальто, словно собираясь лечиться от лихорадки сибирской ночью. Экипированный таким образом,

он выскочил на улицу, чтобы удовлетворить низменные инстинкты и нанести ответный удар бессоннице.

Раваль – земля обетованная для страдающих бессонницей, поскольку квартал, хотя он тоже не спит, сулит забытие. Как бы ни тяготил душу груз невзгод и печалей, нужно было сделать всего несколько шагов, чтобы столкнуться с персонажем или явлением, которые напояли: всегда найдется тот, кому жизнь сдала карты гораздо хуже. В ту ночь перекресток судеб заволокло желтоватым туманом, пропитанным миазмами нечистот, газовых фонарей и отголосками прошлого, подернутыми сепией. Это облако расплзлось по сплетению улочек, как заклятие или предостережение, – кому как понравится.

Фермин углубился в дебри квартала, где не утихал гвалт и тянуло смрадными запахами от разнообразных продуктов жизнедеятельности босняков, населявших эти переулки, столь же темные, искривленные и запутанные, как фантазии епископа. Наконец он вынырнул вблизи статуи Колумба, которую чайки злостно разукрасили белым пометом, отдавая сомнительную дань средиземноморской диете. Фермин юркнул на бульвар, взяв курс на Французский вокзал, избегая смотреть назад, где на вершине горы виднелся злобный силуэт крепости Монтжуик, как коршун, терпеливо подстерегавший свою добычу.

В окрестностях порта американские моряки слонялись в поисках развлечений и подходящего случая для культурного обмена с дамами легкого поведения, испытывая непреодолимое желание обучить их базовой лексике и кое-каким фокусам на радость всему побережью. Фермин вспомнил Росиито, свою отраду и утешение в бурные ночи юности. В шикарной груди куртизанки билось доброе сердце, и она нередко скрашивала ему одиночество. Год назад Росиито, поддавшись уговорам жениха, преуспевающего коммерсанта Реуса, отказалась от трудовой деятельности и отправилась в морской круиз как почтенная сеньора, кем она, в сущности, оставалась. Вероятно, почувствовала, что жизнь в кои-то веки улыбнулась ей.

Размышляя о Росиито и о том, что великодушные люди как редкий вид фауны находятся на грани вымирания, Фермин дошел до Французского вокзала. Заметив, что слепой Диего собрался сворачиваться, он припустился к нему бегом.

– Господи, Фермин, я думал, в такое время суток ты не даешь скучать своей супруге! – воскликнул Диего. – Опустошил запасы «Сугуса»?

– До нуля.

– Есть лимонный, ананасовый и земляничный.

– Пусть будет лимонный. Пять пакетиков.

– И один – в подарок от фирмы.

Фермин заплатил за покупку, не забыв о чаевых. Диего не считая ссыпал монеты в кожаную сумку, которую носил на поясе по примеру кондукторов трамваев. Фермина поражало, как Диего понимал, надули его или нет. Он никогда не ошибался. Диего родился слепым и под несчастливой звездой, как какой-нибудь курсант-пехотинец. Жил одиноко в комнате без окон в пансионе на улице Принцессы. Его лучшим другом был транзисторный приемник: слепец слушал трансляции футбольных матчей и новости, немало его веселившие.

– Пришел поглядеть на поезда?

– Куда денешься от старых привычек, – произнес Фермин.

Он посмотрел вслед слепому Диего, спешившему в свой пансион, где его не ждали даже клопы, и подумал о Бернарде, сладко спавшей в теплой постели и благоухавшей розовой водой. Фермин засобирился домой, но не устоял перед искушением войти внутрь огромного станционного крейсера, храма во славу пара и железа, куда он ступил в далеком 1941 году, вернувшись в Барселону. Фермин был уверен: судьба, помимо того что обычно норовила нанести удар в спину порядочному человеку, по возможности оставив его без штанов, любила устроиться на железнодорожном вокзале в минуты отдыха. Ведь именно на перронах начинаются и закан-

чиваются романы и трагедии, совершаются побеги и возвращения, исчезновения и предательства. По сути, вся жизнь представляет собой вокзал, где человек садится – или его вынуждают сесть – не в тот вагон.

Подобные мысли глубиной с чашку кофе посещали его, как правило, поздно ночью, под утро, когда тело от усталости больше не могло пошевелиться, однако мысли в голове вертелись, как волчок. Решив сменить стариковскую философию на спартанский комфорт деревянной лавки, Фермин прошел к сердцу вокзала – под арочные своды перрона. Изогнутые формы явно были использованы хитроумным архитектором с намеком, что кривая судьба родом из Барселоны.

Усевшись на лавку, Фермин развернул пастилку «Сугуса» и отправил ее в рот. Блаженствуя в кондитерском раю, он рассеянно смотрел на рельсы, которые тянулись вдаль и растворялись в темноте. Вскоре Фермин ощутил легкую дрожь под ногами и увидел луч прожектора паровоза, прорезавший ночную мглу. Через пару минут поезд приблизился в облаке пара к вокзалу.

Перрон обволакивала пелена тумана, который натянуло с моря, и в зыбкой дымке пассажиры, вышедшие из вагона, казались призраками. Люди скупались на проявления радости после длительного путешествия. Фермин разглядывал пассажиров, когда они проходили мимо, и оценивал выражения лиц и одежду, пытаясь угадать характер персонажей и придумывая обстоятельства, которые привели их в город. Он начал входить во вкус новой роли «моментального» биографа безымянного горожанина, когда увидел ее.

Она появилась из вагона в клубах белого пара, как великолепная Марлен Дитрих. Во всяком случае, именно такое эффектное прибытие обожаемой актрисы на вокзал Берлина, Парижа или любого другого, условного, места на планете Фермин привык предвкушать на утренних сеансах в «Капитолии» в славный XX век великого черно-белого кино. Женщина шла, чуть прихрамывая, – хоть Фермин не дал бы ей и тридцати лет, у него язык не повернулся бы назвать ее девушкой или юной дамой. Легкая хромота будто оттеняла ее уязвимость и добавляла таинственности.

Точеные черты лица женщины и весь ее облик источали одновременно свет и тень. Если бы Фермину пришлось описывать внешность незнакомки своему другу Даниэлю, он сказал бы, что она напоминает одного из призрачных ночных ангелов, обитавших на страницах романов Давида Мартина, его собрата по тюремному заключению в крепости Монтжуик. И особенно она походила на неподражаемую Хлое, роковую героиню многих новелл сомнительной благопристойности из готического цикла «Город проклятых». Невозможно сосчитать, сколько часов сна Фермин принес в жертву ей, Хлое. Ночи напролет он читал запоем книги, из которых почерпнул энциклопедические знания об искусстве отравления, о темных страстях преступного разума, а главное, научился ценить богатство форм и красоту женского нижнего белья, а также постиг науку его изготовления. «Возможно, – подумал Фермин, – настала пора перечитать эти упоительные готические романы, пока душа и тестикулы окончательно не иссохли».

Фермин следил за приближением женщины, и взгляды их случайно встретились. На мгновение между ними возникла зыбкая связь, но она тотчас оборвалась, стоило женщине двинуться дальше, опустив голову. Фермин спрятал лицо в воротник пальто и съехал. Волна пассажиров схлынула и унесла с собой эту женщину. Фермин сидел на лавке, с трудом сдерживая дрожь, пока им не заинтересовался начальник станции.

– Послушайте, сегодня ночью больше не будет поездов, а поскольку спать тут нельзя...

Фермин кивнул и поплелся восвояси. В вестибюле вокзала он огляделся вокруг, но женщины простыл и след. Фермин выскочил на улицу, и порыв холодного ветра вернул его на землю, в реальность нынешней зимы.

– Алисия? – спросил он у ветра. – Неужели это ты?

Фермин тяжело вздохнул и нырнул в тень извилистых улочек, убеждая себя, что глаза, в глубину которых он нечаянно заглянул, не могут принадлежать ребенку, пропавшему в ту далекую ночь во время войны, когда разбомбили город. Алисия, девочка, которую он не сумел спасти, наверняка погибла под бомбежкой, как и очень многие. И даже его заклятый враг, злой рок, не посмел бы так жестоко подшутить над ним.

«Наверное, это призрак, восставший из мертвых, чтобы напомнить, что человек, позволивший умереть ребенку, не заслуживает счастья оставить после себя потомство. Неисповедимы пути Господа, как утверждают священники», – рассуждал Фермин.

– Это должно иметь научное объяснение, – вслух произнес он. – Как *trempera matinera*³⁴.

Фермин положился на эмпирический метод познания и, вонзив зубы сразу в две подушечки «Сугуса», отправился в обратный путь, в жаркую постель, где его ждала Бернарда. Он был уверен, что случайных событий не бывает: рано или поздно он разделается с этой тайной, или тайна разделается с ним, раз и навсегда.

3

По пути к выходу из здания вокзала Алисии попался занятный субъект, который сидел на скамейке в начале перрона и украдкой наблюдал за ней. Самым примечательным во внешности тщедушного человечка являлся огромный нос. Пожалуй, его образ отвечал художественному стилю Гойи. Человечек утопал в пальто, оно было ему велико, напоминая улитку, обремененную тяжелой раковиной. Алисия рискнула бы поклясться, что под одеждой он носит сложенные газеты для защиты от холода, или бог его знает зачем, – мода, практически исчезнувшая после первых послевоенных лет.

Проще было бы забыть о нем, посчитав лишь еще одним рядовым в несметной армии обездоленных: и теперь, через двадцать лет после окончания войны, они по-прежнему переполняли трущобы больших городов и жили с надеждой, что история вспомнит об Испании и возродит ее из небытия. Проще было поверить, что Барселона смирится и подарит ей хотя бы несколько часов передышки, прежде чем отдать на откуп судьбе. Алисия прошла мимо, не обернувшись, и поспешила к выходу, молясь демонам ада, чтобы он не узнал ее. С той страшной ночи миновало двадцать лет, а она была в то время маленькой девочкой.

У вокзала Алисия взяла такси и попросила водителя отвезти ее к дому номер двенадцать на улице Авиньон. Голос дрогнул, когда она называла адрес. Свернув на бульвар Исабеллы II, машина направилась в сторону Виа-Лайетана, обгоняя трамваи, озарявшие туманную дымку вспышками электричества, высекавшего синеватые искры из проводов. В окно Алисия рассматривала очертания ночной Барселоны, арки и башни, переулки, стремившиеся в глубину старого города, и далекие огни замка Монтжуик на вершине холма. «Дом, родной и сумрачный дом», – думала она.

За полночь движения на улицах почти не было, и такси домчалось до места назначения за пять минут. Водитель высадил ее у дома двенадцать на улице Авиньон. Отблагодарив его чаевыми, вдвое превышавшими плату за проезд, Алисия спустилась вниз по улице к portalу, с наслаждением подставляя лицо холодному ветру, который нес запах квартала – запах старой Барселоны, неистребимый даже под дождем. С удивлением она поняла, что улыбается. Со временем даже плохие воспоминания кажутся приятными.

³⁴ Здесь: утренняя эрекция (катал.).

* * *

Ее прежнее жилище находилось в двух шагах от перекрестка с улицей Фернандо, напротив старомодного ресторанчика «Гран-кафе». Алисия искала ключи в кармане пальто, когда услышала звук открывающейся двери подъезда. Она подняла голову и увидела перед собой светившееся улыбкой лицо Хесусы, консьержки.

– Иисус, Мария и Иосиф! – с чувством воскликнула женщина.

Не дав ей времени ответить, Хесуса заключила Алисию в объятия, которые не посрамили бы и боа констриктора, и осыпала горячими поцелуями.

– Позвольте мне на вас посмотреть, – произнесла консьержка.

Алисия улыбнулась:

– Только не говорите, что я тощая.

– Это вам мужчины скажут и впервые в жизни окажутся правы.

– Если бы вы знали, как я соскучилась, Хесуса!

– Подлиза, совсем у вас совести нет. Дайте я еще раз вас поцелую, чего вы совершенно не заслуживаете. Сами посудите, столько времени не приезжали, не звонили, не написали ни строчки, совсем ничего...

Хесуса Лабордета была одной из многих женщин, овдовевших во время войны, у кого силы духа и отваги хватило бы на девять жизней, которые им не довелось и не доведется прожить. Пятнадцать лет она работала консьержкой в городском домовладении, где занимала крошечную двухкомнатную квартирку в конце холла. Одиночество ей скрашивали радиоприемник, всегда настроенный на волну, где транслировали романтические сериалы, и полуживой пес, которого она подобрала на улице и назвала Наполеоном. Правда, ему редко удавались успешные и своевременные походы хотя бы до угла дома, чтобы справить утром малую нужду, и в большинстве случаев он облегался под почтовыми ящиками у входа. Для прибавки к мизерной зарплате Хесуса чинила и перелицовывала старую одежду для жителей квартала. Злые языки – а в те времена злословили почти все – с удовольствием рассказывали, что ани-совая настойка нравилась Хесусе больше морячков, которым тесны штаны, и будто бы в те моменты, когда она хваталась за бутылку, из ее маленького жилища доносились рыдания и крики, сопровождавшиеся воем испуганного Наполеона.

– Давайте, заходите скорее, на улице холодно.

Алисия последовала за ней в дом.

– Утром звонил сеньор Леандро, чтобы предупредить о вашем возвращении.

– Какой внимательный этот сеньор Леандро.

– Он настоящий кабальеро! – заявила обожающая его Хесуса. – И так складно говорит...

Лифт в особняке отсутствовал, а лестницу архитектор, наверное, нарочно спроектировал как элемент устрашения. Хесуса шагала впереди, Алисия поспевала за ней, как могла, с усилием волоча чемодан.

– Я проветрила квартиру и прибралась хорошенько. Мне помогал Фернандито, надеюсь, вы не возражаете. Как только он узнал, что вы приезжаете, не мог успокоиться до тех пор, пока я не разрешила ему хоть что-то сделать.

Фернандито был племянником Хесусы. Обладая душой чистой и трепетной, которая пришла бы впору даже святому, Фернандито страдал юношеской влюбленностью в хронической форме. Для полного удовольствия, в качестве завершающего штриха мать-природа одарила его внешностью человека наивного и бесхитростного. Фернандито жил с матерью в соседнем доме и работал сортировщиком заказов в продуктовом магазине. Но главным своим призванием он считал высокую поэзию и отдавал все силы и способности сочинению лирических

поэм, посвященных Алисии, в которой видел неотразимое сочетание дамы с камелиями и злой королевы из «Белоснежки», только гораздо лучше. Три года назад, незадолго до отъезда Алисии из Барселоны, Фернандито признался ей в вечной любви и выразил желание иметь от нее детей, как минимум пятерых. Призвав Бога в свидетели, поклялся, что его тело, душа и прочее имущество навсегда принадлежат ей – и все это в обмен на прощальный поцелуй.

– Фернандито, я старше на десять лет. Плохо, что тебе приходят в голову подобные мысли, – пожурела юношу Алисия, вытирая ему слезы.

– Почему вы меня не любите, сеньорита Алисия? Считаете недостаточно мужественным?

– Фернандито, тебе хватило бы мужества потопить Непобедимую армаду, однако лучше поискать девушку среди ровесниц. Пройдет пара лет, и ты поймешь, что я была права. Я же могу обещать только дружбу.

Амбиций у Фернандито хватало. В этом отношении он мало чем отличался от начинающего боксера, у которого желания больше, чем необходимых для чемпиона задатков. Сколько бы на него ни сыпалось ударов, он всегда возвращался, чтобы получить еще.

– Никто не будет любить вас больше меня, Алисия. Никто.

У Фернандито, наслушавшегося болеро по радио, мелодрама стала второй натурой. В день отъезда Алисии в Мадрид он ждал ее на перроне железнодорожного вокзала в воскресном костюме и ботинках, начищенных до блеска ваксой, до боли напоминая Карлитоса Гарделя³⁵. Фернандито держал пышный букет алых роз, наверное, стоивший ему месячного жалованья, и был решительно настроен вручить Алисии страстное любовное письмо, прочитав которое, сгорела бы со стыда сама леди Чаттерлей. Но Алисия лишь рассмеялась, не в силах отнестись к нему всерьез, к великому разочарованию бедного Фернандито. Прежде чем Алисия успела подняться в вагон, благополучно избавившись от метившего в Казановы юноши, Фернандито собрал все мужество и отвагу, накопившиеся с момента бурного начала пубертата, и поцеловал ее по-настоящему – так, как целуются лишь в пятнадцать лет, поверив, пусть на мгновение, что в реальном мире мечты сбываются.

– Вы разбили мою жизнь, сеньорита Алисия, – заявил он, всхлипывая. – Я умру от слез. Я читал, что иногда такое происходит. Пересыхание слезных желез ведет к разрыву аорты. По радио недавно рассказывали. Вы получите сообщение о моей смерти, и она ляжет камнем на вашу совесть.

– Фернандито, в каждой твоей слезинке больше истинного жизнелюбия, чем когда-либо будет у меня, даже если я протяну до ста лет.

– Эту фразу вы прочитали в какой-то книге?

– Не существует на свете книг, которые в должной мере раскрывали бы твои достоинства. Как и трактат по биологии мало что говорит о человеке.

– Прощайте, уезжайте с вашим коварством и каменным сердцем. Однажды, оставшись в полном одиночестве, вы вспомните обо мне и пожалеете.

Алисия поцеловала его в лоб. Из озорства она хотела поцеловать Фернандито в губы, но это сразило бы его наповал.

³⁵ Гардель, Карлос (1890–1935) – аргентинский танцор танго, певец, композитор и киноактер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.